

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

ВЫПУСК 16

Основан в 1972 г.

Издательство «Наука»

Саратов 2018

УДК 9(4-11)(082)

ББК 63.3 (45)я43

С47

Редакционная коллегия:

*д.и.н. А.Н. Галямичев (отв. редактор), д-р Я. Вацулик,
к.и.н. Е.Н. Многолетняя (отв. секретарь), д.и.н. С.А. Мезин,
к.и.н. С.В. Соколов, к.и.н. Я.Н. Рабинович*

Рецензенты:

*доктор исторических наук Ю.В. Варфоломеев,
кандидат исторических наук А.П. Пашинин*

С47 Славянский сборник: Межвуз. Сб. науч. тр. Вып. 16. —
Саратов: ИЦ «Наука», 2018. — 140 с.

ISSN 0207 — 2467

В сборнике публикуются статьи по широкому кругу проблем исторической славистики — от вопросов ранней истории средневековых городов до проблематики истории славянских народов в первые десятилетия XX века.

Для студентов, преподавателей, научных работников, всех, интересующихся проблематикой всемирной истории.

УДК 9(4-11)(082)

ББК 63.3 (45)я43

ISSN 0207 — 2467

© Саратовский государственный
университет, 2018

УДК 94(437)

Я. Вацулик,
Университет имени Т.Г. Масарика,
Брно, Чешская Республика,
E-mail: vaculik@kerio.ped.muni.cz

Отношение Русской Православной Церкви к чешским иммигрантам Волынской губернии (1870 — 1888 гг.)

В статье рассматривается один из важных аспектов истории чешской колонизации на Волыни в 1870-е — 1880-е гг. — её религиозная составляющая. Автор прослеживает стремление руководства Русской Православной Церкви создать условия для перехода чешских переселенцев в православие.

Ключевые слова: чешская колонизация на Волыни, Русская Православная Церковь.

The attitude of The Russian Orthodox Church to the Czech immigrants of the Volyn province (1870-1888)

The article considers one of the important aspects of the history of Czech colonization in Volhynia in the 1870s-1880s — its religious component. The author traces the desire of the leadership of the Russian Orthodox Church to create conditions for the transition of Czech immigrants to Orthodoxy.

Key words: Czech colonization in Volhynia, Russian Orthodox Church.

Чехи начали переселяться на Волынь в 1868 г. вскоре после подавления польского восстания в январе 1863 года. Важным стимулом для переселения стала дешевая цена на землю, продававшейся польскими землевладельцами, которые были ущемлены отменой крепостного права в 1861 г. и испытывали гонения со стороны правительства России после подавления январского восстания. К такого рода мерам относился, в частности, запрет приобретения земли католиками.

Среди чешских переселенцев сформировалось настроение, что они вовсе не католики (хотя по метрикам являлись таковыми), а гуситы, вынужденные на Родине скрывать свою веру от австрийского правительства, которое якобы навязывало им католицизм. По словам многих чешских

иммигрантов, они отправились в Россию, чтобы «среди братского русского народа обрести свободу своей веры, близкой к православию, которое здесь, на Волыни, вскоре приведет всех чехов в лоно Православной церкви».¹

Иные цели преследовало российское правительство. Чешские иммигранты должны были способствовать расколу католиков в России. По словам главы Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий графа Сиверса, «нынешнее расселение в нашей стране может оказаться поводом для введения в наш католицизм не польского, но при этом славянского духовенства»². С этого момента чехи на Волыни оказались в сфере пристального внимания правящих кругов, которые стремились превратить их в инструмент борьбы за ослабление позиций полонизма и католицизма в этой области. Предполагалось, что чехи постепенно перейдут в православие через гуситство.

Однако проект создания независимой Гуситской церкви натолкнулся на сопротивление православного архиепископа Волынского Агафангела, который выступал против гуситского проекта и приглашения священников из Чехии. Направленные им в чешские поселения посланники сообщали, что чехи вовсе не являются гуситами, оставаясь католиками. Житомирский кафедральный протоиерей Овсянкин видел среди чехов не гуситов, а лишь определенное число людей, свободно трактующих вопросы веры. Он пришел к выводу, что «чехи — не враги православия и русской народности, они хотят единства с нами, но как будто все еще боятся этого желания и выражают себя нерешительно и не совсем ясно»³. Он просил назначить волынским чехам опекуна из числа высших должностных лиц русского происхождения и православной веры, который мог бы под руководством обер-прокурора Святейшего Синода поддерживать тесные контакты с генерал-губернатором Юго-Западного края, чтобы местные интересы или интриги не помешали осуществлению намерений Православной церкви.

Свои предложения архиепископ Волынский Агафангел представил обер-прокурору Святейшего Синода графу Дмитрию Андреевичу Толстому и находившемуся в Киеве генерал-губернатору. Одновременно началась кампания, которая должна была идеологически обосновать необходимость так называемого «единения» волынских чехов с православием.

Православное духовенство, ознакомившись с намерением правительства создать обособленную чешскую национальную церковь на Волыни, начало высказывать опасения, а архиепископ Волынский Агафангел стал оказывать давление на Святейший Синод. 21 февраля 1870 г. генерал-губернатору пришлось разьяснять архиепископу политическую важность правительственных мер⁴. Он указывал на то, что стремление волынских чехов отделиться от католицизма создаёт основу для их полного слияния с православием.

4 ноября 1870 г. министерская комиссия во главе с начальником канцелярии министра внутренних дел Львом Саввичем Маковым приняла

решение отделить чехов от Римско-католической церкви и обязала министерство внутренних дел создать приходы так называемой Гуситской церкви. Маков требовал от Православной церкви не вмешиваться в вопрос об отделении чехов от Католической церкви и ограничиться поддержкой нового вероисповедания. В феврале 1871 г. на Волынь прибыли два чешских священника — Ян Саска и Вацлав Хрдличка, которые представили документы о получении католического богословского образования, о священническом рукоположении и продолжительности службы в Чехии. Оба священника заверили генерал-губернатора в том, что основы их веры заключаются в непризнании Папы Римского, причащении под обоими видами, непризнании целибата и ведении литургии на национальном языке. Православное духовенство никак не отреагировало на это событие, в том числе тогда, когда были нарушены два принципа церкви (Саска совершил обряд венчания Хрдлички во время Великого поста).

Некоторые чехи жаловались на новых священнослужителей православным священникам. Все такого рода жалобы архиепископ Агафангел переадресовывал в Синод. Он сообщал, что гуситские литургии, проводимые Хрдличкой, противоречили не только догматам Православной церкви, но и христианскому учению вообще. В своих проповедях Хрдличка якобы утверждал, что «нет ни небес, ни ада, ни вечных мук, ни воздаяний». По словам архиепископа, это подрывало веру волынских чехов.

Генерал-губернатор пытался объяснить архиепископу состояние чешских дел. В 1871 г. он уверял начальника канцелярии министерства внутренних дел Л. С. Макова в том, что архиепископ обрел «ясный взгляд на этот вопрос и удостоверился, что чешские священники не только не препятствуют обращению чехов в православие, но скорее будут способствовать их сближению с нашей Церковью, отчасти благодаря их симпатии к такому сближению, а также из-за их изолированного положения и нехватки средств для создания новой гуситской религии, не располагающей нигде ни иерархией, ни определенной формой».

Борьба с католицизмом, связанная со стремлением русифицировать приграничные регионы, обеспечить так называемые подлинные русские устои в Юго-Западном, стратегически очень важном крае, вела правительство к тому, что оно закрывало глаза на протесты православного духовенства, представители которого сообщали, в частности, что чехи называют тех, кто принял православие, ослами, волами, дураками и т. д.⁵

В 1874 г. чешский священник Саска, который приблизил догматическую часть вероучения к православию, проявил готовность присоединиться к Православной церкви, рассчитывая на то, что чешские колонисты последуют его примеру. Однако Святейший Синод выступил против, приняв во внимание нарушение двух важных церковных правил, одним из которых считалась женитьба после вступления в духовный сан, а вторым — венчание им другого священника, к тому же в Великий пост.

В 1883 г. гуситы представили на утверждение Устав Церкви чешских братьев в Российской империи. Чиновник Святейшего Синода Е.М. Крыжановский писал об этом: «Читатель не знает, чего ожидать: смелых ли, вплоть до наивных, религиозных и национальных усилий, неуважительных поучений в адрес Православной церкви, или, наконец, беспрецедентных требований финансовых средств от государственной власти для укрепления и процветания чешского братства на Волыни».⁶

В то время как генерал-губернатор, по указанию Министерства внутренних дел, решительно поддерживал чешскую национальную церковь, православное духовенство с опасением следило за реформистской деятельностью Хрдлички, который при поддержке светской власти организовывал церковь, в которой не было «ни ада, ни рая». Высшее православное духовенство отказывалось поддерживать политику государства, несмотря на заверения генерал-губернатора о том, что чешская национальная церковь находится на пути к православию.

Православное духовенство обратило внимание на взгляды Саски, который выступал против реформистских усилий Хрдлички. Прихожане Саски считали себя старокатоликами. Православный священник Матфей Тарновский писал своему епископу 15 марта 1882 г.: «старокатолики и сами могли бы подать прошение в Синод указав, что они хотят быть православными чехами в своем обособленном приходе и не дать возможности распространяться чешско-братскому исповеданию как секте, открыто говоря, нигилистской. Саска хотел бы лично встретиться с Вами и обо всем поговорить»⁷.

В письме министру внутренних дел графу Николаю Павловичу Игнатьеву православный монах Владимир Терлецкий писал, что «среди чехов в настоящее время образовались две партии. Одна из них, скорее более многочисленная, придерживается старокатолицизма, но не против сблизиться с русскими и примкнуть к православию; во главе партии стоит Саска, который привел доказательства своего положительного отношения к православию и к русским. Вторая партия, по численности меньше, но гораздо более влиятельная, поскольку в ней состоят богатые кулаки и большинство учителей народных школ, в основном, протестанты и вольнодумцы. Эту партию возглавляет Хрдличка»⁸.

Информация о положении чешских дел на Волыни, направленная в Синод, заинтересовала нового обер-прокурора Синода. С 1880 г. им стал Константин Петрович Победоносцев, приступивший к своему началу к решительной борьбе со всем, что могло бы в самой малой степени не соответствовать триаде «абсолютизм, православие, национализм».

По инициативе православного священника Тарнавского с Саской встретился архиепископ Волынский Тихон, «выразивший глубокое сожаление в связи с тем, что чешский религиозный вопрос в самом начале был нарушен неправильным отношением к нему местных светских властей»⁹.

Архиерей предложил Саске перейти в православие в качестве простого верующего и пообещал ему положение, которое соответствовало бы его способностям и образованию.

Ни поддерживаемое правительством гуситство, ни старокатолицизм не принесли результатов, ожидавшихся от поселившихся на Волыни чехов. Ведущей тенденцией государственной политики 80-х гг. XIX в. стала защита «исконных русских устоев», стремление уничтожить все, что могло бы напоминать либеральные реформы предыдущего правительства.

Идея обособленной национальной чешской церкви, создание которой нашло отклик в бюрократических кругах Санкт-Петербурга, как одно из средств борьбы с католицизмом, не могла рассчитывать на поддержку государства с приходом к власти обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, поскольку она противоречила общему направлению церковной политики. Поддержку иного, не православного, вероисповедания, исключала сама система взаимоотношений между Церковью и государством, неизменно проводимая Победоносцевым.

По словам одного из новообращенных в православие — профессора Яреша — в это время в чешских поселениях на Волыни существовало несколько направлений:

- 1) люди свободомыслящие, считавшие, что религия себя полностью изжила;
- 2) реформаторы чешского католицизма, оказавшиеся при этом не в состоянии решить эту задачу;
- 3) искренние, честные католики, сохранившие свои религиозные убеждения;
- 4) формальные католики, бывшие людьми без веры и моральных принципов;
- 5) протестанты признанных вероисповеданий;
- 6) православные, занимавшие по численности последнее место.¹⁰

Чиновник Святейшего Синода Е. М. Крыжановский, посланный на Волынь в 1886 г., сделал вывод о том, что «исходя из экономического образа жизни, необратимо сближение чехов с поляками, а не с русскими».¹¹ Его поразила религиозная индифферентность чехов: «В праздничный день они играют в любительских театрах, ведут живые беседы, споры, танцуют, поют народные песни и т. д., и только пожилые люди отправляются на молитву. В Глинске, самом большом и одном из самых богатых поселений, имеется помещение для клуба и театра, но не для молитвенного собрания и богослужения». В богатейшем поселении чехов — Квасилове — существовали одновременно два религиозных направления — старокатолическое и чешско-братское. По мнению Крыжановского, чехам был чужд иноверческий религиозный фанатизм. Он отметил, что десять тысяч чехов не в состоянии повлиять на религиозные взгляды 460 тысяч польских католиков на Волыни. Он обратил внимание, что в 1881 г. в

двухсоттысячной Праге было всего лишь шесть представителей исповедания чешских братьев: «Учение чешских или моравских братьев — самая неопределенная и беднейшая из всех христианских религий. Чешские евангелики отказывают чешским братьям не только в праве на гуситское наследие, но и на само существование». Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой докладывал о книге Крыжановского обер-прокурору Синода Победоносцеву, отмечая, что она не только, но и поучительна: «удивляет крайняя зыбкость религиозных представлений так называемых чешских братьев, для которых Маков (министр внутренних дел в 1878 — 1880 гг., совершивший самоубийство в 1883 г. — Я. В.) едва не придумал особую религию».¹²

Крыжановский, ознакомившись с положением чешских поселений на Волыни, выступил против поддержки Чешской национальной церкви. По его мнению, чешское братство поддерживало национальную самобытность чехов и препятствовало их сближению с русским народом. Он предложил ряд мер, направленных на слияние чешского населения с русским, на ограничение агитации польских католических священников и лютеранских пасторов и открытие широкого поля деятельности для православного духовенства. Он потребовал, чтобы Варшавской и Виленской консисториям евангеликов реформатов было запрещено вмешиваться в дела чехов, равно как и польским католическим священникам. Особый надзор следовало установить над теми лицами из числа чехов, которые скомпрометировали себя поддержкой чешского братства.

Он констатировал чувство разочарования волынских чехов в связи с изменением государственной политики в религиозном вопросе: «В России мы искали только лишь дружбу, а не вражду с русским народом, мы только лишь просили о праве на землю. Мы искренне хотели быть в согласии с русским царем и народом, мы знали, что для нас все будет потеряно, если мы подружимся с их врагом. Наши старики и мы не сможем слиться с русскими, но наши дети больше не смогут быть чехами, и должны стать русскими по национальности и по вере. Но нам дали особое управление и особого священника, и с этого началось наше несчастье. У нас не было возможности узнать правду о том, чего же хочет государственная власть от чехов. Нам сказали, что правительство не желает, чтобы чехи были православными, хотя многие изначально желали этого и за это преследовались, как ослушавшиеся воли властей. Нам сказали, что властям нужно, чтобы мы повиновались своим священникам, но мы видели, что наши священники отступили от своей веры, ссорились между собой, стали служить и учить один так, другой иначе. Кого из них слушать? Они читали нам, что правительство дарит чехам свободу веры. Мы сохраняли ту веру, в которой каждый пребывал на родине, одни шли в католические костелы, другие к евангеликам, а остальные называли себя гуситами, но мы не знаем, какая это вера ... А теперь нам сказали, что мы возмутили правительство и утрачиваем право на покупку

земли (Закон от 27 декабря 1884 года – Я.В.). Чем же мы возмутили правительство? Мы работаем, проступков не совершаем, исправно платим налоги, мы слушаемся властей, мы любим нашего Царя, знаем, что католические священники и поляки – его враги ... Нашим богачам – предводителям, вот им хорошо. У них много земли, заводы, фабрики, ремесла, торговля, обороты, а тут большая семья, сына надо женить, землицы ему купить, хоть три-четыре десятинки (десятина = 1 092 га - Я.В.) – а нельзя! Дочь выдать замуж, только вот за кого, если он без земли будет? Ужасное бедствие угрожает нам, беднякам»¹³.

Крыжановский критиковал прежде всего узкую группу так называемых уполномоченных представителей, которые, по его мнению, разделили власть над массами чехов: «Все они — люди капитала, промышленности, агентств и т. д., живущие в важнейших поселениях и городах ... Они не хотят ограничиваться поверхностностью религии, ни даже ее догмами, предпочитая рационализм вере и личной совести ... Они повторяют, что чешское братство не насилует совесть человека и позволяет ему оставаться католиком, евангеликом, реформатом и т. д. ... Они напрямую заявляют о том, что православие непримиримо к чешской народности и даже то, что российское правительство, гарантируя чехам их народность, приняло на себя обязанность охранять их от православия.»

Автор книги нашел среди волынских чехов пять исповеданий: православные, чешские братья, евангелики Гельветского и Аугсбургского исповеданий, старокатолики и католики. Как установил Крыжановский, в основном, преобладали католики, составлявшие не менее двух третей всего чешского населения: «Они совсем не похожи на польских католиков, если говорить об их набожности. На службу в костел их ходит незначительное количество, а со священниками сталкиваются только в случае крещения, погребения или свадьбы»¹⁴.

Ограничения в правах на приобретение земли католиками вели к тому, что волынские чехи подавали прошения об официальном вступлении в Русскую церковь. В печатном органе архиепископа Житомирского «Волынские епархиальные ведомости» сообщалось, что «чехи предполагают осуществить нечто типа единения, ... т. е., объединения с Русской Церковью догматически и иерархически, но с сохранением своей западно-церковной сдержанности»¹⁵.

В 1887 г. на Волынь для ознакомления с религиозным положением чехов и их отношением к православию отправился еще один наблюдатель. Им оказался священник учрежденного в 1870 г. православного храма в Праге А. Лебедев, который в течение восьми лет в Праге тщетно агитировал «заблудших овец» вернуться в лоно Православной церкви. Он считал, что обращение волынских чехов в православие может отразиться и на настроениях чехов в Австро-Венгрии, которые живо интересовались положением своих соотечественников в России. Волынские чехи жаловались

на то, что их путали с немцами и запрещали покупать землю: «В высказываниях чехов чувствовалось оскорбленное национальное чувство и горькое разочарование по поводу неосуществившихся надежд на увеличение земельной собственности». Лебедев утверждал, что чехи мечтали о православии с первых дней их переселения на Вольты: «Но, когда мы поселились здесь, правительство дало нам священников гуситской веры, которые нас рассорили и разделили на разные партии; ныне же мы как разбредшиеся овцы без пастуха. Если бы с самого начала разговор велся так, как его хотят вести сейчас, мы были бы давно православными». По словам Лебедева, немедленному переходу чехов в православие препятствовали строгие посты православной церкви и большое количество праздников: «Чехи опасаются не столько строгих церковных правил, как крестьян (украинцев – Я.В.), которые будут доносить на них священникам, чиновникам и иерархии, а их будут наказывать за несоблюдение православных церковных правил... Крестьяне, судя по случайным беседам, завидуют чехам, забравшим (на самом деле, купившим – Я.В.) помещичью землю, которую те сами хотели обрабатывать».

Результатом бесед, проведенных Лебедевым в чешских поселениях в сопровождении «сторонника вопроса о православии» — луцкого старшины Ивана Валенты, стал вывод, что у большинства чехов все же имеется симпатия к православию, и нужно лишь соответствующим образом их подготовить, потому что «в настоящее время они деморализованы».

Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев наметил еще одну программу Синода и Министерства внутренних дел в отношении чешских колонистов на Вольты. Он указывал, что «безусловно разделяет общую мысль киевского генерал-губернатора (генерала Александра Дрентельна — Я.В.), что правительство стремится отменить все обособленные чешские организации, а основные усилия направить на слияние чешских переселенцев с русским православным населением. Такое стремление обусловлено как реальными интересами правительства, так и самим характером переселенцев. Правительство с самого начала чешского переселения предполагало именно постепенное слияние переселенцев с русским народом и никогда не оставляло их без внимания. Обособленные чешские организации были разрешены независимо от некоторых их взглядов, главным образом, ради того, чтобы облегчить чехам переход к такому слиянию. Первоначально чешские поселенцы прямо выражали свое желание объединиться с русским народом как в национальном, так и в религиозном смысле, и именно в таком смысле для них были созданы свои институты. Однако фактически были достигнуты противоположные результаты. Чехи сейчас намного больше отчуждены от русского народа, чем в начале их переселения на Вольты, и в настоящее время, вопреки своим собственным жизненным интересам, в борьбе партий, появившихся в их среде, пребывают в тревожных опасениях за собственное будущее и в поисках выхода из

затруднительного положения. Такой печальный опыт прошлых лет вполне внушает осторожность и ныне, когда задача слияния чехов с русским населением возникает как будто снова»¹⁶.

Победоносцев согласился с предложением упразднить чешские приходы, но полагал, что этот шаг требует особой осторожности и принципиально другое обоснование: «Несомненно, что чехи, переселяясь на Вольнь, выражали свое отличие от поляков и католических священников и полную симпатию к русскому народу и православию, даже желание присоединиться к Православной церкви, которое некоторые из них тогда же принялись осуществлять ... Чехи назвались гуситами, но не в смысле принадлежности к особому вероисповеданию, которое нигде не существует, а воодушевившись главной идеей Гуса — отделением от Рима и приверженностью заветам славянских апостолов Кирилла и Мефодия. Но, судя по всему, без сомнения, чехи в своем бесспорном отношении к русскому народу и православию, оказались не готовы ни к немедленному слиянию с народом, ни к обращению к Православной церкви, и просили определить для них переходное положение, которое бы их постепенно к этому подготовило».

По мнению Победоносцева, чешские приходы следовало упразднить не потому, что чехи не создали организованную чешскую церковь, а потому, что организация национальной церкви оказалась в противоречии с целями, преследовавшимися властями: «Не создание независимой чешской религиозной общины, а направление как религиозных, так и гражданских дел всех без исключения чехов в духе их тесного единения с русским народом и Православной церковью — в этом задача, которую правительство поставило перед чехами по их собственному желанию в самом начале переселения, ради которой и создавалась чешская независимость... Весь интерес властей заключался в главной задаче — слиться с русским народом; она могла быть выполнена чехами посредством обособленной религиозной общины, но и без нее, в последнем случае даже лучше, чем в первом. Только благодаря возложенной на них миссии чехам достались все льготы, а также доброжелательное отношение, снисхождение и уступки, только ею чехи обосновывали перед правительством все свои общественные и религиозные предложения и пожелания, только во имя этой миссии правительство терпеливо ждало... Спустя десять лет доверия правительства к усилиям чехов ... оказалось, что чехи полностью изменили как общую задачу своего переходного статуса, так и самого гуситства, и не единство и слияние с русским народом стали их задачей, а, наоборот, тщательное отмежевание от подобного слияния, тем более в религиозных отношениях, и, что гуситство под названием чешское братство приняло под свою опеку и католиков, и евангеликов, обязав их только условно подчиняться его администрации, твердо отстаивать чешскую народность и не сливаться ни с поляками, ни с русским народом».

Это те принципиальные устои, на которых следовало строить религиозную политику в отношении волынских чехов: «Закон от 27 декабря 1884 года полностью справедлив, потому что все чешские партии, входящие в независимую чешскую религиозную общину, и те, которые от нее отклоняются, в большей или меньшей степени не выполнили принятые на себя обязательства — в своих органах самоуправления, в своих школах, в своей религии, в частной, в общественной жизни».

Особое внимание Победоносцев уделил будущей судьбе чешских священников: «Они единственные личности среди чехов, которым, независимо от общей ответственности чешского населения, придется нести и личную ответственность и, следовательно, справедливость того требует, чтобы решение их дальнейшей участи соответствовало личному отношению каждого из них к своим обязанностям». Больше других критиковали Хрдличку, который постоянно убеждал русское правительство, что ему полностью удалось наладить религиозную жизнь в своем приходе в соответствии с ожиданиями властей, а потому ему полагается особое внимание и поддержка со стороны государственной власти: «На самом деле он тщательно формировал религиозные взгляды чехов, препятствовавшие их слиянию с другими национальностями и вероисповеданиями, в первую очередь, с русским народом и православием». Деятельность священника Саски Победоносцев считал правильной и соответствующей взглядам правительства: «Преследуемый своими же собратьями и чешскими братьями, евангеликами и католиками, он твердо вел своих прихожан тем путем, который считал самым лучшим и единственно возможным...»

По мнению Победоносцева, «когда стало очевидно, что правительство прекратило свою поддержку обособленной религии чехов, чешская масса вновь возбуждена православием... В определенной степени на симпатии чехов повлиял и Закон от 27 декабря 1884 года (запрещающий не православным покупать землю - Я.В.). Симпатии чехов к православию, проявляемые ими в начале переселения на Волынь, теперь уже не настолько чисты, как тогда, ныне к ним примешивается значительная доля страстей, национальных и социальных, побуждаемых чешским разделением, неудовлетворенность, вызванная длительной борьбой религиозных сторон, и, наконец, потребность в земле, важный нерв в жизни крестьянина... Если нельзя принять чехов в православие с их симпатиями, пребывающими в нынешнем состоянии, то нельзя и отказаться от них, потому что:

а) такой отказ откроет путь влиянию польских священников и местных сектантов, а чехи окажутся навсегда потерянными для русского народа, что лишь увеличит число враждебных правительству элементов на Волыни;

б) большая часть деформаций их религиозных чувств, если не всех, связана с их предыдущим разделением. Положение дел обязательно приводит к тому, чтобы, не отгоняя чехов от двери православия, в которую они

стучатся, позволить им прежде всего очистить свои симпатии от мирских примесей, и войти в эту дверь только во имя веры, истинной и правдивой».

Для выполнения поставленной задачи были привлечены православные священники, специально направленные в те приходы, где преобладали чехи. Победоносцев не ограничился отправкой опытных православных священников, но сообщил министерству внутренних дел, что Синод позаботится о том, чтобы подготовить хотя бы несколько православных священников из числа чешских колонистов, которые получат богословское образование в православных духовных семинариях. Кроме того, Синод решил приступить к выпуску религиозной литературы на чешском языке. Все эти меры требовали финансовых затрат, но, по мнению Победоносцева, «учитывая расходы, которые понесло правительство за семнадцать лет поддержки обособленной чешской религии, не считая те сотни тысяч, которые оно потеряло, предоставив чехам льготы по таможенным пошлинам и налогам, наоборот, расходы на поддержку православного движения среди чехов совсем невелики, а тем более не излишни».

Периодическое издание Волынской епархии извещало, что чехи всюду «выражают свою готовность принять православие и подтверждают это своими подписями, но с условием, что у них будет свой православный священник, знающий чешский язык и способный проповедовать на чешском языке». Вопрос о введении чешского православного богослужения также обсуждался в Святейшем Синоде.

1 апреля 1888 г. обер-прокурор Синода К. Победоносцев и министр внутренних дел граф Д. А. Толстой получили согласие царя упразднить три чешских прихода в Волынской губернии и уволить трех чешских священников. В докладе генерал-губернатора от 23 мая 1888 г., отправленном Победоносцеву, сообщалось, что решение «было воспринято вполне сдержанно». Чешским священникам Хрдличке и Кашпару (в должности с 1875 г.) было дано указание «воздерживаться от какой-либо агитации среди чешского населения. Выслушивая Высочайшее решение, Кашпар плакал, заверял в своей неизменной преданности властям и полной готовности подчиниться принятым решениям».

Православное движение среди волыньских чехов началось с перехода в православие священника Яна Саски, состоявшегося в торжественной обстановке 13 мая 1888 г. в кафедральном соборе Житомира. Церемонию проводил архиепископ Волынский и Житомирский Палладий. Саска снял сутану католического священника, показав тем самым, что будет служить Православной церкви как простой верующий. Архиепископ сказал, что Саска «известен здесь и там (в Санкт-Петербурге – Я.В.) как образованный и способный священник, а также как пропагандист православия... Он хорошо понимал, что пришлые чешские люди обретут счастье в России только тогда, если они сольются с русским народом, т. е. примут не только подданство, но

и русскую национальную православную веру. Голос Саски не был слышен всюду, но там, где был слышен, его часто заглушали лукавые и страстные голоса противников»¹⁷. В ответной речи Саска подчеркнул, обращаясь к своим соотечественникам, что его семнадцатилетнее духовное служение волынским чехам было мостом к православию: «Сегодня не словом, а примером я говорю с вами, чтобы вы поступили так, как я поступил, и за мной, вашим пастырем шли, как послушные овцы. Зачем нам искать далеко и бесполезно то, что нам так близко!»

Важным подкреплением православного движения стал визит архиепископа Волынского в Ровенский уезд в мае 1888 года. В чешские поселения приезжали также другие православные иерархи. В июне 1888 г. в Дубенском уезде побывал епископ Острожский Александр. В октябре 1888 г. в Дубенском уезде чехов, решивших присоединиться к католической церкви, пытался переубедить протоиерей Калист Метельский. Присутствовавший при этом Саска напомнил им: «Вы уже забыли, как во время нашего приезда в Россию в 1870 году вы отреклись от Рима (подчеркнуто в оригинале - Я.В.) и подали прошение с просьбой прислать священников чешского происхождения?... Разве чехи пришли на Русь затем, чтобы укреплять польские элементы, чтобы вместо одного польского землевладельца было 1000 чехов-поляков (т.е. католиков — Я.В), которые бы со временем ополчились и стали врагами России?»¹⁸ Саска отмечал, что тысячи патриотов из Чехии направили Святейшему Синоду благодарственное письмо в котором отмечали, что «переход чешских колонистов в православие — это великий шаг на пути к полному духовному единению всего Славянства, и мы, чехи, живущие на нашей родине, приветствуем это важное событие и признаем, что только Православная церковь, а не римский католицизм, может защитить нашу народность и наш родной язык. Мы надеемся, что славянский язык богослужения в ближайшем будущем зазвучит повсюду в храмах, где ныне отправляется римский обряд». Как писала православная пресса, «чешские мужчины хорошо осознали необходимость перехода в православие... Большую оппозицию представляют женщины, более твердо держущиеся своей веры; особенно фанатичны пожилые чешки ... Смена веры пока еще не внесла особо значимые изменения в образ жизни чехов. Православные чехи ходят в православный храм не столько под влиянием религиозных чувств, сколько пока (подчеркнуто в оригинале - Я.В.) для формы, службу они слушают равнодушно, многие даже не осеняют себя крестным знаменем»¹⁹.

После выхода указа об упразднении чешских приходов Победоносцев оставил в прошлом свои рассуждения о невозможности сразу принять чехов в православие. Духовное управление на местах не могло ждать, когда чехи подготовятся к вступлению в православие, и перешло в решительное наступление. В канцелярию обер-прокурора Синода ежемесячно поступали сообщения об успехах православия среди чехов. К

примеру, только в течение 1889 г. в православие перешло 1826 волынских чехов.

В докладе обер-прокурора Синода за 1888 — 1889 гг. указывалось, что «были обнаружены явления, свидетельствующие о том, что среди чехов ведется пропаганда против православия, чтобы остановить возникающее движение и даже ориентировать его в пользу католицизма и лютеранства. Более того, среди местного православного духовенства имеются проявления ревности, миссионерской конкуренции ... Каждый хотел бы обратиться в православие как можно большее количество ... Некоторые из них не брезговали скрытыми средствами, убеждая чехов принять православие»²⁰. Деятельность архиепископов Палладия и Модеста под руководством обер-прокурора Синода быстро принесла результаты. 1 января 1894 г. уже половина волынских чехов заявляла о своей принадлежности к Православной церкви.

Православная церковь взяла в свои руки организацию системы образования в чешских поселениях на Волыни. Закон от 8 октября 1887 г. подчинил школы Министерству народного просвещения. Цель закона была сформулирована в бюллетене Волынского православного архиепископа, где было отмечено, что «основным требованием для не православных школ является введение обучения на русском языке, обеспечение школ учителями, в достаточной мере владеющими русским языком, в основном, русского происхождения».²¹

Через месяц после выхода закона Победоносцев писал в конфиденциальном письме министру народного просвещения на Волыни Ивану Давидовичу Делянову: «Среди школ, которые будут подчинены Министерству народного просвещения на Волыни, есть несколько школ чешских переселенцев, требующих особого попечения... В начале переселения чехов на Волынь правительство имело в виду их слияние с русским населением, но, к сожалению, принятые в то время меры не принесли успеха. В настоящее время на основании моей договоренности с министром внутренних дел готовится проект таких изменений в общем положении чешских колонистов, которые помешают чехам изолироваться от русского населения и будут способствовать их полной интеграции с этим населением. Среди мер важное место занимает школа, но она лишь тогда может соответствовать своему назначению, если ей будет дано руководство не только просвещенное, но и знающее особенности чешского населения, и поэтому выбор людей для контроля и управления такими школами имеет большое значение».²² Победоносцев рекомендовал министру просвещения назначить специального инспектора чешских школ. Киевский школьный округ принял все меры для закрытия чешских классов, т. е. отменил обучение на чешском языке, «чтобы тем самым создать регулярную систематическую основу для русификации чешского населения со школьного возраста».²³

Инициативу по подготовке необходимых учительских кадров взял на себя Святейший Синод в лице члена Совета по делам школ Е.М. Крыжановского. 4 февраля 1888 г. он обратился к министру народного просвещения Делянову, ознакомив его с «чешским вопросом» на Волыни и теми задачами, которые здесь требовалось решить: «Не в обычном регулировании жизни новых поселенцев, и не в их простой гражданской ассимиляции с русскими гражданами государства заключается главная задача властей, а в их слиянии с русским народом, национальностью и верой ... Школа и Православная церковь должны - почему бы не сказать прямо - поддерживать авторитет власти и ее силу в глазах опасных и все еще сильных ее врагов в крае ... После лишения права на приобретение земли, отмены (чешских – Я. В.) волостей, крестьянских общин и приходов, школа выступает как первый и пока единственный ответ чехам на важный для них вопрос: что именно правительство требует от нас? ... желает не только обучать ваших детей на русском языке, но и их слияния с русскими детьми»²⁴.

После выхода в 1887 г. закона о переходе всех школ иноверцев на Волыни под управление министерства просвещения православное духовенство стало проявлять повышенный интерес к чешским школам, пытаясь полностью подчинить эти школы своему влиянию, т. е. превратить их в приходские школы. В 1894 г. обер-прокурор Синода выдвинул проект преобразования чешских школ на Волыни в школы этого типа. Победоносцев писал министру просвещения, что «успехи православия в чешских колониях требуют, чтобы государственное попечение касалось православного церковного воспитания и формирования нового поколения волыньских чехов»²⁵.

Таким образом, в отличие от государственной власти, Православная Церковь неизменно выступала за ускоренное обращение волыньских чехов в православие без каких-либо промежуточных стадий.

(При поддержке Агентства по грантам ЧР – проект № 410/12/0142)

Примечания

¹ *Крыжановский Е.* Чехи на Волыни. СПб., 1887. С. 10.

² Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (далее — РГИА). Ф. 1282. Министерство внутренних дел. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. № 163.

³ *Крыжановский Е.* Указ. соч. С. 24.

⁴ РГИА. Ф. 733. Министерство народного просвещения. № 156 134.

⁵ *Крыжановский Е.* Указ. соч. С. 60.

⁶ Там же. С. 79-80.

⁷ РГИА. Ф. 1282. Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. № 163.

⁸ Там же.

-
- ⁹ *Пушкаревич К.А.* Чехи: Историко-этнографический очерк. М.; Л., 1942. С. 57.
- ¹⁰ Чешский православный календарь на 1888 год. Киев, 1887. С. 54-56.
- ¹¹ *Крыжановский Е.* Указ. соч. С. 92-96.
- ¹² *Победоносцев К.П.* Письма и записки. М.; Пг., 1923, Т. 1. С. 657.
- ¹³ *Крыжановский Е.* Указ. соч. С. 101-102.
- ¹⁴ Там же. С. 135.
- ¹⁵ Волынские епархиальные ведомости (далее — ВЕВ). 1886. № 4. С. 122-123.
- ¹⁶ *Пушкаревич К.А.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁷ ВЕВ. 1888. С. 396-401.
- ¹⁸ Там же. С. 1344-1345.
- ¹⁹ ВЕВ. 1889. С. 581.
- ²⁰ ВЕВ. 1894. С. 292-293.
- ²¹ ВЕВ, 1887. № 35. С. 1121-1122.
- ²² РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения. № 557 Р.
- ²³ Там же. Доклад куратора за 1889 год.
- ²⁴ *Пушкаревич К.А.* Указ. соч. С. 134.
- ²⁵ Там же. С. 147.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 069+379.85

О. В. Королева,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
E-mail: korolevaov@mail.ru

Славянская культура в формировании идентичности туристской территории

Вопросы, связанные с сохранением культурного наследия славян, сегодня достаточно актуальны. В статье рассматривается роль славянской культуры в формировании идентичности туристской территории и конкурентоспособной туристской среды. Этот процесс исследуется через опыт конкретных российских регионов и городов, чьи творческие потенциалы направлены на изучение и воспроизведение истории, культуры и традиций славянского народа. Автор рассматривает роль музеев живой истории, русских народных праздников, фестивалей исторических реконструкций в формировании культурной идентичности туристской дестинации и интереса туристов к славянской культуре. Также в статье поднимается вопрос о роли событийного маркетинга в развитии туристского интереса к культуре российских регионов. Интерактивный характер реализующихся проектов отвечает современной тенденции развития туристского пространства территории.

Ключевые слова: славянская культура, фестивали исторических реконструкций, музеи живой истории, событийный туризм, идентичность туристской территории, славянские праздники.

Slavic culture in forming the identity of the touristic territory

The issues related to the preservation of the cultural heritage of the Slavs are quite relevant today. The article examines the role of Slavic culture in the formation of the identity of the touristic territory and a competitive tourist environment. This process is explored through the experience of specific Russian regions and cities, which creative potentials are aimed at studying and reproducing

the history, culture and traditions of the Slavic people. The author considers the role of museums of living history, Russian folk festivals, festivals of historical reconstructions in the formation of the cultural identity of the tourist destination and the interest of tourists to the Slavic culture. The article also raises the question of the role of event marketing in the development of tourist interest in the culture of Russian regions. The interactive character of the implemented projects meets the modern trend of development of the tourist space of the territory.

Key words: Slavic culture, museums of living history, Russian folk festivals, festivals of historical reconstructions, event tourism, Slavic holidays.

Обсуждение проблем цивилизационной и культурной идентичности становится все более актуальным в последние годы. Спротивление экспансии западных образцов поведения основывается на несовпадении культурных смыслов, представлений о специфике и способах цивилизационного развития России. Факторы, определяющие сегодня потенциал государства и регионов, имеют ярко выраженное культурное измерение. Они определяются общими ценностными ориентирами национального сообщества и согласием по поводу основополагающих приоритетов развития. Формирование территориальных идентичностей требует мобилизации внутренних культурных ресурсов.

Сохранение, развитие и возрождение традиционной народной культуры приобретают все большую актуальность, что связано с потребностью в осознании самобытного культурно-исторического пути, в чувстве укорененности на своем социальном и культурном пространстве, на своей земле, потребность в идентификации собственной судьбы с этой землей, страной, религией, с ее прошлым, настоящим и будущим¹.

В последние годы в нашей стране этнокультурное возрождение нередко связывают с развитием туризма, поскольку именно туризм позволяет максимально раскрыть индивидуальность и самобытность той или иной территории.

Под идентичностью туристской территории принято понимать проявление ее характерных особенностей, что либо делает ее узнаваемой в настоящее время, либо сделает таковой в более или менее отдаленной перспективе. Привлекательный туристский имидж территории должен быть насыщен устойчивыми узнаваемыми культурными символами и маркерами, способствующими эмоциональному восприятию территории и ее выделению из множества других территорий.

«Лик» туристской территории несет на себе отпечаток ее истории и судеб ее жителей. Представления о туристских центрах укоренены в ассоциациях, связанных с уникальным миром культуры повседневности, бытовой культуры (кухни, элементов национального костюма, фольклорных традиций, народного художественного творчества). Именно они формируют культурные «бренды» — узнаваемые объекты материальной и духовной

составляющих культурного наследия. Они наделяются символическими смыслами и значениями, которые выходят далеко за пределы их собственного культурного поля².

Если говорить о российских городах, то подавляющее большинство из них до сих пор не стали объектами должного туристского интереса и притяжения как для отечественных, так и для иностранных туристов. Зачастую их рекламные образы лишены индивидуальности, подражают зарубежным брендам, что никак не способствует появлению у туристов желания посетить его.

Следует учитывать то, что независимо от бюджета, выделенного на путешествие, практически каждый иностранный гость, приезжая в Россию, испытывает потребность увидеть «подлинную» Россию: отведать прославленную, хотя и очень своеобразную, русскую кухню, пуститься в пляс под «Калинку-Малинку», увидеть впечатляющие православные храмы, посетить места, где вершилась история нашей страны и всего мира.

Как показала практика туризма, сохранение и возрождение славянской культуры имеют определяющее значение как для устойчивого привлечения иностранных туристов в нашу страну, так и для мотивирования отечественных туристов к путешествиям по России. Сегодня многие из отличительных черт традиционной славянской культуры выражены недостаточно ярко, а некоторые и вовсе утрачены под натиском культурной экспансии Запада. Так, в 2016 г. в рамках фестиваля «Московские сезоны», проводимого правительством Москвы, состоялась акция «Знай наших», во время которой по бульварам Москвы ходили былинные персонажи. Акция показала, что многие наши соотечественники имеют о них смутное представление. Как правило, москвичи и гости столицы вспоминали персонажей из известных мультфильмов. Несмотря на то, что в наши дни культура оторвана от исконных славянских корней, духовные ценности все еще сохраняются в генетической памяти славянских народов, а их возрождение приобретает в современных условиях особую социально-культурную значимость.

Славянская культура существует сегодня лишь в реликтовой форме – в музеях, в собраниях старины, в библиотеках. В нашей стране существуют музеи, содержащие в себе многовековой концентрированный опыт славянских народов, материализованный в предметах искусства, труда и быта. В их числе Музей славянской культуры имени Константина Васильева (Москва), Музей славянских культур Государственной академии славянской культуры (Москва), Музей славянской культуры с «Домом Сварога» (Воронеж), Белгородский государственный музей народной культуры и т.д. Эти и другие музеи являются привлекательными для туристов объектами в туристском пространстве города, формируют его культурный облик, а при эффективном продвижении могут стать культурным и туристским брендом.

Например, Первый музей славянской мифологии, основанный в Томске 4 октября 2007 г. и являющийся самым большим частным музеем Сибири, стал туристским брендом города, поскольку играет важную роль в формировании его конкурентоспособной туристской среды и оказывает влияние на рост посещения его туристами из соседних регионов и зарубежных стран. В основу музея положена художественная коллекция, представленная оригинальными произведениями станковой живописи, графики и произведений отечественного декоративно-прикладного искусства, созданных по мотивам славянской истории, мифологии, эпических сказаний, русских сказок и обычаев.

Интерактивный характер реализующихся на базе музея проектов отвечает современной тенденции развития не только культурно-досугового, но и туристского пространства города. Активно используются современные технологии в музейной педагогике. В оборудованной в музее художественной мастерской гости разных возрастов изучают народные росписи, знакомятся с русскими промыслами и традициями. Разовые мастер-классы переросли в модульную образовательную программу. Особо востребованными школьниками являются экскурсии, приуроченные к народным праздникам. Гости называют музей «центром славянской культуры», а для иностранцев знакомство с Первым музеем славянской мифологии тождественно знакомству с русской культурой и историей³.

Славянская культура сохраняется в отдельных центрах в форме нематериального культурного наследия, которое находит выражение в обычаях, традициях, знаниях, навыках. Они формируют культурные пространства, которые являются или могут стать в перспективе уникальными туристскими центрами этнографического туризма. Условность объектов нематериального культурного наследия объясняется тем, что зачастую они не имеют документального подтверждения, а существуют по принципу «из уст в уста», передаются от поколения к поколению и жестко привязаны к лицам-носителям.

Многие регионы благодаря стремлению людей вернуться к своим корням включаются в дело возрождения русской народной культуры. Регионы Центральной и Северо-Западной России, являющиеся исторически самыми развитыми и исконно русскими территориями, обладают бесспорным конкурентным преимуществом перед другими регионами нашей страны. Именно они позиционируют себя на туристском рынке как центры славянской культуры.

Российские территории стараются «завоевать» туристов разными способами.

Сегодня на туристском рынке большой спрос находит такое направление исторической реконструкции как «живая история», главным условием которой является максимально полное и достоверное воссоздание образа жизни людей какой-либо местности в определенный исторический

период. Возросший интерес к музеям «живой истории» отражает такую существующую тенденцию инновационного развития мирового туристского рынка как востребованность интерактивного продукта. На туристском рынке все менее успешно продаются «голые» объекты культурного наследия, и все более востребованы объекты, вокруг которых создается какое-либо действие. Направление «живой истории» весьма развито и за рубежом, где оно используется как в качестве методик для изучения истории, так и как эффективное средство в культурном туризме.

Для нашей страны «живая история» до настоящего времени остаётся достаточно инновационной практикой. В качестве одного из самых удачных примеров её применения можно привести проект Новгородской области «Русь глубинная», реализуемый с 2003 г. и предполагающий продвижение с помощью интерактивных технологий четырех исторических объектов: Рюриково Городище, музейный комплекс «Княжая Гора» в Передольском погосте Батецкого района, Театр времени на Троицком раскопе и музейный комплекс «Славянская деревня X века» в Любытинском районе.

В рамках реализации проекта в мае 2006 г. на берегу реки Мста была заложена экспозиция музея «живой истории». В основу проекта были положены результаты многолетних раскопок: не только любытинских памятников археологии, но и материалов, полученных при археологических исследованиях Старой Ладogi, Новгорода и других центров Древней Руси. Планировка, расположение, конфигурация, размеры построек воспроизведены на основе археологических источников. Посетители музея могут познакомиться с бытом славян X века, окунуться в историю наших предков и прожить день так, как жили славяне на новгородской земле 1000 лет назад. Одной из интерактивных технологий, использующихся для продвижения этого музея под открытым небом, является проведение событийных мероприятий. Так, 5 июля 2014 г. в славянской деревне прошел фестиваль средневековой культуры «Княжья братчина». Центральным событием праздника стала инсценировка нападения на славянскую деревню скандинавской дружины. Зрители увидели не только сражение с применением средневекового оружия и способов ведения боя, но и похоронный обряд, славянский пир и купальский праздник. В славянской деревне регулярно организуются различные мастер-классы: по средневековой кухне на открытом огне, традиционным славянским ремёслам – ткачеству, гончарному делу, плетению и другим⁴.

С целью популяризации славянской культуры реализуются и другие концептуальные проекты и мероприятия, причем не только государством. Большой популярностью у туристов пользуется музей «живой истории» — этнико-историческая усадьба «Славянский Кремль», расположенная недалеко от деревни Валищево в восточной части городского округа Подольск Московской области. Автором проекта и хозяином усадьбы является известный российский путешественник В. В. Сундаков. На

территории кремля возведены такие строения, как «Княжий терем», «Славянский храм», шатровая мельница, собрана и отреставрирована русская изба, привезенная с Севера России. Здесь ежегодно проводятся этнографические, исторические, культурологические и музыкальные фестивали, в которых принимают участие сотни представителей клубов исторической реконструкции из многочисленных городов России, Украины, Белоруссии, Германии, проводятся календарные праздники славян, творческие встречи, мастер-классы. На территории усадьбы организован детский и молодежный лагерь, участники которого на 2 недели переносятся в историческое прошлое и живут в соответствии с традициями русичей.

Музеи «живой истории» как нельзя лучше отвечают потребностям иностранных туристов. Например, в этнографическом парк-музее «Этномир», расположенном в Калужской области, большим успехом у иностранцев пользуются программы «Русское гостеприимство», «Широкая масленица», «Сибирское раздолье», «Традиции и быт славян» и другие. Для иностранных гостей предлагаются семь однодневных программ и десять туров с проживанием, которые включают в себя знакомство с культурой России, экскурсии, мастер-классы, дегустацию блюд национальной кухни, анимационные программы. Открытый в 2007 г. «Этномир» является одним из самых эффективных туристических брендов Калужской области. За последние пять лет туристический поток в регион вырос почти в три раза, достигнув двух миллионов человек. В 2016 г. «Этномир» посетило около 800 тыс. человек, за первое полугодие 2017 г. – 350 тыс. человек⁵.

Значительно повысить туристскую привлекательность территории позволяет интегрирование музеев «живой истории» в гостинично-туристические комплексы.

Один из наиболее удачных проектов такого рода реализован на территории гостинично-туристического комплекса «Горячие ключи», где находится первый во Владимирской области музей живой истории «Щурово Городище». Экспозиции музея оформлены в стиле славянского поселения IX — XI века. Основой для дизайна музея послужили декорации к фильму Павла Лунгина «Царь», съемки которой проходили в Суздале в 2008 году. Несмотря на то, что большинство строений являются новоделами, они были выполнены по строгим канонам средневекового зодчества. На территории «Щурова городища» представлены основные занятия древних славян — земледелие и скотоводство, приобщиться к которым получают возможность туристы. В музее проводятся мастер-классы по работе с глиной, плетению, ткачеству, реконструкции сражений, что позволяет полнее и нагляднее раскрыть особенности военного и хозяйственного быта Древней Руси, с целью расширения кругозора, воспитания у молодежи бережного отношения к историческому наследию родного края организуется интерактивная экскурсионная программа «В гости к пращурам».

Подобные объекты туриндустрии, включающие в себя музеи «живой истории», в наибольшей степени ориентированы для организации семейного отдыха с детьми. Например, в деревне Василево Ярославской области особой популярностью у детской аудитории пользуется туристический комплекс «Тридевятое царство». Здесь расположено здание-лабиринт с экспонатами духов природы и сказочных героев; здание с изваяниями славянских богов; царский дом с площадкой для проведения интерактивных программ; избушка на курьих ножках и другие постройки. На территории комплекса работает музей «Рождение сказки и славянской мифологии» с уникальной коллекцией работ художника и скульптора Александра Тихонова. Образы низшей и высшей славянской мифологии и героев сказок вовлекают посетителей в удивительный, полный тайн и загадок мир доброй и мудрой русской сказки и красивых славянских легенд.

Перспективность данных проектов заключается в рациональном использовании природных ресурсов, в гармоничном соединении современных сооружений с окружающей средой, возрождении традиций славянской истории и культуры. Подобное концептуальное решение туристического комплекса может стать своеобразным толчком к возникновению интереса посетителей к истории и культуре родной страны.

Некоторые российские регионы с низкими рейтингами туристских предпочтений для создания конкурентоспособных и привлекательных туристских продуктов сделали ставку на самобытные культурно-исторические традиции, которые выявляют неразрывную связь родного края с процессами становления славянского этноса. К их числу принадлежат Белгородская и Брянская области, занимающие по итогам 2017 г. соответственно 48-е и 64-е места в рейтинге туристической привлекательности российских регионов.

Самобытность славянской народной культуры отражается в проводимых на территории этих регионов на протяжении многих лет неповторимых по своему содержанию праздниках. Использование календаря праздников имеет большое значение для организации анимационных событийных туров. Такие туры вызывают и поддерживают интерес туристов к территории, причем круглогодично, а личное участие в анимационной программе делает их незабываемыми. К тому же такие туры служат прекрасным средством знакомства туристов с традиционной культурой русского народа.

Например, в Брянской области наряду с крупными событиями (Межрегиональный праздник славянской письменности и народного творчества «На земле Бояна» (город Трубчевск), Международный молодежный фестиваль славянских народов «Славянское единство», Межрегиональный и др.), бережно сохраняется сельская традиционная народная культура. В Трубчевском районе ежегодно проводится уникальный праздник «Дрема». В Суражском районе традиционно отмечается праздник

«Бервень», в Карачевском районе популярен красивый обряд «Аграфена Купальница». В другом уголке Брянского края существуют свои обряды и свои престольные праздники.

В Белгородской области также предпринимаются попытки возрождения фольклорного наследия на фестивалях и конкурсах народного творчества, при проведении городских и районных праздников. Здесь ежегодно проводится Международный фестиваль славянской культуры «Хотмыжская осень», который собирает творческие коллективы и мастеров декоративно-прикладного искусства из России, Украины, Белоруссии, Польши. Традиционным стал областной фестиваль «Узорный хоровод» с народными гуляньями, плясками, песнями и частушками, с показом традиционных хороводных фигур, свадебных обрядов. В рамках фестиваля «Белгородская слобода» проводятся презентации сельских подворий, выставка-ярмарка изделий мастеров-ремесленников, выступления народных фольклорных коллективов⁶.

Для российских городов и сел стала традиционной организация народных праздников, театрализованных программ, связанных с праздничными датами народного и русского православного календаря. Так, уже стал традиционным праздник «Масленица» – проводы русской зимы. Одной из самых шумных и насыщенных является масленица в Ярославле, где гулянья длятся целую неделю. 24 июня в Великом Новгороде можно принять непосредственное участие в древнерусском празднике «Ночь на Иванов день (Купалу)», организуемом фольклорно-этнографическим театром «Кудесы».

Создание круглогодичного календаря событийного туризма с элементами нематериального культурного наследия способствует повышению интереса туристов к первому посещению региона (города, села) и создает основу для увеличения доли повторных посещений. В последнее время получают распространение межрегиональные проекты событийного туризма. Например, фольклорный фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу» входит в событийный календарь Воронежской области и включен в межрегиональный проект «На Дону стоим, Дон славим!», идея которого основана на проведении крупных мероприятий в регионах, связанных рекой Дон. В фестивальной марафоне наряду с Воронежской участвуют Липецкая, Тульская, Ростовская и Рязанская области. Помимо фестиваля «На Троицу!» от Воронежской области в проекте принимают участие фестивали «На Ивана Купала» (24 июня), «Песни святого Лога» в селе Новоживотинное (30 июля), фестиваль казачьей песни «Ильин день» в Россошанском районе (2 августа), день керамики «Живая земля» в Дивногорье (6 августа), «Покровская ярмарка» в Россоши (14 октября), фестиваль фольклора и ремесел «На Казанскую» в Хохле (4 ноября)⁷.

Анализ туристических предпочтений позволяет сделать вывод о том, что конкуренцию на туристском рынке выигрывают те территории, которые тысячи креативных молодых умов превращают в современное удобное,

полезное и красивое городское пространство, наполняя своими необычными идеями и проектами. Москва не случайно попала в ТОП-10 самых привлекательных для туристов городов мира по версии авторитетного издания о путешествиях «Lonely Planet» в 2017 г.

Всего в прошлом году Москву посетили 17 миллионов туристов. По сравнению с 2010 годом, рост составил 40 процентов. Более 33 процентов гостей приезжают с культурно-познавательными целями⁸. Одной из причин роста туристских прибытий в столицу является участие в многочисленных событийных мероприятиях. Событийный туризм является точкой роста столичной туристической отрасли, а фестивали исторической реконструкции занимают важное место в туристском пространстве города. Они направлены на воссоздание обрядов, быта, военных искусств и исторических событий. Важно то, что фестивалям придается современное звучание, делая их привлекательными для молодежи. Цикл уличных мероприятий «Московские сезоны», ярмарки, выставки, фестивали, сменяющие друг друга на протяжении всего года, формируют новый стиль жизни столицы.

В конце зимы вместо традиционных русских гуляний в Москве проходит фестиваль «Московская масленица». В 2017 г. фестиваль представлял собой театрализованное шоу в жанре славянского фэнтези. Представление было обыграно как эпическая битва между воинами весны и воинами зимы, которые встали на защиту Марены, божества славянской мифологии, олицетворяющего зиму и смерть⁹. В 2018 г. на одной из 30 площадок фестиваля, на Тверском бульваре, организаторы представляли масленичную традицию «закликая» птиц. Сейчас древний славянский обряд забыт, поэтому он изучался по историческим источникам. На площадку специально были привезены воссозданные по историческим образцам печи Древней Руси, чтобы выпекать жаворонков — печенье в форме птичек. В 2018 г. фестиваль «Московская Масленица» посетили 4,75 миллиона москвичей и туристов. Большой популярностью пользовались ремесленные и кулинарные мастер-классы. На занятиях (их на разных площадках было проведено около двух тысяч) гости осваивали золотое шитье, гончарное и кузнечное дело, различные варианты росписи по дереву и керамике. Кроме того, они учились мастерить кукол, печь блины и готовить десерты по старинным рецептам¹⁰.

Большой популярностью у туристов пользуется фестиваль исторических реконструкций «Времена и эпохи», который проводится в музее-заповеднике «Коломенское» и на других площадках Москвы. В 2016 г. его темой стала «Древняя Русь — эпоха становления государства в период IX — XII веков». В рамках фестиваля гости увидели уникальную по своим масштабам «Битву тысячи мечей», которая продлилась два дня. На шести тематических площадках на центральных бульварах Москвы был представлен древнерусский эпос фестиваля «Былина-фест»¹¹.

С 2012 г. в Москве проводится творческий фестиваль славянского искусства «Русское поле», который является крупнейшим фольклорным праздником России и крупнейшим в Европе фестивалем славянской культуры. В 2017 г. он проходил на территории музея-заповедника «Царицыно». Основная идея фестиваля — продемонстрировать на одной площадке всё богатство славянских традиций — песенных, танцевальных, кулинарных, архитектурных, прикладного искусства и даже спортивных. Организаторы фестиваля надеются, что фестиваль «Русское поле» со временем станет узнаваемым мероприятием во всём мире. В 2017 г. он собрал 250 тыс. гостей и объединил представителей из 54 российских регионов, побив рекорд прошлого года, когда на «Русском поле» собрались участники из 48 регионов страны¹².

Такие мероприятия в воссоздании древней культуры славян как проведение фестивалей, праздников, реконструкций с историческими сражениями, наиболее эффективны для воспитания культуры молодежи. Ведь здесь происходит их вовлечение в действие, и они не остаются пассивными созерцателями и слушателями. Участвуя в подобных фестивалях, молодые люди обретают возможность ощутить себя частью истории России, на время стать человеком другой эпохи, осознать самобытность родной культуры, сформировать представление о праздниках, традициях, обрядах, ритуалах и старинном быте своего народа.

Сегодня широко распространены жалобы туристов на то, что города все больше становятся похожими друг на друга, при посещении нового города в качестве туриста приходится видеть то же самое, что неоднократно встречалось в других городах. На наш взгляд, именно бытовая и праздничная культура славян с её яркими и многозначными символами предоставляет наиболее широкие возможности для формирования у туристов привлекательного, уникального и хорошо узнаваемого образа России и ее регионов, пробуждения устойчивого интереса к славянской культуре и истории страны в целом.

В настоящее время в России происходит стремительное возрождение славянской культуры посредством реконструкции фольклора, быта, промыслов, народных обрядовых действий, разрабатываются специальные программы этнокультурного туризма, предполагающие посещение исконно русских уголков нашей страны, что, в свою очередь, предотвращает утрату национально-культурной самобытности ее коренных территорий.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что роль славянской культуры в формировании культурных идентичностей территорий и туристского интереса не вызывает сомнений. В туристском пространстве России она выступает устойчивым узнаваемым культурным символом, способствующими эмоциональному восприятию территории и ее выделению из множества других. Многие туристские территории активизировали работу по возрождению славянской культуры через организацию фестивалей и

праздников, которые дают огромный эмоциональный заряд и обогащают чувственный опыт туристов, и, следовательно, формирует неподдельный интерес к славянской культуре. Вместе с тем, высокая коммуникативность способствует преодолению замкнутости культур и этнических стереотипов, а культурный плюрализм предполагает признание факта существования многочисленных этнокультурных общностей с присущими им обычаями и нравами, отличающихся друг от друга.

Примечания

¹ *Татаринцева Е. А.* Восстановление празднично-обрядовой культуры в современной культуре // ЭНИ «Аналитика культурологии». 2012. Вып. 3 (24). URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/882-15-2.html> (Дата обращения: 13.02.2018).

² *Семененко И.* Культура, общество и образ России // Неприкосновенный запас. 2007/ №1 (51). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/1/se5-pr.html> — 24.08.2010 (Дата обращения: 13.02.2018).

³ *Листвина Е. Г.* Первый музей славянской мифологии - туристический бренд города Томск // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 2. С. 79-87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervyy-muzey-slavyanskoy-mifologii-turisticheskij-brend-goroda-tomska> (Дата обращения: 20.02.2018).

⁴ Славянская деревня X века // Сетевое издание «Novgorod.ru». URL: https://www.novgorod.ru/read/information/sightseen/lubitino/slavic_village/ (Дата обращения: 13.02.2018).

⁵ *Губский А.* Мне надо было найти \$500 млн и построить весь «Этномир // Ведомости. 11.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2017/12/11/744889-mne-nado-bilo> (Дата обращения: 09.02.2018).

⁶ *Комарова М. Е.* Этнографическая культура как региональный туристский ресурс (на примере Белгородской области // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. № 4. С. 83. URL: http://spst-journal.org/Archive_article/2015/2015_04/11-Komarova.pdf (Дата обращения: 13.02.2018).

⁷ Фестиваль традиционной славянской культуры «На Троицу» // EventsInRussia.com. URL: <http://eventsinrussia.com/event/12991> (Дата обращения: 13.02.2018).

⁸ Что сделало столицу более притягательной для туристов // Сетевое издание «Городской информационный канал m24.ru». 21.02.2017. URL: <https://www.m24.ru/articles/%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC/21022017/131098> (Дата обращения: 17.02.2018).

⁹ *Чухно И.* Славянское фэнтези и рыцарские турниры. Живая история в Москве // Сетевое издание «AiF.RU». 10.03.2017. URL: http://www.aif.ru/culture/freeway/slavyanskoe_fentezi_i_rycarskie_turniry_zhivaya_istoriya_v_moskve (Дата обращения: 13.02.2018).

¹⁰ Фестиваль «Московская Масленица» посетили 4,75 миллиона человек // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы «mos.ru». 21 февраля 2018. URL: <https://www.mos.ru/news/item/36715073/> (Дата обращения: 13.02.2018).

¹¹ Итоги года в сфере туризма: первые строчки туристических рейтингов и популярные фестивали // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы «mos.ru». 5 января 2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/19478073/> (дата обращения: 13.02.2018).

¹² Фестиваль славянской культуры «Русское поле» собрал 250 тысяч гостей // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы «mos.ru». 31 июля 2017. URL: <https://www.mos.ru/news/item/27273073/> (дата обращения 13.02.2018)

УДК 94 (438)

М.Г. Лушина,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
E-mail: *maria_lushina@mail.ru*

Монастыри и развитие средневековых городов Великой Польши (X — XIII вв.)

В статье рассматривается вопрос о взаимосвязи развития городов и монастырей в Великой Польше в X — XIII вв. Выявляются этапы эволюции взаимоотношений двух важнейших институтов средневекового общества, специфика функций различных монашеских орденов.

Ключевые слова: Великая Польша, средневековый город, монастырь.

Monasteries and the development of medieval cities in great Poland (X — XIII centuries)

The article deals with the relationship between the development of cities and monasteries in great Poland in the X — XIII centuries. The stages of the evolution of the relationship between the two most important institutions of medieval society, the specifics of the functions of various monastic orders.

Keywords: Great Poland, medieval city, monastery.

Историю Средних веков невозможно представить без истории церкви. Церковь проникала практически во все сферы жизни средневекового человека, оказывала большое влияние на ход политических событий, способствовала изменениям в культуре и образовании.

При этом в разных странах средневековой Европы деятельность церкви имела свою специфику. Сквозь всю средневековую историю Польши проходят сообщениями хронистов о важнейших событиях жизни церкви, вплетенных в канву политической истории, о жизни и деятельности национальных святых, чудесах и знаменаниях.

Дата принятия христианства (966 год — год крещения князя Мешко I) по традиции считается днём рождения Польского государства. Несколько

десятилетий спустя в Польше было основано собственное архиепископство (в 1000 г. в Гнезно была учреждена архиепископская кафедра).

В данном сообщении предпринимается попытка специального рассмотрения одного из важных аспектов церковной истории в Польше – историю монастырей и монастырской организации на материалах одной из исторических областей страны, игравшей ведущую роль в развитии польских земель в начальный период истории Польского государства — Великой Польши. При этом главное наше внимание будет обращено на вопрос о взаимодействии монастырей и городов в X — XIII вв.

Значение монастыря в жизни средневекового общества трудно переоценить. Возникнув на рубеже между античностью и Средними веками, монастыри представляли собой особый церковный институт, по Августину – именно они являлись прообразом «града Божьего». На становление Западного монашества определяющее влияние оказал устав Святого Бенедикта (около 480 — 547), установивший основные принципы жизни в монастыре (отречение, послушание, общежитийность, физический труд). Несмотря на относительную обособленность института монашества, он с течением времени видоизменялся и приобретал новые функции.

Начальные страницы истории монашества в польских землях были неразрывно связаны с городами, являвшимися узлами кристаллической решётки Польского государства – военными, административными и хозяйственными центрами, а также очагами христианизации, которая на первых порах встречала на своём пути немало трудностей.

На первом этапе развития монашества в средневековой Польше оно, как и во всей Европе, было представлено монахами бенедиктинского ордена. Начальные страницы польского христианства были связаны с деятельностью бенедиктинцев, оставившей глубокий след в исторической памяти. К числу бенедиктинцев принадлежали национальный святой Польши – Адальберт Пражский, отправившийся в конце X в. из польских земель с паломнической миссией к язычникам-пруссам и погибший от их рук¹, монах Гауденций — первый архиепископ Польши в Гнезненском диоцезе.

В Древнепольском государстве церковь по сути дела сливалась в единое целое с княжеской властью, находилась в полной (включая материальную) зависимости от князей. Правители из княжеского рода Пястов выступали инициаторами строительства первых монастырей и церквей. Так, князь (в 1025 г. коронованный королевской короной) Болеслав I Храбрый вошел в историю не только как знаменитый полководец, но и как заботливый покровитель церкви. Хронист Галл Аноним писал о нём: «Все, особенно те, которых он почитал, — архиепископы, епископы, аббаты, монахи, клирики — ревностно поручали его своими молитвами господу Богу»². В годы его правления был основан ставший впоследствии знаменитым монастырь бенедиктинского ордена на Лысой горе³, который позже получил название костел Святого креста. Саксонский хронист Титмар Мерзебургский сообщает

также об основании Болеславом Храбрым бенедиктинского монастыря в Медзыржеце в 1005 году⁴. Составленная в XIII в. «Великая хроника» сохранила память о том, что «он [Болеслав Храбрый] также заложил, построил и наделил имуществом много монастырей»⁵.

Следует иметь при этом в виду, что, по-видимому, почти все польское духовенство в X — первые десятилетия XI в. было представлено именно монахами-бенедиктинцами, так что применительно к этому времени трудно говорить о строгом различии монахов от священников. Первые христианские храмы в польских землях представляли собой своеобразные монашеские общины, существовавшие на содержании государства и тесно вплетенные в политическую жизнь.

В середине 1030-х гг. Польское государство поразил глубокий кризис, поставивший под сомнение само его дальнейшее существование. Дело не ограничилось нередким для рубежа тысячелетий всплеском борьбы внутри военно-служилой знати, а вылилось в охвативший широкие массы населения мятеж, имевший целью разрушение государства, искоренение христианства и восстановление язычества. Галл Аноним пишет об этих событиях следующим образом: «Рабы поднялись против своих господ, вольноотпущенники — против знатных, возвысив себя до положения господ; вероломно взяли себе их жён, преступно захватили их должности. Кроме того, отрекшись от католической веры, о чём мы не можем даже говорить без дрожи в голосе, подняли мятеж против епископов и служителей Бога; из них убили некоторых более достойным образом — мечом, а других, как бы заслуживающих более презренную смерть, побили камнями. В конце концов Польша была доведена до такого разорения как своими людьми, так и чужестранцами, что почти совсем лишилась всех своих богатств и людей. В то время чехи разорили Гнезно и Познань и похитили тело св. Адальберта. Те же, кто спасся от врагов и избежал мятежа своих слуг, бежали за Вислу в Мазовию, и вышеназванные города оставались безлюдными так долго, что в церкви святого мученика Адальберта и святого апостола Петра дикие звери устроили себе логово»⁶.

Во время языческого мятежа, от которого особенно пострадали земли Великой Польши, практически все существовавшие в стране монастыри были разгромлены и пришли в запустение.

Восстановление системы государственного управления и церковной организации потребовало больших усилий и немалого времени. Достаточно принять во внимание тот факт, что Гнезненское архиепископство, ставшее жертвой языческого мятежа было восстановлено в своих правах только в 1136 г.

XII век стал временем больших перемен в жизни Польского государства. Главной приметой хозяйственного развития стало развёртывание процесса внутренней колонизации, с которым были связаны новые явления в истории польских монастырей.

Внутренняя колонизация была одним из важнейших факторов развития всего западно-христианского мира в XII веке. Особые заслуги на этом поприще снискали монахи нового — цистерцианского — ордена, основанного в 1098 г. и внесшего большой вклад в хозяйственное освоение пустовавших земель, осушение болот, расчистку лесных массивов, развитие агрикультуры. Пришедшие в XII веке в польские земли монахи-цистерцианцы во многом способствовали внутренней колонизации Польши. В Великой Польше в средние века была сложена легенда о цистерцианском монастыре, основанном на берегу одного из польских озер (Лекно), который ушел под землю⁷. Возможно, её возникновение было отголоском воспоминаний о разорении монастырей во времена языческого восстания. Располагавшийся примерно в 70 км от Познани монастырь в Лекно был, вероятно, первым из монастырей цистерцианского ордена в землях Великой Польши. Сохранилось несколько грамот, в которых оформлялись земельные дарения в его пользу. Первая грамота, сообщающая о Лекно относится к 1153 году. Согласно этой грамоте, в 1153 г. произошло основание монастыря в Лекно⁸, на котором присутствовали архиепископ гнезненский и епископ познанский. Далее в Кодексе Великой Польши несколько раз встречаются упоминания дарений этому монастырю, например, в 1208 г. светскими людьми была подарена часть земель с «лесами, полями, лугами и водами — на наследственном праве на вечные времена». Особенно важно отметить, что грамота прямо указывает на получателя дарений — цистерцианский орден⁹. От 1150 г. дошла грамота об основании другого цистерцианского монастыря в Великой Польше — в Ленде¹⁰.

В XII в. польские монастыри теряют, таким образом, свою изначальную связь с городами, однако начинают при этом оказывать существенное косвенное воздействие на развитие городов: хозяйственное освоение новых территорий способствовало оживлению торговли, товарно-денежных отношений и городского ремесла, демографическому росту городских центров.

Новый этап средневековой истории польских монастырей начался в XIII веке, вместе с началом немецкой колонизации в польских землях. Последняя сопровождалась переселением в страну значительных масс немецких крестьян и горожан, а также проникновением принесённых колонистами правовых обычаев и традиций, получивших название немецкого права.

Вместе с потоком колонистов в польские земли устремились монашеские ордена, выступив в качестве составной части колонизационного потока и одного из слагаемых тех институтов западноевропейского общества, которые находили в польских землях благоприятные условия, укоренялись и оказывали большое влияние на происходившие здесь изменения в социально-экономическом, политико-правовом и культурном развитии.

Среди вновь возникавших в польских землях монастырей присутствовали старые ордена — бенедиктинцы, цистерцианцы, премонстранты (первый из премонстрантских монастырей — в 1219 г.¹¹).

Великая Польша одной из первых польских областей приняла поток немецкой колонизации. Грамота № 66 «Дипломатического кодекса Великой Польши» указывает на основание монастыря цистерцианского ордена по решению Владислава, князя Калиша: «Владислав, князь Калиша 29 июля 1210 года в Борикове предоставляет земли, расположенные в провинции Пржемет, для основания там монастыря ордена Цистерцианцев»¹². Документ № 130 первого тома «Дипломатического кодекса Великой Польши» также содержит сведения о дарении земель князем Владиславом Одоничем для основания на его территории аббатства бенедиктинского ордена¹³.

Однако наряду с ними в XIII веке в Великой Польше появляются монастыри духовно-рыцарских орденов, военно-политическая роль которых предполагала их присутствие в городских центрах. Первым духовно-рыцарским орденом на землях Великой Польши стал орден госпитальеров, свидетельство о присутствии которого относится к 1191 году¹⁴. Вслед за ним в Великой Польше обосновался Тевтонский орден, который был основан в 1190 г. в Палестине, а в 1226 г. перенёс главное направление своей деятельности на борьбу с язычниками-пруссам¹⁵. Духовно-рыцарские ордена активно участвовали в политической и экономической жизни, и их проникновение знаменовало собой начало возвращения монастырей в польский город как важного элемента городской структуры.

Вместе с потоком немецких колонистов в города Великой Польши пришли также монахи нищенствующих орденов, само возникновение которых было связано с необходимостью активной борьбы с еретическими движениями, угнездившимися к началу XIII века во многих городах Западной Европы. Грамота позволяет сделать вывод о существовании на территории Польши монастыря ордена францисканцев¹⁶.

Монастыри стали в XIII в. одним из центров распространения в Великой Польше немецкого права. Об особом немецком праве, пожалованном поселенцам, сообщает, в частности, грамота 1212 года, в которой сказано о дарении деревни Чеков (Sekow) с наделением жителей «привилегиями»¹⁷. Другая грамота сообщает о дарении земель ордену тамплиеров: «Владислав, король Польши в 1232 году подарил братьям ордена Тамплиеров права, деревню Козмин на тевтонском праве»¹⁸. В ходе немецкой колонизации взаимосвязь городов и монастырей обретает новое измерение: монастыри начинают выступать в роли городских сеньоров. Так, например, из грамоты № 218 указанного собрания источников по истории Великой Польши мы можем увидеть, что князем была подарена земля монастырю (вероятно, в сельской местности) при условии размещения на ней города и трех деревень: «Владислав князь, сын Одонича 25 апреля 1239 года подтверждает дарение 3000 мансов монастырю Любич ...»¹⁹.

Подводя итог, следует отметить, что история городов и монастырей в Великой Польше в X — XIII вв. обнаруживает тесную связь этих важнейших для средневекового общества институтов и проходит в своём развитии три этапа: первый этап характеризуется прочной связью города, церкви и монастыря. В XII веке в связи с внутренней колонизацией и формированием крупного землевладения верх берёт тенденция формирования сети монастырей как самодостаточных хозяйственных единиц на основе собственных земельных владений. Наконец, в XIII в. наряду с продолжающимся ростом монастырского землевладения, формируется новый тип собственно городского монастыря, не связанного непосредственно с княжеской властью, а призванного решать в городе специфические задачи, вызвавшие к жизни возникновение, с одной стороны, духовно-рыцарских, с другой — нищенствующих орденов.

Примечания

¹ О миссионерской деятельности св. Адальберта и его трагической гибели см.: Jana Kanaparižiavotsv. Vojtěcha // Fontes rerum Bohemicarum. Praga, 1873. Т. I. P. 260-265.

² *Галл Аноним*. Хроника и деяния князей или правителей польских / Предисл. пер. и примеч. Л.М. Поповой. М., 1961. С. 46.

³ URL:http://www.e-reading.club/chapter.php/8492/107/Efron_I_-Enciklopedicheskiy_slovar__B_.html (Дата обращения: 04.04.2018).

⁴ Thietmar von Merseburg. Monumenta Germaniae Historia // URL: <http://www.mgh-bibliothek.de/thietmar/edition/text.html> (Дата обращения: 30.03.2018).

⁵ Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1987 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Chron_Pol_majoris/frametext1.htm (Дата обращения: 04.04.2018).

⁶ *Галл Аноним*. Указ. соч. С. 50-51.

⁷ Легенда о Лекно / URL: <http://regionwielkopolska.pl/kultura-ludowa/legendy/leknolegenda-o-cystersach.html> (Дата обращения: 9.04.2018).

⁸ «Zbilud Polonie civis 1153 s. d. et l.; fundat monasterium in Łekno, quam fundationem, per Iohannem archiepiscopum Gneznensem, Stephanum episcopum Poznaniensem et Mesiconem ducem Poloniae confirmatam, complures Poloni villis collatis locupletant» // Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 18 / URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 11.04.2018).

⁹ «Wladislaus dux Polonie 1208 Apr. 16, in Santog; ratam habet donationem hereditatis Turza, quam Ogerio una cum filio ipsius Ogerio monasterio de Łekno contulerunt» // Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 63. / URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 11.04.2018).

¹⁰ Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 20 // URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹¹ Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 106 // <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹² «...dat Winemaro abbati de Pforta quasdam possessiones in provincia de Przemętsitas, pro fundatione ibidem monasterii Ordinis Cisterciensis» // Codex diplomaticus majoris Polonia.

Poznan, 1877. № 66. // URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹³ Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 130. URL: // <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹⁴ «Wlodizlaus ducis quondam Odonis f. m. filius dux Polonorum 1239 Apr. 25, s. 1.; confert monasterio de Lubiąż 3000 mansos circa villam Lubczeskositos, sub voto, ut in eis villae et tres civitates construantur» // Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 29 // URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹⁵ Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992 // URL: <http://annales.info/evrope/small/msv.htm#10> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹⁶ Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 124. // URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹⁷ Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 77. // URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹⁸ «Wladislaus dux Polonie 1232 s. d. et l.; dat fratribus Ordinis Templariorum libertatem, villam Koźmin iure Theutonico locandi» // Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 142. // URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

¹⁹ URL: Codex diplomaticus majoris Polonia. Poznan, 1877. № 218. // <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (Дата обращения: 3.04.2018).

Социальные функции польского сарматского портрета

Обращение к памятникам изобразительного искусства как визуальным источникам позволяет лучше понять отдельные грани прошлого. Польское дворянство XVI – XVII веков свои претензии на исключительность положения обосновывало теорией сарматизма. Суть этой теории сводилась к тому, что польские шляхтичи являются потомками воинственного племени сарматов, защищающими католический мир от наступления протестантизма и ислама. В статье рассматривается, каковы были внешние приметы сарматизма, отразившиеся в особом типе парадного портрета.

Ключевые слова: Новое время, Польша, польское дворянство (шляхта), визуальный источник, сарматский портрет.

The social functions of Polish Sarmatian portrait

Abstract. The appeal to monuments of art as visual sources provides a better understanding of particular features of the past. Polish nobility (the szlachta) of the XVI and XVII centuries justified their claims to exclusive position by a theory of Sarmatism. The essence of this theory was that the Polish nobles were descendants of the warlike Sarmatian tribes and defended Catholicism against the advance of Protestantism and Islam. The article deals with the exterior signs of Sarmatism that were reflected in a particular type of ceremonial portrait.

Key words: Modern Age, Poland, Polish nobility (the szlachta), a visual source, Sarmatian portrait.

Понятие *визуальный поворот* (*пикторальный поворот*) получил достаточно широкое распространение в современной историографии. Это связано с тем, что историки вынуждены искать для привлечения новых источников. Обращение к визуальным источникам обусловлено происходящей сменой парадигм: если в предшествующей традиции «мир воспринимался как книга», то в наше время «мир понимается как изображение»¹.

Попытка применить такой подход на конкретном историческом материале представляется интересной. В данном случае в качестве визуального источника взяты изображения польской шляхты XVI – XVII веков, известные в истории искусства как *сарматские* портреты. Обращение

именно к этому материалу связано с воспоминаниями приобщения автора к исторической проблематике.

Тогда, при первом посещении Исторического музея в Москве провинциальную школьницу поразило впечатление от портрета Марины Мнишек. Вместо ожидаемого облика прекрасной панны жесткое, настороженно-надменное лицо в обрамлении костюма, который более всего и цветом и фактурой (металл и чеканка) вызывал в памяти парадные воинские доспехи той поры. Холодный блеск короны на голове, топорщащийся вокруг лица кружевной воротник, жесткий, колючий. Фигура заключена в сверкающий лиф платья - точнее сказать облачения. Рукава сложно-многослойные, внешний слой напоминает металлические крылья. Такой наряд не одевают, в него входят (как Офелия в козинцевском «Гамлете»). Черты лица правильные, совершенно безжизненные и лишённые малейшего намека на мягкость, обаяние, женственность. Ясновельможная панна, так изображенная, не понравилась, но запомнилась.

Позднее неоднократно приходилось видеть такие угловатые фигуры, закованные в великолепные костюмы, на портретах, созданные в разных странах примерно в то же время (вторая половина XVI — XVII вв.) в землях, которые условно можно назвать периферией распространения возрожденческой культурной традиции. Степень консервативности (близости средневековой трактовки образов) различна. Объяснить эту специфику только культурной провинциальностью этих стран удобно, но недостаточно.

В условиях разных национальных школ рассматриваемого периода наряду с различиями имеется важное объединяющее начало. Техника выполнения может быть близка новому возрожденческому стремлению передать иллюзию пространства и объемности, а может сохранять средневековое тяготение к плоскостности написания предметов и тел, но обязательным будет детальность в изображении всего, что обозначает высокий общественный статус персонажа. Общая тенденция в изобразительном искусстве: возникновение парадного портрета, демонстрирующего социальный статус, место человека в общественной иерархии, создания образа-типа, образа социальной маски и, одновременно, портрета-эмблемы, портрета-памятника.

Стоит отметить сильное влияние мастеров нидерландских и немецких, связанных с обслуживанием окружения Габсбургов, австрийских и испанских. К таким национальным вариантам относится испанский придворный портрет XVI века и так называемый английский «портрет-костюм», получивший распространение в то же время. Интересно сравнить оценочные характеристики того и другого. Вот что сказано об испанском парадном портрете времен правления Филиппа II: «В сложении этого типа портрета очевидна роль сословных аристократических представлений»². Более пространно дается оценка английского парадного портрета елизаветинского времени: «В образном решении усиливается тенденция к

демонстрации модели как некоей условной схемы или шифра происхождения, ранга и моды, правда, с достоверной и детальной передачей индивидуальных черт модели»³. И в том и в другом случае подчеркивается стремление продемонстрировать сословную исключительность изображаемых. Общность приемов, используемых художниками, отчасти объясняется тем, что и испанские (А.С. Козльо) и английские (У. Ларкин) портретисты обучались или были хорошо знакомы с творчеством нидерландских (А. Мор) и немецких мастеров (Я. Зейзенеггер).

Другим вариантом использования той же художественной традиции был польский сарматский портрет. На складывание этого варианта портрета, ориентированного на демонстрацию социального верховенства, тоже оказали влияние художники, работавшие по заказам Габсбургов, такие как Якоб Зейзееггер, придворный живописец Фердинанда I, а также мастера, работавшие при «сатурническом дворе» Рудольфа II в Праге (рудольфинцы).

Надо иметь в виду, что использование данной традиции происходило в условиях заметно отличавшихся и от испанских, и от английских. Сарматский портрет не придворный портрет, его база шире.

Роль и влияние военного сословия объективно сильно в тех странах, которые находятся на цивилизационных перекрестках. В данном случае это положение на перекрестке христианского и мусульманского миров, а еще точнее: католического, протестантского, православного и мусульманского. Натиск Османской империи, противоборство реформационного и контрреформационного движений создавало напряженную не только в военно-политическом, но и в эмоциональном плане обстановку. Это время поворота к модернизационному (новационному) пути развития. Прежний миропорядок был нарушен, вытеснен тревожным ожиданием, растерянностью перед внезапно открывшимся многообразием мира (суть мироощущения барокко).

Социально-политическая ситуация в Речи Посполитой на протяжении XVI века характеризовалась нарастающим усилением влияние дворянства (шляхты), апофеозом которого стал переход к практике выборной королевской власти. С 1573 г в Польше правили избранные короли, что усилило позиции дворянства, его претензии на исключительность положения и сепаратистские настроения. Это имело множество последствий. «Принцип шляхетской демократии, «можновладства», выборности короля, положенной в основу польской государственности, подчеркивал значение человеческой личности»⁴.

Обращение к авторитету прошлого (неважно подлинного или мифического) свидетельствует о значимости исторической памяти в менталитете обществ западной цивилизационной традиции: «...наша цивилизация всегда многого ждала от своей памяти. Этому способствовало все – и наследие христианское, и наследие античное»⁵. В данном (польском) варианте речь пойдет именно о мифологизированном прошлом. Поиски

национальных истоков подводят к теории завоевания. При этом важно учитывать, что первоначально в этих теориях подчеркивалось, что завоевание дало завоевателям право на власть. Польский «сарматизм» – один из ранних вариантов приложения к национальной истории теории завоевания.

Принято считать, что представление о том, что польское дворянство происходит от сарматов, кочевников, некогда обитавших в степях Причерноморья, восходит к сочинению Мацея Меховского «О двух Сарматиях» (1517). Автор этих строк, внимательно вчитываясь в текст трактата краковского ученого, не сумела найти доказательств этого мнения. Ну, разве что завершающие посвящение Оломоуцскому епископу слова «Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля Польши, станут известны миру»⁶.

Но в этой фразе ничто не свидетельствует о выделении автором особой роли польского дворянства. Рассуждение Мацея из Мехова о том, что вандалы – это поляки – тоже никак не способствует формированию точки зрения, согласно которой польское общество состояло из этнически разных составляющих, крестьян и шляхты. Ведь, согласно Мацея Лех, основатель первой польской княжеской династии со своими людьми пришел в незаселенные земли⁷. Вслед за А. Аннинским, переводчиком и автором Введения к «Трактату о двух Сарматиях», хочется отметить «...все рассказы его несут на себе печать какого-то особенного незлобивого добродушия»⁸, а ведь сарматизм обосновывает идею избранничества, исключительности, самовозвышения.

На практике, как это часто случается, написанное трансформировалось на протяжении XVI века в общественном сознании весьма произвольно. Сарматизм, теория доказывавшая происхождение польского дворянства (шляхты) от древних воинственных кочевых племен сарматов, подчинивших местное население, получила широкое распространение.

Идея оказалась очень плодотворной: сармат, кочевник-воин, «сражающийся человек», *homo militans*, рыцарь, защитник земель. Но и хозяин земель и тех, кто на них живет, «быдла», населения, которое некогда было покорено воинственными пришельцами.

Испанский философ Х. Ортега и Гассет относительно собственной испанской культуры, сложившейся на перекрестке соперничающих культур, употребил термин «прифронтовая культура»⁹. Думается, что так же можно характеризовать и культурную ситуацию в польском обществе начала Нового времени.

Как система взглядов сарматизм сложился в период контрреформации, патриотическое стало приравниваться к католическому¹⁰, делу защиты Господа нашего и панны Марии. Польский шляхтич воспринимал себя

призванным быть героем, обреченным на подвиг. «Чтится молвой границ охранитель / И с вероломным соседом воитель»¹¹, писал поэт Миколай Сэмп Шажинский в XVI веке. Сарматизм сложился как национальный миф, утопия, существующая наяву. Мир пограничья, оборонного вала, фронта.

Чего мы ждем-то! Гей, сарматы, рьяны,

Неужто резне уготованы паны?

Кто храбр – по коням! А в Рим – кто трусливый,

Или ж до Гданьска, кто торопливый!¹²

Библейская версия происхождения народов возводила происхождение поляков вместе с другими славянскими племенами к Иафету. Существовала и иная трактовка, опиравшаяся на античные источники, которая доказывала происхождение польского народа (как и других славян) от завоевавших местное население племен сарматов. Необходимость разрешения противоречий между ними привела к объединению двух теорий, что и было осуществлено путем возведения генеалогии легендарного предводителя сарматов Асармота к библейским пращурам. «Однако на протяжении XVI века идея о сарматских корнях польского народа трансформируется в представление о том, что сарматы являются предками только одного сословия польского общества — шляхты, отождествляемой с польским народом»¹³. Центральная идея сарматизма – права личности, но не всякой, а принадлежащей к числу избранных. Шляхетские вольности воспринимались как «наидрагоценнейшая драгоценность» (для шляхты).

Признание собственного совершенства предполагало наличие охранительных настроений, поскольку совершенство не нуждается в переменах. «Будучи идеологией традиционного общества, сарматизм рассматривает соблюдение (или возврат) к освященным давностью традициям как единственно возможный механизм выживания общества и государства. Ему присущ изоляционизм и ксенофобия, являющиеся обратной стороной мегаломании и самоидеализации»¹⁴. Поэтому «Польша совершенна во всем, так что ни прибавить к ней, ни убавить от нее нельзя ничего», писал поэт Станислав Ожеховский¹⁵.

За призывом *Nihil novi* (Ничего нового) просматривается отклик общества (точнее его господствовавшей составляющей – дворянства) на начавшиеся подвиги в общественной жизни. «Охранительство – неперемнная примета сарматизма как сложившейся системы»¹⁶. В данном случае стремление утвердить собственный социальный статус, принадлежность к привилегированной части общества. «Сарматская традиция, таким образом, понимается и как абсолютная ценность и как средство, механизм выживания и воспроизведения этноконфессиональной самобытности. В этом польский традиционализм не уникален. Но его специфика состоит в акцентировании в первую очередь политического наследия»¹⁷.

Определенную роль в утверждении идеи сарматизма выполнял один из жанров изобразительного искусства, зародившихся в период Возрождения: портрет. Причем, в условиях общества центральной Европы внимание в портретных изображениях было сосредоточено не столько на личностном, сколько на фамильном, родовом. Перемены в обществе и стремление закрепить, сохранить существующее, в том числе визуальными образами. Портрет, создаваемый в польских условиях, отражал общую тенденцию охранительности, неприятии чужого. Бастионом, защищающим ценности, считалась семья, большая семья, включающая поколения предков и тех, с кем семья породнилась. Видимое проявление – портретные галереи предков во дворцах магнатов и домах шляхтичей, куда нередко включались изображения королей и святых покровителей. «Род становится также символом сохранения и передачи наследия, которое обладало определяющим значением в историческом сознании сармата»¹⁸.

Целью этих портретов было создание «живописного памятника». Клановое сознание плюс стремление продемонстрировать истоки своего рода, показать его древность, его близость к властям земным и небесным способствовали созданию галерей предков. Множество стилистически сходных сарматских портретов образовывали своего рода коллективный портрет рода, который рассматривался в свой черед как составная часть сословной общности.

Интересно сравнить, как трактовался сарматизм в поэзии и изобразительном искусстве. Поэтическое творчество отражало процесс его складывания. Причем, в поэтических строках отразился сложный образ шляхтича-сармата, где доблесть зачастую вытеснялась неразумной лихостью. Достаточно сравнить строки двух поэтов-современников. «Ибо слава поляку / И жизни дороже»¹⁹, гордо заявлял В. Коховский. И «...а мы, как малы дети / Готовы в драку лезть, чтоб вздором завладети...»²⁰, с горечью восклицал Я. Кохановский. Живописный сарматский портрет фиксировал видимое воплощение сложившейся системы ценностей, ориентированной на идеал традиционной социальной иерархии.

Первые образцы портретного искусства, которые можно назвать сарматскими, относятся к последней четверти XVI века. К числу таких портретов можно отнести Коронационный портрет Анны Ягеллоновны, написанный неизвестным мастером в 1576 г.

Необходимо небольшое пояснение. В 1572 году прервалась мужская линия династии Ягеллонов. Наследницей оказалась сестра умершего Сигизмунда Августа Анна Ягеллонка, которой в ту пору было 52 года. Послушная дочь, она по настоянию матери, вдовствующей королевы Боны, вынуждена была уступить младшей сестре возможность выйти замуж за шведского короля Юхана. Только смерть ее брата-короля позволила ей стать завидной невестой.

Сначала на руку польской королевы и соответственно на польскую корону претендовал французский принц Анри Валуа, но, утвержденный сеймом в качестве короля, он узнал, что освобожден после смерти его старшего брата отчий французский престол, бежал во Францию. Последовало несколько лет неопределенности, и в конце 1575 г. под давлением Османского султана, королем и супругом Анны стал трансильванский князь Стефан Баторий.

В это время и был написан портрет королевы Анны, долго ждавшей своего часа. Королева стоит, держа в руках державу и скипетр. Два герба (один на складках тяжелой драпировки, другой на темном, нейтральном фоне) «ручательства ее жизненного статуса»²¹ выписаны столь же тщательно, как и драгоценности, украшающие ее корону, скипетр, державу, лиф плотно расшитого платья, симметрично прочерченные складки стоящей колоколом юбки. Массивные драгоценные камни на зубьях короны, расшитый жемчугом высокий воротник, два массивных украшения на груди, длинная жемчужная нить подчеркивают невыразительность бледного лица королевы, которая уже утратила привлекательность молодости, но еще не обрела значительности облика достойной старости.

Образ представляет сосредоточенную самоуглубленность, оторванность от жизненных контактов, созерцательность, проявляющуюся в неподвижном взгляде, обращенном в бесконечность. Хотя невольно возникает мысль о невольном торжестве, присутствующем в образе королевы. Хотя, возможно, эта торжествующая нотка домысливается зрителем, знающим обстоятельства жизни заждавшейся своего шанса женщины. В духе времени королева приказала поместить портрет в соборе Кракова, а чтоб невежественная чернь не вздумала молиться на нее, приказала закрыть портрет холстом.

Подчеркнуто строгим выглядит в сравнении с этим изображением портрет короля Стефана Батория, написанный силезским художником М. Кобером в 1583 г. Стефан Баторий оказался хорошим администратором, сумевшим сохранять стабильность во внутренних делах государства, а главное он проявил себя удачливым военачальником, то есть воплощающим образ шляхтича-сармата, существующего в двух ипостасях: землянина-помещика и воина-рыцаря.

Портрет декоративен и торжественен. Красное, слегка моделированное пятно одежды, на темном глухом фоне. Неподвижный, устойчивый треугольный силуэт создает впечатление прочности. Присутствует стремление к психологизации образа при одновременной, главенствующей тенденции создания обобщенного типа. Никаких королевских регалий (корона, колонна, драпировка, оружие), но создано впечатление значительности изображенного. Портрет был воспринят шляхтой как своего рода образец. Этому способствовало отсутствие собственно королевских регалий, перенесение акцента на образ идеального шляхтича.

В портретах шляхтичей могла быть подчеркнута бьющая в глаза роскошь одежды и вооружения (портрет князя Михаила Барысевича), наличие продолжателей рода (Портрет Збигнева Оссольского с сыновьями), принадлежность к определенному роду войск (наброшенная на плечи шкура леопарда на плечах неизвестного шляхтича).

Интересно, что большую роль в передаче «сарматизма» играл костюм, в котором присутствует восточное влияние. Костюм шляхтича, его вооружение приходили с востока, восточный. Традиционный «старопольский» шляхетский костюм включал кунтуш с «отлетными» рукавами, под которым носился жупан, богато расшитый золотом пояскушак, к которому привешивалась сабля – гордость каждого шляхтича. Костюм дополняли шаровары и сапоги, обычно желтые или (реже) красные. Головной убор: шапка-магерка или отороченный мехом колпак восточноевропейского типа. Головные уборы были отделаны мехом и украшены пером цапли или ястреба в аграфе из драгоценных камней. Сабля украшалась драгоценностями, колчаны из шагреновой кожи – золотом.

Женский вариант сарматского портрета отличается от мужского тем, что персонажи одеты по европейской моде того времени: четко очерченный х-образный силуэт, создаваемый за счет тяжелых, расшитых сложными узорами тканей, высокий воротник, сложный головной убор. Образцом такого рода изображения служит написанный неизвестным художником около 1597 г. портрет Катаржины Острогской. Молодая женщина стоит около стола, справа за ее спиной подхваченный занавес, слева на темном фоне – герб. Одна рука ее придерживает длинную вуаль, другая протянута к часам, лежащим на столе, накрытом тяжелой скатертью. Одеята пани Катаржина в великолепный платье (возможно, это ее свадебный наряд). Поражает контраст динамики в орнаменте и застылости, отрешенности в фигуре и лице модели. Свойственное мужскому варианту сарматского портрета стремление передать остановленное движение (широкий шаг, рука, резко опущенная на рукоять сабли) в данном случае смягчено, сведено к руке, неуверенно протянутой в сторону ключа от часов.

Большинство портретов принадлежат кисти неизвестных художников. Степень мастерства их различна. Объединяет общий подход. Тщательно переданы все детали одежды, вооружения, регалий. Женским портретам соответствует своя атрибутика: украшенный кружевами носовой платок, миниатюрный молитвенник, перчатка, веер, часы, напоминание о быстротекущем времени. Персонаж помещен в условную среду, включающую строго определенные предметы: колонна, угол массивного стола, на котором несколько символически значимых предметов (корона, гетманская булава как символы социального статуса, символы власти) обязательно изображен герб.

Черты лиц подчеркнута индивидуальны, но трактованы с минимальным использованием светотеневой моделировки, тело под тяжелым

и многослойным облачением лишено, или почти лишено объема. Фигуры представлены пребывающими в некоем условном пространстве. Между зрителем и изображенным человеком исключена возможность контакта. Изолированность портретируемого усиливается за счет того, что нередко изображение дополнено надписями и гербами. «Герб станет постоянным спутником дворянского портрета сарматской эпохи, его неизменным атрибутом, выполняющим важнейшую функцию генеалогической идентификации...»²².

Зачастую представители магнатских семей считали необходимым иметь портреты сарматские наряду с портретами, выполненными в традициях Возрождения.

Спустя десятилетия происходит определенная трансформация изображения. Окружающий портретируемого интерьер обретает трехмерность, наполняется объемными пышными драпировками и мебелью с гнутыми ножками. И сам портретируемый представлен вполне рельефно, вполне в традициях ренессансного видения. Сарматизм просматривается в горделиво вскинутой голове, в нарочитом жесте руки, подбоченившейся или упирающейся на рукоять сабли, в старопольском костюме, в резко застывшем движении. Именно так представлен Станислав-Антоний Щука на портрете 1709 года. Несколькими десятилетиями позднее саксонский курфюрст Август III, ставший польским королем, изображен на одном из портретов в старопольском костюме, и это выглядит как нечто маскарадное.

Шляхетская Польша законсервировала сарматский тип портрета, запрограммировала портрет как знаковую систему, что предполагало введение в композицию надписей (инскрипций), часть информации сообщают зрителю атрибуты (сабля, булава, платок в руке), гербы и другая геральдическая атрибутика. Внешние признаки: репрезентативность, статичность. Весьма тщательное, детальное изображение костюма и различных аксессуаров. Портрет приобрел облик некоего коллажа смысловых и фактурных составляющих.

В условиях переходного времени «искусство становится второй реальностью, обладающей правом на самостоятельное существование»²³ и обретает новые в сравнении с предшествующими историческими эпохами функции, среди них презентация общественного статуса человека без прямой апелляции к божественному покровительству.

Примечания

¹ *Гайдук В. Л.* Визуальный поворот в исторической науке в конце XX – XXI века // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13-14 июня 2013 г. М., 2014. С. 149.

-
- ² *Кантерева Т.П.* Искусство Испании. Очерки. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1989. С. 286.
- ³ *Верижникова Т.* Английская живопись. СПб., 2009. С.105.
- ⁴ История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. *Л.М. Брагиной*. М., 2001. С.370.
- ⁵ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С.6.
- ⁶ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 46.
- ⁷ *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С.73.
- ⁸ *Аннинский А.А.* Введение // *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. С. 36.
- ⁹ *Ортега и Гассет Х.* Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1987., С.90.
- ¹⁰ Показательно, что в Чехии не было такого единодушия в связи с тем, что часть шляхты поддерживала учение гуситов. См. подробнее: *Пащинин А.П.* Переписка чешских панов середины – конца XV в. как исторический источник // Славянский сборник. Саратов, 2015. Вып. 13. С.136-137.
- ¹¹ *Семп-Шажинский М.* О шляхетской добродетели // Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 401.
- ¹² *Потоцкий В.* К панам // Европейская поэзия XVII века. С.589.
- ¹³ *Лискенен М.В.* Образ сармата в истории: На пути формирования национального самосознания народов Речи Посполитой во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // URL: <http://www.disserscat.com/content/obraz-sarmata-v-istorii-na-puti-formirovaniya-nats-samosoznaniya-narodov-rechi-pospolitoi-vo#ixzz58NS4nIx0> (Дата обращения: 27. 01.18).
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Цит. по: *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979. С. 17.
- ¹⁶ *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. С. 14.
- ¹⁷ *Лискенен М.В.* Образ сармата в истории... // URL: <http://www.disserscat.com/content/obraz-sarmata-v-istorii-na-puti-formirovaniya-nats-samosoznaniya-narodov-rechi-pospolitoi-vo#ixzz58NS4nIx0> (Дата обращения: 27. 01.18).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Коховский В.* Надгробие храбрым воинам, на Батожских полях polegшим и с гетманом М. Калиновским и воеводою Черниговским // Европейская поэзия XVII века. М., 1977. С. 590.
- ²⁰ *Кохановский Я.* О жизни человеческой // Европейские поэты Возрождения. М., 1974. С. 391.
- ²¹ *Тананаева Л.И.* Указ. соч. С. 122.
- ²² Там же. С.82.
- ²³ *Головин В.П.* Мир художника раннего Возрождения. М., 2002. С. 179.

Е. Н. Многолетняя,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
E-mail: Elenamnogoletnjaja@rambler.ru

Два издания в жанре «путешествий» из репертуара чешского книгопечатания раннего периода (1468 – 1620 гг.)

В статье рассматриваются сочинения Бернгарда Брейденбаха и Мартина Кабатника, написанные в популярном для XV – XVI века жанре путешествия, которые были напечатаны в Чехии в ранний период истории книгопечатания. Выявляются причины популярности данного жанра, условия создания этих сочинений, анализируется их содержание и характеризуются сохранившиеся до настоящего времени экземпляры.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции.

Two Editions in the Genre of "Travel" of the Early Book Printing in Bohemia (1468–1620)

The author considers two works in the travel genre popular for the XVth–XVI th century, printed of the early book printing in Bohemia - B. Breidenbach and Martin Kabatnik. Identifies the reasons for the popularity of this genre, the conditions for the creation of these works, analyzes their content and survived to the present day.

Key words: book printing in Bohemia, publishers, publishing, repertoire of books.

В XV – XVI вв. в странах Западной и Центральной Европы большую популярность приобрёл жанр описания путешествий. Динамизм людей новой эпохи, их растущий интерес к окружающему и далекому миру, взаимосвязи человека и природно-географической среды, многообразие и полнота жизни непосредственным образом отразились в жанре описания путешествий.

Жанр путешествий в инкунабульный период чешского книгопечатания был представлен сочинением Бернгарда Брейденбаха «Паломничество в Святую землю».

Сочинение Брейденбаха в оригинале было написано на латинском языке. Впервые оно было издано в Майнце в 1486 г. и стало первым иллюстрированным описанием паломничества в Святую землю. Сочинение пользовалось большой популярностью (переиздавалось на латыни в 1490, 1502 и 1536 гг.; на немецком языке — в 1486, 1488 и 1505 гг.; на французском — в 1488, 1489 — 1490, 1517 и 1522 — 1523 гг.; на голландском

— в 1488 г., на испанском — в 1489 г. и на польском — в 1610 г.). Книга Брейденбаха, в отличие от книг о путешествиях, выпускавшихся ранее, содержит много личных наблюдений – рассказы автора о собственных впечатлениях, о сведениях, полученных им в пути, а также подробное описание природы, нравов и обычаев населения, этнических типов и костюмов, архитектуры городов и особенностей быта¹.

Книга отвечала растущему в то время в Европе интересу не только к Святой земле, но и к Востоку в целом, его людям и языкам. Брейденбах описал народы, жившие в Иерусалиме («сарацины», евреи, греки, эфиопы, армяне и др.), и приложил таблицу с воспроизведением шести типов вост. алфавитов².

Декан майнцского собора Бернгард Брейденбах совершил в 1483 – 1484 г., паломничество в Палестину, а его книга представляет собой путевые заметки, которые он издал после своего возвращения.

Группа паломников, в составе которой находился Брейденбах, отправилась в Святую Землю 25 апреля 1483 г., в день св. Марка.

Главными паломниками, которых окружала многочисленная свита, было трое — Бернгард фон Брейденбах, граф Иоганн фон Солмс и рыцарь Филипп фон Бикст. В свите находился художник — Эрхард Ройвих (Эрхард ван Ревейк из Утрехта.); он должен был зарисовывать виды городов, через которые проходил путь паломников, встречавшихся им необычных животных, а также жителей разных стран.

Бернгард фон Брейденбах ежедневно вносил записи в дневник. Путь паломников из Германии проходил через Альпы и Италию. Первую остановку они сделали в Венеции, где задержались на 22 дня. С одной из возвышенностей Ройвих зарисовал большую панораму знаменитого города, расположенного на островах лагуны Адриатического моря. Из Венеции немецкие паломники отлучались на несколько дней в Падую, где находился знаменитый во всей тогдашней Европе университет. Наконец, они заключили договор с перевозчиками и морем отправились на Ближний Восток. По дороге они сделали несколько остановок на греческих островах, в частности, на Корфу и Родосе. Во время остановок Ройвих сделал рисунки.

Побывав в Иерусалиме и посетив святыне места Палестины, путешественники отправились на Синайский полуостров в древний монастырь св. Екатерины, славившийся своей библиотекой. Отсюда путь немецких паломник лежал в Египет. Несколько дней они провели в Каире, а оттуда, двигаясь по Нилу, достигли Александрии. Из александрийского порта паломники отправились в обратный путь.

Более чем 9-месячное путешествие закончилось 4 января 1484 г. в Венеции. Здесь Брейденбах сделал последние записи в своём дневнике.

Вернувшись в Майнц, Брейденбах поручил магистру Мартину Роту литературно обработать его дневник. Рот превратил безыскусные записи в

занимательное повествование. Ройвих тем временем переводил свои рисунки на язык ксилографии — гравюры на дереве.

Подготовка сочинения к печати велась со всей тщательностью. Шрифты были куплены у знаменитого майнцского типографа Петера Шеффера, ученика Иоганна Гутенберга. Иллюстрации составили важное достоинство книги. Брейденбах надеялся в издании превзойти в этом отношении всех своих предшественников. Гравюры с видами Венеции, Корфу, Крита, Родоса, Иерусалима, Гроба Господня и др. стали подлинным украшением книги.

12 февраля 1486 г. «Путешествие в Святую землю» вышло в свет. Издательский цикл, таким образом, продолжался около двух лет. Первоначально книга была выпущена на латинском языке. 21 июня 1486 г. Эрхард Ройвих выпустил издание на немецком языке, а 24 мая 1488 г. — на родном фламандском наречии.

Все три издания были отпечатаны большим форматом — «ин фолио». В латинском издании было 164 листа, в немецком — 180. В первом из них присутствовало 18 гравюр в тексте и 7 видов городов и островов, во втором была прибавлена еще одна гравюра³.

В Чехии латинское издание было использовано для двух чешских первопечатных книг с условными названиями «Трактат о Святой Земле» (1498 г.)⁴ и «Жизнь Магомеда» (1498 г.)⁵ изданных в пльзенской типографии Микулаша Бакаларжа.

«Трактат о Святой земле» был первым печатным описанием путешествия на чешском языке. «Жизнь Магомеда» открыла в чешском книгопечатании целый ряд произведений на "турецкую" (точнее сказать, антитурецкую) тематику. Они издавались главным образом в течение следующего столетия. Популярность этого жанра литературы была связана с нависшей над Европой турецкой угрозой, а Чехия в силу своего географического положения оказалась в числе тех стран, которые непосредственно противостояли турецкому наступлению.

«Трактат о Святой земле» содержит 32 листа с иллюстрациями. Сохранилось два экземпляра данной книги. Один из них хранится в библиотеке Страговского монастыря в Праге, второй в библиотеке национального музея в той же столице Чехии.

«Жизнь Магомеда» сохранилась в единственном экземпляре, который находится в библиотеке Страговского монастыря.

Интересным чешским изданием начала XVI века является также «Путешествие из Чехии в Иерусалим и Египет» Мартина Кабатника. Автор был послан Общиной чешских братьев на Восток, для того чтобы определить, какая из существовавших тогда церквей в наибольшей степени сохранила первоначальный христианский характер. Кабатник посетил Малую Азию, Иерусалим и Египет. Возвратившись на родину, он написал "Cestopis do Krajini vychodnich" («Путешествие на Восток»). Умер Кабатник в

1503 г. "Путешествие" Кабатника было издано впервые в 1518 г., а затем неоднократно переиздавалось⁶.

Известно, что в 1484 г. Мартин Кабатник переехал из Праги в Литомышль. Вероятно, он был ремесленником. Как пишет Адам Бакаларж, Кабатник не был грамотным человеком, он не умел ни читать, ни писать. Причины его переезда из Праги не известны. Наиболее вероятно предположение о том, что он пытался спастись от эпидемии чумы, которая в унесла в 1483 — 1484 гг. в Чехии более тридцати тысяч жизней. Прибыв в Литомышль, Кабатник активно включился в деятельность Общины чешских братьев. Внутри общины имелись разногласия, для устранения которых было решено искать живой прообраз истинной церкви. С этой целью в разные страны были отправлены представители общины. Известно несколько имён этих посланцев: Лука бакалавр отправился в Турцию и Грецию, Мартин Кабатник из Литомышля получил задание посетить Малую Азию, Палестину и Египет, рыцарь Марек Коковец должен был отправиться на Русь и познакомиться с Московией, брат Кашпар из Бранденбургской марки также должен был отправиться в восточные страны. Из числа посланцев только брат Лука имел образование. Расходы на организацию путешествий взял на себя Богуслав Куб из Поступец (Postupec).

Экспедиция отправилась в путь 1 марта 1491 года. Посланники сообща добрались до Стамбула, а далее каждый следовал своей дорогой. Мартину Кабатнику было тогда уже 63 года.

В ноябре 1492 года он вернулся в Литомышль и купил там дом. Поскольку он не умел ни писать, ни читать, то продиктовал по памяти Адаму Бакаларжу — нотариусу в городе Литомышле — свои впечатления о путешествии. Рассказы Кабатника были записаны, по всей вероятности, в 1500 году (за три года до его смерти).

Путешествие Кабатника было пять раз издано в ранний период чешского книгопечатания: в 1518 (не сохранившееся издание), 1539, 1542, 1564, 1577 гг.⁷. Старейшее из дошедших до нас изданий было напечатано в 1539 г. в Литомышле типографом Александром Пльзенским⁸. Сохранилось два его экземпляра: один в Библиотеке Кристана Вайза в Циттау (Германия), второй — в Национальной библиотеке в Праге.

Издание 1539 г. вышло с предисловием Адама Бакаларжа. В книге была помещена гравюра с изображением странника. Она была издана в малом формате — так называемой восьмерке. Издание имело 73 листа и было озаглавлено как «Путешествие из Чехии в Иерусалим и Египет Мартина Кабатника из Литомышля и описание на этом пути разных стран, ландшафтов, городов, а также обычаев людей».

Как отмечает Л. Сторхова⁹, сочинение Кабатника отличает оптимистическое настроение. Восток вызывает у него восхищение. Красота дворцов, домов и площадей, роскошь городов, чистота улиц, эффективное управление государством и гуманное отношение к заключенным, изящные

одежды и чистота турецких общественных бань и туалетов — отличительные черты стран Востока в восприятии кабатника. Именно эти описания местных реалий отличают путевые заметки Кабатника от средневековых сочинений, где Восток нередко выполнял лишь роль красочного пейзажа.

Таким образом, дошедшие до нас чешские первопечатные издания позволяют говорить об интересе читающей аудитории к данному жанру литературы, популярность которого была обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в Европе никогда не исчезал интерес к Востоку как таковому; во-вторых, нависшая над Европой турецкая опасность придавала литературе о Востоке политическую актуальность; в-третьих, сведения о восточных христианах давали обильную пищу для размышлений образованным чехам эпохи Реформации, искавшим путей к обретению истинной веры.

Примечания

¹ *Нессельтраус Ц.Г.* Немецкая первопечатная книга. Декорировка и иллюстрация. СПб., 2000. С. 179.

² Брейденбах // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <http://www.pravenc.ru/text/153407.html> (Дата обращения: 14.03.2018).

³ История книги. Эрхард Ройвих. URL: <http://maxbooks.ru/reuwich.htm> (Дата обращения: 14.03.2018).

⁴ *Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII. století.* Knihopis. Díl I., Prvotisky. Praha, 1925. Č. 4. (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).

⁵ *Knihopis.* Č. 5.

⁶ KPS - Výsledky dotazu: Slova-Všechna pole= kabatnik // URL:

https://aleph.nkp.cz/F/MHV511L4D9UEACLMXTP75I535F3PYE6AYHF9UUD3DADXJE8N54-29414?func=find-b&find_code=WRD&x=17&y=8&request=kabatnik&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (Дата обращения: 14.03.2018).

⁷ KPS Výsledky dotazu: Slova-Všechna pole= Martin Kabátník // URL:

https://aleph.nkp.cz/F/C76PYBRUV822CT5AEIJEL2K8F7CLL9E255I6L3MEMHUIE75JXV-14833?func=find-b&find_code=WRD&x=18&y=5&request=Martin+Kab%C3%A1tn%C3%ADk&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (Дата обращения: 14.03.2018)/

⁸ *Cesta z Czech do Geruzaléma a Egipta Martina Kabátnijka z Lijtomysse. A na té cestě se psanij rozličných Zemij, Kragin. Měšt a zpuosobuow gich. Y také obyčeguow Lidij. Wnowě vytsisťēnaa.* [Litomyšl], (Alexander) [Aujezdský] Leetha Páně M°D°XXXiX° // URL:

https://aleph.nkp.cz/F/C76PYBRUV822CT5AEIJEL2K8F7CLL9E255I6L3MEMHUIE75JXV-14984?func=full-set-set&set_number=182871&set_entry=000002&format=999 (Дата обращения: 14.03.2018).

⁹ *Storchová L.* "Mezi houfy lotrův se pustiti..." Cizí, orientální a "mahumetánský" Egypt v českých cestopisech 15.–17. století. // *Mezy houfy lotrův se pustiti. České cestopisy o Egyptě 15.–17. století / ed. L. Storchová.* Praha, 2005. S. 407–445.

Я.Н. Рабинович,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
E-mail: *RabinovichYN@yandex.ru*

**Из истории славянской колонизации Саратовского края:
Рыболовный промысел и торговля в левобережном Саратове в
первой половине XVII века**

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова первой половины XVII в. Особое внимание уделено рыболовному промыслу в окрестностях Саратова. Показано, что основную роль в этой деятельности играли московские монастыри, богатые нижегородские откупщики, а также дворцовое и патриаршее ведомства. Местные жители вынуждены были переснимать небольшие участки рыбных угодий у крупных предпринимателей. Торговля с центральными районами страны была развита слабо.

Ключевые слова: левобережный Саратов, В. А. Осипов, А. А. Гераклитов, А. А. Гоздаво-Голомбиевский, Новоспасский монастырь, откупщики, Адам Олеарий.

**On the Slavic colonization of Saratov region:
Fishing and trade in left-bank Saratov in the first half of the XVII
century**

The article deals with the unknown pages of left-bank Saratov's history in the first half of the XVII century. Special attention is paid to fishing in Saratov's suburbs. The main role of Moscow monasteries, rich Novgorod farmers and palace and patriarch offices in this activity is shown. The local inhabitants were forced to re-rent small fishing areas from leading tradesmen. Trade with central parts of the country was poorly developed.

Key words: left-bank Saratov, V.A. Osipov, A.A. Geraklitov, A.A. Gozdavo-Golombievsky, Novospassky monastery, farmers, Adam Oleariy.

Вопрос о рыболовном промысле и торговле в левобережном Саратове, который находился около 60 лет (1616 – 1674) на северо-восточной окраине

современного города Энгельса, был впервые подробно рассмотрен А. А. Герасимовым в капитальной монографии, посвященной истории Саратовского края XVI – XVIII вв.

Несмотря на почти полное отсутствие справочного аппарата, данный труд до настоящего времени так и остался непревзойденным, хотя с момента его опубликования прошло более 100 лет¹.

Через полвека после выхода данного труда в 1976 г. была написана монография другого саратовского ученого — В. А. Осипова, посвященная Саратову конца XVI – XVII вв. В. А. Осипов взял более узкие, чем А. А. Герасимов, хронологические рамки, что позволило ему больше внимания уделить именно левобережному Саратову. Сюжет, связанный с рыболовным промыслом и торговлей, в монографии В. А. Осипова нашел отражение в специальной главе, которая так и называется «Рыболовный промысел и торговля: их значение в освоении и заселении края»².

Опираясь на имеющиеся в его распоряжении источники, а также на труды А. А. Герасимова, В. А. Осипов уделил наибольшее внимание Саратову последней четверти XVII в. При этом он широко использовал в своей работе статью А. А. Герасимова о волжском транспорте в конце XVII в.³

Пересказ этой статьи занял несколько страниц в главе книги В. А. Осипова о рыболовном промысле и торговле в Саратове XVII в. Значительную часть текста этой главы занимают сведения общего характера. К справочному аппарату в книге В. А. Осипова можно предъявить большие претензии: слишком много ошибок или опечаток в выходных данных, часто приводятся «глухие ссылки», не позволяющие проверить данный текст по первоисточнику. А ведь эта книга является учебным пособием для студентов! Источники, введенные в научный оборот А. А. Голомбиевским, автор использовал недостаточно, взяв лишь небольшую их часть из числа опубликованных в трудах СУАК и в «Библиографических записках», либо опосредованно, через монографию А. А. Герасимова. К слову сказать, фамилия А. А. Голомбиевского ни в тексте, ни в ссылках у В. А. Осипова не упоминается, имеется лишь несколько «глухих» ссылок на его критическую статью в «Библиографических записках»⁴.

По-видимому, пришло время разобрать данный вопрос более подробно, используя источники, опубликованные А. А. Голомбиевским (около сотни документов). К сожалению, почти все эти источники посвящены Саратову третьей четверти XVII в. Что же касается первых десятилетий существования левобережного Саратова (1616 – 1650), то источников по этому периоду истории города сохранилось очень мало. А. А. Голомбиевский опубликовал в трудах СУАК три документа, посвященных владениям Новоспасского монастыря в окрестностях Саратова в 1630-е гг. Несколько документов по указанному периоду обнаружил А. А. Герасимов. К этому следует добавить ценную находку П. П. Смирнова,

опубликовавшего окладную роспись пятины 1634 г. и скупые разрядные записи, а также сочинения путешественников Федота Котова и Адама Олеария.

В настоящей статье автор предпринимает попытку рассмотреть вопрос о рыболовном промысле и торговле лишь в первые десятилетия XVII в. (до 1650 г.). Подготовлена к печати и в ближайшее время будет опубликована аналогичная статья, основанная на ВСЕХ источниках, введенных в научный оборот А. А. Голомбиевским. Хронологические рамки этой статьи будут охватывать период с 1650 по 1675 г.

Прежде всего обратимся к рассмотрению владений московских и других монастырей в окрестностях Саратова, о которых сохранилось больше всего сведений в источниках.

Изобильные рыбные угодья на Волге были известны русским людям с давних времен. Русские ловцы еще при татарском владычестве ловили рыбу на Нижней Волге. Здесь, правда, следует сделать оговорку, что это делалось с разрешения враждебных Москве ханов Казанского ханства, которые при возвращении ловцов домой забирали значительную часть улова, и вообще, могли сделать все, что угодно, с русскими рыбаками.

После временного подчинения Казани Московскому государству в 1487 г. при Иване III русские рыбаки впервые стали без особой опаски ловить рыбу южнее Казани. В Казанском летописце приводятся сведения о том, что в 1521 г. изгнанный из Казани хан Шигалей встретил по пути и привел с собой в Москву *«более 10000 рыболовов Московских, ловящих рыбы на Волге под горами и до Змиева и до Увека (вариант – под горами Девичими от Змиева камени и до Увека), за 1000 верст от Казани заехавше, тамо живяху лето все на девичьих водах ловяще, а в осень возвращахуся на Русь наловившеся и обогатевши»*⁵. Тогда (весной 1521 г.) рыбаки вынуждены были бросить все снасти, лодки, рыбу и едва сумели спастись от казанцев, *«сами побегоша полем»*.

Исследователи, начиная с В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, обычно приводят цифру на порядок меньше – «более 1000 рыболовов». Даже если цифра была значительно завышена летописцем, наличие русских рыбацких ватаг на Нижней Волге в то время не подлежит сомнению. Уже в начале XVI в. московские рыбаки промышляли весной и летом рыбной ловлей, спускаясь до Девичьих гор (район современного села Воскресенское), Увека и ниже. Осенью всю заготовленную рыбу привозили в центральные районы для продажи. Значительную часть этой рыбы оставляли в Казани. В дальнейшем, при Василии III, когда Казань вышла из-под русского влияния, а местные ханы стали проводить агрессивную политику в отношении Москвы (особенно в 1520 – 1540-е гг.), эти рыбные промыслы, по-видимому, почти прекратились.

Все изменилось в 1550-е гг., после завоевания Казани и Астрахани Иваном Грозным. Теперь вся Волга стала русской рекой, все рыбные

волжские угодья стали достоянием Русского государства и приобрели большую ценность и значение. Сразу после 1552 г., когда Казань стала русским городом, рыбаки без опасения стали спускаться вниз по Волге вплоть до Астрахани. Уже в текст договора между Москвой и астраханским ханом Дербышем 1554 г. (до окончательного присоединения Астрахани к Москве), был вставлен специальный пункт, согласно которому русским рыболовам разрешалось ловить рыбу в астраханских водах наравне с татарами, и при этом они не облагались данью или налогом. Н. М. Карамзин отмечал, что в «клятвенной грамоте» хана Дербыша, скрепленной печатями, было сказано, что *«россияне могут свободно ловить рыбу от Казани до моря, вместе с астраханцами, безданно и безъявочно»*. Этот пункт договора свидетельствует о том, что ранее русские рыбаки также ловили здесь рыбу, но их ущемляли в правах, в отличие от местных татар⁶.

Через два года, в 1556 г., Астрахань, как и Казань, стала русским городом. Теперь Московское правительство стало распоряжаться всеми волжскими рыбными богатствами, стремясь извлечь из них максимальную выгоду. Рыболовные угодья стали источником дохода для государства. Издавались специальные грамоты, ограничивавшие права рыбных ловцов, рыбные угодья сдавались в оброк, либо отдавались в пожалование светским и духовным вотчинникам, прежде всего – монастырям.

С конца XVI в., после основания Самары, Царицына и Саратова наблюдался быстрый рост рыбопромышленников и добываемой рыбы. Из Нижнего Поволжья на продажу в Москву и другие города, к царскому двору стали вывозить во все возраставшем количестве рыбу самых ценных сортов: осетров, белуг, стерлядей, севрюг, а также икру. Рыба и рыбные товары (например, рыбий клей) шли как на внутренний, так и на внешний рынок.

Правительство извлекало доход из рыбных ловель различными путями. Во-первых, ловли отдавались на оброк. Во-вторых, рыбные ловли предоставлялись ружникам вместо хлебного и денежного жалования (что также было выгодно правительству). К примеру, в 1626 г. **старцам Саратовского Богородицкого монастыря** «в руги место» были пожалованы рыбные ловли «от Бородина песка да на низ по Сунбуловку»⁷. В-третьих, правительство само эксплуатировало рыбные ловли. Эти казенные промыслы именовались дворцовыми, т.к. их добыча шла главным образом на нужды дворцового обихода. По существу, это было казенное предприятие, находившееся в ведении соответствующего приказа. Ведение таких дел поручалось особым промышленникам, назначавшимся из торгового сословия. Этим промышленникам поручались рыбные и насадные промыслы на Нижней Волге, давались другие поручения, например, доставка хлебных запасов в Саратов, Царицын и Астрахань. Для всех этих целей промышленнику предоставлялись большие суммы казенных денег. В ведение такого промысла входили ватаги, которые производили ловлю и заготовку рыбы. Эти дворцовые промышленники строили зимовые дворы, в которых

хранились снасти и рыба, следили за состоянием и занимались ремонтом таких дворов.

Наибольшую активность в эксплуатации рыбных угодий Нижнего Поволжья проявили монастыри и купцы. Что касается казенного ведомства, то сначала Казна не смогла по-настоящему оценить значение волжских рыбных угодий. Возможно, недоставало возможностей самой освоить эти богатства. Казна раздавала монастырям в пожалование огромные пространства рыбных ловель. Затем Казна стала сдавать рыбные ловли на оброк рыбопромышленникам – посадским людям. Плата (оброк) оказалась относительно небольшой по сравнению с огромными прибылями, получаемыми этими промышленниками при продаже рыбы и икры в центральных районах страны. Отметим, что прибыль была стабильной, не подверженной природным катаклизмам, в отличие от земледелия (засуха, заморозки, наводнения мало влияли на улов). Опаснее было крушение судов при доставке товара из-за непогоды, либо грабежи воровских казаков (грабежи рыбной продукции были редкими, казаки сами ловили для себя рыбу, рыбы на Волге хватало всем, а перепродавать ее в центральных районах казаки не могли). Позже появилось множество дворцовых мест рыбной ловли, откуда рыба шла в Казну, к царскому столу и на продажу для увеличения дворцовых доходов.

Адам Олеарий описывает несколько встреч с такими судами в августе – сентябре 1636 г. Среди них – корабли, принадлежавшие дворцовому ведомству, патриарху, Троице-Сергиеву монастырю, купцу Никитникову и др. 31 августа 1636 г. корабль Олеария встретился с двумя баржами, принадлежавшими патриарху Иоасафу и насадом с соленой осетровой икрой, принадлежавшим царю. На каждом из таких судов было по 400 человек рабочих. Затем у Колтова острова в 50 верстах выше Саратова Олеарию встретились еще 4 баржи с солью и соленой рыбой, принадлежавшие купцу Григорию Никитникову. На следующий день 1 сентября 1636 г. возле Саратова корабль Адама Олеария встретил три больших струга, один из которых принадлежал Троице-Сергиеву монастырю. По словам Олеария, многие из таких судов воровские казаки после осмотра отпускали дальше, поскольку такая добыча их не особенно прельщала⁸.

Об огромных рыбных запасах, которые в нижеволжских городах ценились сверхдешево, существует масса источников (вспомним покупку рыбы Олеарием). Часто рыбу просто выбрасывали, доставая только икру (пример – в Астрахани в 1591 г.). Антисанитария беспокоила правительство, которое было вынуждено издавать специальные указы об ограничении ловли рыбы (в том числе — первый известный документ с упоминанием Саратова)⁹.

Монастыри, находившиеся в центре страны, стали одними из первых захватывать богатые рыбные ловли на Нижней Волге. Первопроходцем в освоении рыбных богатств был **Троице-Сергиев монастырь**. В 1588 г. по царскому пожалованию Троице-Сергиеву монастырю было дано право

ежегодно и беспошлинно возить рыбу и соль на двух монастырских судах из Астрахани. Всем воеводам городов предписывалось: «... *если старцы или купчины или слуги монастырские пойдут в Астрахань на дву судах по соль и рыбу*», то нигде пошлин с них не брать¹⁰.

Однако в 1614 г. воевода Самары князь Д. П. Лопата-Пожарский не дал троицким рыбным ловцам ловить рыбу безоброчно, а взял с них оброк в царскую казну. Точно так же новый воевода Самары князь М. В. Белосельский в 1615 г. взял с троицких ловцов оброк, а для нужд монастыря рыбу ловить не позволил. Старцам пришлось покупать рыбу по дорогой цене на монастырский обиход. Монастырь понёс от этого большие убытки. Старцы в челобитной писали, что им исстари (т.е. давно) было разрешено ловить рыбу на Волге неводами «и *связками и оханы ниже Казани и до Царицына острова, безоброчно*». После этой жалобы архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына царю Михаилу Федоровичу новым воеводам Самары Федору Ульяновичу Вельяминову и дьяку Постнику Калачеву в марте 1616 г. было отправлено царское указание – впредь пошлин с монастырских ловцов не брать, разрешить им ловить рыбу на монастырский обиход везде беспошлинно¹¹.

Аналогичная грамота в то же самое время (4 марта 1616 г.) была отправлена воеводам Казани князю В. Т. Долгорукову и князю С. Н. Гагарину. В ней более четко указаны границы рыбных ловель и другие льготы Троице-Сергиева монастыря. Оказывается, монастырь «изстари» отдавал рыбные ловли на оброк ловцам «*в Казани на Волге и ниже Тетюш до Самары и ниже Саратова*». Самарские воеводы в 1614 и 1615 г. незаконно брали с этих оброчных ловцов месячный оброк и не давали им ловить рыбу, в итоге «*в монастыре братья рыбою скудны*», поэтому старцы просили разрешить им ловить рыбу «*по-прежнему ниже Самары и Саратова безоброчно и беспошлинно*». Такое разрешение было старцами получено. Теперь воеводам Казани и других городов запрещалось «*с тех связок, сколько у них в жалованных грамотах написано*», брать оброк и пошлины¹². Таким образом, какой-то максимальный объем безоброчной ловли был все же установлен. Если же улов выходил за его рамки, льготы не действовали. Для нас важно, что здесь впервые после длительного перерыва упоминается Саратов, а не Саратовское городище. Это может служить косвенным свидетельством того, что Саратов в марте 1616 г. начинает строиться заново. Для дьяков слово «Саратов» означает населенный пункт, а не какое-то заброшенное место, городище.

В 1606 г. московский **Чудов монастырь** получил от нового царя Василия Шуйского грамоту на право рыбной ловли на Волге севернее Саратова «*в Тихих Сосновых водах от Черного затону вниз Волги реки на 45 верст до устья Елань Иргиза*»¹³.

Стоит привести еще один документ, который свидетельствует, что даже в самые тяжелые годы Смуты, когда прекратили свое существование

Царицын и Саратов, рыбные ловцы по-прежнему спускались ловить рыбу южнее Самары. Стрелецкому голове Гордею Пальчикову в апреле 1614 г. был дан наказ – построить острожек на устье реки Усы и не пускать ниже Усы рыбных ловцов. Им разрешалось только ловить рыбу *«на Волге по Усу реке, а ниже Усы реки Волгою ловцов не пропускати»*. Причем, здесь речь шла о тех рыбных ловцах, которые уже имели на руках официальное разрешение из Казани на лов рыбы (казанские проезжие грамоты, памяти или подписные челобитные). Всех остальных самовольных ловцов предписывалось задерживать и возвращать назад в Казань. Это была вынужденная мера — временное ограничение, действовавшее до освобождения Астрахани от отрядов Заруцкого¹⁴. В одном из документов августа 1614 г. говорится о путях набегов воровских казаков с Яика на Волгу. Один из таких путей проходил с Яика на Иргиз и далее на Волгу. Воевода Астрахани князь И. Н. Одоевский писал воеводам Самары, что *«Илейка де Боров с товарищи пошли вверх по Яику на Иргиз, а с Иргиза идти им для воровства на Волгу... Вам бы, господа про воровских казаков те вести были ведомы, чтоб они в Иргизе и на Волге безвестно на рыбных ловцов не пришли и Государевых казенных и запасных судов и проезжих торговых и всяких людей не погромили»*¹⁵. Таким образом, уже летом 1614 г. рыбный промысел существовал южнее Самары на Иргизе и на Волге. Даже неурядицы Смутного времени не могли удержать предприимчивых рыбных промышленников.

В 1631 г. началось освоение рыбных богатств окрестностей Саратова **московским Новоспасским монастырем**. Архимандриту этого монастыря Иосифу с братией были пожалованы рыбные ловли на оброк в саратовских иргизских водах, *«а obroку указали имати с тех рыбных ловель по двадцати рублев на год»*. Новоспасскому монастырю было отдано на оброк огромное пространство по течению Волги, *«от Каниной Тубы до Терсинской косы по обе стороны Волги с пески с затоны и с ерики и с займищи и с зимними промыслы по старым рубежам да и в полную воду в заливах»*. Эту грамоту от 26 декабря 1631 г. привез из Москвы саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову 17 февраля 1632 г. служба Новоспасского монастыря Перфилью Мелентьев¹⁶.

Не прошло и четырех лет, как Новоспасский монастырь стал просить об отводе ему вместо Иргизских вод других угодий, находящихся вниз по течению Волги ближе к Саратову, а именно Курдюмских и Чирлатовских вод. Этими делами пришлось заниматься в 1635 г. воеводе Саратова Григорию Ивановичу Феофилаьеву. В документе приведены границы этих новых вод: *«Сверху Чардымского острова с нижней изголови на низ по Волге реке по Гусельский нижний затон по Саратовский остров по верхнюю изголовь, по обе стороны Волги реки с пески и с озеры и с приверхи, со вселетню стрежневою рыбою»*. В результате челобитной архимандрита Иосифа Новоспасский монастырь вместо иргизских ловель сумел получить

эти саратовские подгородные Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли. Ранее эти ловли находились на оброке за нижегородскими посадскими людьми «за *Богдашком Кокшаровским да за Ивашком Охтинным с товарищи*». Прежние откупщики **Богдан Кокшаровский** и **Иван Охтин** платили оброк за эти Курдюмские и Чирлатовские ловли 40 рублей, и они приносили казне доход в два раза больше, чем Иргизские воды. Для Новоспасского монастыря правительство пошло на уступки, угодья были сданы монастырю на льготных условиях. Размер оброка остался прежним, таким, какой монастырь платил за Иргизские воды – 20 рублей.¹⁷

Новоспасский монастырь постепенно стал захватывать все прибыльные рыбные ловли и имел значительные привилегии, даже размер оброка ему установили половинный (20 рублей вместо 40 рублей). Одновременно с передачей Новоспасскому монастырю Курдюмских и Чирлатовских вод в марте 1635 г. воеводе Саратова Г. И. Феофилатьеву поступило указание из Москвы отписать на государя Иргизские воды, которые ранее были пожалованы на оброк этому монастырю.

На такие угодья обычно назначались торги. Они часто переходили из рук в руки, от одного подрядчика к другому. Приказ Казанского дворца потребовал от воеводы Г. И. Феофилатьева, чтобы он прислал ведомости обо всех рыболовных угодьях, которые могут быть сданы в оброк «*от Саратова в верх по Волге по Колтов остров на низ с того же острова по Строительные воды или в том урочище и за иными за кем на оброке*». В ведомостях требовалось указать сведения о том, какие ловли, откупа «за кем имяны», сколько «*с тех с рыбных ловлей и с иных откупов нашего годового оброку*». Воевода Феофилатьев представил все эти сведения в Москву, за что получил похвалу. Дьяки писали: «*И нам по той твоей отписке и по росписи про то все ведомо*».

Воеводе Г. И. Феофилатьеву было дано указание – впредь сдавать рыбные угодья на наиболее выгодных для казны условиях. Некоторые угодья сдавались только для ловли частичковой рыбы, и только на летнее время. Наряду с этими были ловли совсем иного рода в Чирлатовских и Курдюмских водах. По-видимому, такие ловли были более ценными, за них взимался более высокий оброк. Это «*вселетние стрежневые, связочные и зимние*». Воевода должен был добиваться наиболее выгодных откупных сделок на эти дворцовые рыбные ловли. Приказ Казанского дворца устанавливал разные суммы оброка и откупов за угодья различного достоинства, чтобы откупщик мог получить разрешение на ловлю частичковой или красной рыбы. Цены могли меняться в зависимости от периода лова или от способа лова. Период лова мог быть летний «*с полой воды до Семеня дни летопроводца*», т. е до 1 сентября, или зимний. Откупные деньги воевода должен был собирать по-прежнему в Государеву казну в Саратове.

По указанию из приказа Казанского дворца воевода Г. И. Феофилаьев отдал эти иргизские ловли откупщику нижегородцу **Матвеем Козлову**. Об этом мы узнаем из другого документа. Не прошло и года, как монастырская братия выяснила, что новые Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли не прибыльны, так как монастырю была дана на них *«одна летняя ловля, а осенней рыбной ловли и зимнего промыслу не дано»*. На следующий год, 22 марта 1636 г., воеводе Г. И. Феофилаьеву была отправлена новая грамота из приказа Казанского дворца о передаче Новоспасскому монастырю старых Иргизских ловлей. Теперь монастырь мог владеть ими круглый год, начиная с 26 декабря 1636 г., *«как откупной срок Нижегородцу Матюшке Козлову дойдет»*. Что касается Курдюмских и Чирлатовских вод, то воеводе Григорию Феофилаьеву было приказано отдать их на откуп с прибылью, *«для чего на Саратове на торгу кликати бирючу по многие торговые дни»*. Сдавать ^{эти ловли предписывалось только} тем людям, кто будет давать ^{с «наддачею»}, т.е. по наиболее высокой по сравнению с прежней цене¹⁸.

Таким образом, лучшие саратовские рыболовные угодья не пустовали, переходя от одного предпринимателя-промышленника к другому. Новоспасский монастырь при этом имел преимущества – ему предоставлялось право выбора, он мог выбирать любые угодья и, конечно, выбирал самые доходные.

В течение всего XVII в. рыбные ловли Саратовские, Курдюмские, Чирлатовские, а также Иргизские урочища, угодья у Колтова острова, Гусельский затон, места от Чардымского острова по Саратовский остров от имени казны ежегодно сдавались воеводами на оброк разным людям. Среди таких оброчных людей были и местные жители, и иногородние промышленники (их называли «верховых городов приезжие люди»). В первое время (1620 – 1630-е гг.) среди иногородних предпринимателей мы видим нижегородских посадских людей. Это Б. Кокшаровский, И. Охтин, М. Козлов, а также богатый крестьянин из села Восмы Артемий Олимпиев и Захар Поздеев.

С 1650-х гг. наибольшую активность в приобретении рыбных угодий в окрестностях Саратова среди иногородних предпринимателей проявляли промышленники из Кадашевской слободы, Гороховца, а также купцы гостиной и суконной сотен. Рыбные угодья в окрестностях Саратова также сдавались «откупщикам всяких чинов людям Саратовским», «саратовским жильцам», но в значительно меньших объемах. Жители Саратова по размеру своего капитала в первые десятилетия существования левобережного Саратова не могли конкурировать с иногородними предпринимателями, хотя рыбным промыслом были заняты многие саратовцы.

Окладная роспись пятины 1634 г. показывает, что из 32 посадских людей рыбным промыслом и рыбной ловлей были заняты 12 человек. Это были не очень богатые люди, их суммарный капитал оценивался всего в 136,5 руб. (в среднем – по 11 рублей на человека). Среди занятых в рыбном

промысле самыми богатыми были четыре человека. Это окладчик Степан Трофимов (25 руб.), Оська Кривоносов (25 руб.), Митька Родионов (20 руб.), Мишка Кисельников (17 руб.). Остальные 8 человек имели капитал в 4–8 рублей. Размер капитала даже самых богатых из посадских людей, занятых рыбным промыслом, не позволял им брать на откуп большие дорогостоящие рыбные ловли.

Для сравнения – лавочным промыслом в Саратове занимались 17 человек, размер их живота оценивался в 381 рубль (в среднем – по 22 рубля на человека). Таким образом, «лавочники» были намного богаче «рыбаков». Самый богатый из них имел капитал в 60 рублей (Ивашка Филиппев). Еще девять саратовских торговцев, занятых лавочным промыслом, имели капитал в 15–50 рублей. Это Сенька Овсянников (50 руб.), окладчик Олферко Степанов (45 руб.), Ивашка Олгина (35 руб.), окладчик Ивашко Ульянов (26 руб.), окладчик Петрунка Горшков (25 руб.), целовальник Микитка Терентьев (25 руб.), Полунка Семенов (21 руб.), Микитка Родионов (16 руб.), окладчик Томилко Ондреев (15 руб.). Остальные семь человек, занятых торговлей, были маломощными, их капитал оценивался в 5–10 рублей.

Что касается бедных соседей и подсоседников, не имеющих своего угла, ютившихся в чужих домах, то их было в это время 51 человек, большинство занималось рыбным промыслом и рыбной ловлей (39 человек). Однако общий размер имущества этих рыбаков составлял всего лишь 61 рубль (в среднем – менее 2 рублей на человека). Самый богатый из них имел капитал в 5 рублей, а остальные и того меньше (по 1–3 рубля)¹⁹.

Всего же из 83 человек, составлявших неслужилое население Саратова, рыбным промыслом и рыбной ловлей занималось 51 человек, или 60 %. Все они были мелкими промысленниками.

В рыболовстве были заинтересованы не только посадские люди, но и служилые, которых было в несколько раз больше, чем посадских. Духовенство, получавшее ругу, также было заинтересовано в рыболовстве. В городе, где рыба составляла существенную часть пищевого рациона населения (хлеб привозной, мяса мало), число местных жителей, занятых рыболовством, было весьма значительным.

Однако заплатить годовой откуп в размере 40 рублей, как это сделали в свое время откупщики из Нижнего Новгорода, арендовавшие обширные угодья, саратовцы были не в состоянии, ведь все имущество даже самых богатых из людей, занятых рыбным промыслом, оценивалось всего в 25 рублей. Мелкие саратовские промышленники, такие, как Степан Трофимов, Оська Кривоносов, Митька Родионов, Мишка Кисельников и др. могли лишь переснимать небольшие участки у крупных иногородних арендаторов.

Сбор пошлин за добываемую и отправляемую в Москву рыбу и соль составлял один из важнейших источников доходов царской казны в Нижнем Поволжье. Правительство взыскивало пошлины со всех

рыбопромышленников и соледобытчиков. Пошлины не платили только монастыри, освобожденные от этой обязанности специальными грамотами.

Саратов стал для Новоспасского монастыря базой: здесь находились монастырские амбары, склады, постоянная контора монастыря для управления Волжскими и Иргизскими рыбными ловлями. От имени монастыря сделки на оброк совершали специально посланные для этого старцы или служки, одним из которых был упоминавшийся ранее Перфирий Мелентьев.

В Саратове еще в 1620-х годах находились дворовые места, амбары и склады крупнейшего ярославского гостя Надеи Светешникова. Возможно, что о них писал в свое время Федот Котов. Предприниматель Надея Светешников занимался наряду с другими торговыми и промышленными операциями завозом хлеба из центральных районов страны в Астрахань. Стрельцы и посадские люди Саратова также покупали этот хлеб (хлебного жалования служилым людям не хватало). Свою торговлю хлебом с Астраханью Н. Светешников осуществлял и в 1630-е, и в 1640-е годы, даже тогда, когда основное внимание этого гостя было обращено на Самарскую Луку, где он создал промыслово-земледельческий и военный комплекс Надеинское Усолье²⁰.

В Дополнениях к Дворцовым разрядам приведены сведения о предпринимательской деятельности Н. Светешникова в 1620-е годы, связанной с доставкой икры из Астрахани в Архангельск. Получив для покупки икры в Астрахани 24 тыс. рублей и закупив эту икру, он сам привозил ее в Архангельск и продавал иностранцам, учинив государству прибыль в 28 тыс. рублей. В 1624 г. ему было дано право и впредь торговать икрой с иностранцами еще на 6 лет, вплоть до 1630 г.²¹

Современный исследователь Э.Л. Дубман подробно остановился на возобновлении рыбного промысла на Нижней Волге монастырями в последние годы Смуты после освобождения Астрахани от атамана Заруцкого и в первые десятилетия мирного времени царствования Михаила Федоровича.

Дворцовые казенные рыбные промыслы были предметом особых забот правительства. В XVII в. они превратились в важнейшую доходную отрасль хозяйственной деятельности Московского правительства. Дворцовые ловли, как правило, отдавались на откуп крупным предпринимателям. Эти откупщики ловили рыбу для царского двора, для Казны и для себя. Казна строго соблюдала свои интересы. Известны откупщики рыбных ловель в районе Саратова крестьянин села Восмы Олимпиев, нижегородцы Матвей Козлов, Богдан Кокшаровский, Иван Охтин и др.

В 7129 г. (1620/1621 г.) воевода Казани князь Б. М. Лыков писал в Москву, что многие рыбные ловцы вместо того, чтобы брать на оброк дворцовые рыбные ловли в районе Казани, стремятся снять на оброк ловли в

районе Саратова: «...льготя себе, оброчатся на Самаре, и на Саратове, и у Казанского митрополита и у Казанского и у свияжского монастырей»²².

По-видимому, низовья Волги в районе Саратова привлекали рыбных ловцов не только обилием рыбы, но более льготными условиями при сдаче вод. В Царской ответной грамоте тогда же в 1621 г. в Казань почти дословно повторялся текст донесения боярина Б. М. Лыкова. В этой царской грамоте говорилось о дворцовых рыбных ловцах, которые вместо ловли рыбы в дворцовых водах возле Казани уходят ловить рыбу в другие места, в том числе – принадлежащие Казанскому митрополиту и монастырям, а также констатируется факт ухода ловцов на Нижнюю Волгу: «...льготя себе, оброчатся на Самаре, и на Саратове». Однако царское указание воеводе Б. М. Лыкову касалось только рыбных угодий, принадлежавших Казанскому митрополиту и монастырям: «... тем рыбным ловцам у Митрополита и у монастырей впредь оброчиться не велено», а велено оброчиться только на дворцовых рыбных ловлях²³.

При этом в царской ответной грамоте воеводе Б. М. Лыкову от 1621 г. ничего не говорится о запретительных мерах против рыбных ловцов, ушедших ловить рыбу на Низ – к Самаре, Саратову и Царицыну. По-видимому, эти ловли также принадлежали дворцовому ведомству, которое сдавало их на оброк разным предпринимателям.

В. А. Осипов, по нашему мнению, не совсем верно понял содержание данной царской грамоты и отнес все события, отмеченные в ней, к 1624 г., а также указал неверную сноску. В новой царской грамоте от 8 мая 1624 г. приводится содержание цитированной выше царской грамоты 1621 г. и дается разрешение причту Казанского Благовещенского собора сдавать на оброк принадлежавшие им рыбные ловли в районе Тетюшей. В. А. Осипов писал: «В 1624 г. было замечено, что с царских ловель под Казанью оброчные рыбные ловцы стали уходить под Самару и Саратов, где добыча рыбы была и обильнее и ценнее. Доходы дворцовых промыслов с уходом части ловцов стали уменьшаться. Особым указом было запрещено ловцам уходить из-под Казани в низовья. Ловцов обятали брать на оброк рыбные ловли именно под Казанью, а не под Саратовом и Самарой»²⁴.

О двух таких предпринимателях, которые брали на оброк рыбные ловли в районе Саратова, мы имеем сведения в источниках, начиная с 1621/1622 г. Это крестьянин села **Восмы Ортюшка Олимпиев и Захарка Поздеев**. А. А. Герасимов ввел в научный оборот две грамоты, обнаруженные им в Книгах Печатного приказа. Эти грамоты (от 24 ноября 1621 г. и 10 февраля 1622 г.) были адресованы саратовскому воеводе князю Е. Ф. Мышецкому.

Приведем содержание первой из них: «Ноября в 24 де (1621 г.) запечатана Грамота по челобитью боярина князя Ивана Борисовича Черкасского села Восмы крестьянина Ортюшки Олимпеева дано ему на Саратове на 130-й год Иргизские воды рыбные ловли на оброк, а оброку

старого 33 рубли 5 алтын да наддачи и с пошлинами 35 алтын. А всего старого откупу и с новою наддачею и с пошлинами 34 рубли 6 алтын 4 ленег. Пошлин подли... и печатных рубль девять алтын три денги»²⁵.

Таким образом, цены на оброк рыбных ловель растут, но это не смущает Ортюшку Олимпиева, который, видимо, был богатым крестьянином. Ортюшка Олимпиев принадлежал боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому, одному из ближних людей в окружении царя Михаила Романова. Село Восма было вотчиной князя Черкасского.

Во второй грамоте написано следующее: *«Февраля в 10 день запечатаны грамоты ... На Саратов Захарка Поздеева велено ему дать Саратовские Чирлатовские воды на 130-й год, а откупу старого двенадцат рублев двенадцат алтын, наддачи рубль, пошлин десять денег – всего тринадцат рублев тринадцат алтын четыре денги, пошлин по полуосме денге с рубля; итого шеснатцат алтын полпяты денги»²⁶.*

Кто такой Захар Поздеев, в грамоте не указано. Цена данного ему откупа была значительно меньше, хотя эта цена резко возросла, по сравнению с ценой на иргизские воды. Следует учесть, что данная грамота была отправлена намного позже первой. Пока воевода получил эту грамоту и дал разрешение на ловлю рыбы, прошло немало времени, на календаре была уже весна 1622 г. и до конца 130-го года оставалось мало времени (до 1 сентября 1622 г.).

Иргизские рыбные ловли и Чирлатовские воды были дворцовыми угодьями. Сведения о старом оброке в 33 рубля 50 алтын и старом откупе в 12 рублей 12 алтын свидетельствуют о том, что эти Иргизские и Чирлатовские воды сдавались на оброк не впервые. Эти два документа указывают, что в Саратове, как и в Астрахани, рыбные ловли издавна служили источником казенного дохода и находились в эксплуатации промышленников. Из этих документов можно выяснить порядок сдачи рыбных ловель. Они сдавались с торгов и оставались за тем человеком, который предложит наивысшую цену²⁷.

Первые сведения о левобережном Саратове, о месте расположения торговых рядов и рыбных лавок, многие из которых, по-видимому, принадлежали предпринимателям Ортюшке Олимпиеву и Захарке Поздееву, а также первое упоминание названия реки Саратовки содержатся в сочинении Федота Котова. Это отчет купца, который в 1623 г. был послан с товарами из государственной казны в Персию. Здесь прямо говорится, что вся жизнь в Саратове сосредоточена на луговой стороне: *«А на Саратове город стоит на луговой стороне, стоячей острог и башни рубленные круглые, дворы и ряды в городе, а за городом стрелецкие дворы и рыбные лавки и анбары, где кладут с судов припасы. А стоит (город) над Волгой на ровном месте, а по нижнюю сторону речка Саратовка вышла из степи, а около пошла степь во все стороны»²⁸.*

Патриаршее ведомство также интересовалось угодами в районе Саратова. У представителей патриарха были собственные суда (насады). Два таких патриарших насада встретились Адаму Олеарию в 1636 г. возле Саратова.

Таким образом, рыбные ловли в окрестностях Саратова к середине XVII в. поступали в пожалование, сдавались на оброк (промышленникам и монастырям) и частично становились дворцовыми. Здесь имелись крупные казенные, монастырские, купеческие и множество мелких рыбных промыслов, которые держали жители Саратова. Отсюда в центральную Россию шли водными путями десятки и сотни тысяч пудов добытой на Волге красной рыбы, икры и других рыбных товаров.

В Саратове постоянно находились огромные запасы рыбы, икры и привозной соли (соль на озере Эльтон в это время еще не добывали, источники об этом ничего не сообщают). В Саратове имели свои конторы, склады и дворы казна, монастыри и крупные предприниматели того времени (Н. Светешников и др.).

Большинство приведенных сведений относится к пришлым откупщикам рыбных промыслов. Поэтому может сложиться впечатление, что население Саратова не было особенно заинтересовано в рыбных промыслах. Однако это было далеко не так. Действительно, сохранилось очень мало прямых свидетельств о сдаче рыбных вод саратовцам. Это можно объяснить следующими причинами. Во-первых, саратовцы имели дело с местными воеводами, делопроизводство которых до нас не дошло. Во-вторых, крупные иногородние предприниматели арендовали сразу обширные уголья, оброк которых был непосилен для мелких саратовских промышленников. Саратовцы могли лишь переснимать небольшие участки у крупных арендаторов, и такая незначительная частная документация (если она имела место) не могла сохраниться.

В данном очерке ничего не сказано о торговле жителей Саратова с кочевниками, которые пригоняли в Саратов огромные табуны лошадей. Так называемая Ордабазарная дорога в XVII в. шла из Астрахани через Царицын в основном на Тамбов и Шацк. По этому пути каждое лето доставлялись в Москву покупаемые в Астрахани для царя и армии степные лошади под сильной охраной (до 400 человек).

Подробно данный маршрут расписан в отписке царю астраханских воевод в июле 1654 г., когда из Астрахани в Москву пригнали 1919 лошадей. Их сопровождали 200 конных стрельцов (сотники Тимофей Струков и Овдоким Листовский) и 150 едисанских татар во главе с едисанским Уразлы мурзой Кутумовым, а также 184 татар ордобазарцев. Ответственными за доставку лошадей были астраханцы Афанасий Васильевич Енин и Иван Исаков меньшей. Им предписывалось, *«Афанасью с товарищи ехать в ордабазарной станице, степью, по Крымской стороне на Царицын, а с Царицына на Украину на Тамбов да на Шатцкой, тою дорогою, куды наперед*

сего ордобазарные станицы хаживали, или как пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям».

Прибыв в Царицын, сотник Тимофей Струков должен был взять у местного воеводы Алексея Львова дополнительно *«сколько человек пригоже Царицынских конных стрельцов»* Далее наказ относительно маршрута Тимофею Струкову почти дословно повторяет наказ Афанасию Енину: *«... с Царицына идти им с ордобазарною станицею на украину до первых леревень и куды прежние станицы хаживали, или как пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям».*

Самый короткий путь из Царицына на Тамбов и на Шацк проходил мимо Саратова. Однако у данной дороги были ответвления из Царицына в сторону Саратова. Такой вариант предусматривался в случае опасности набега крымских татар, азовцев и кубанцев: *«А будет на Царицыне почаяют где Крымских или Калмыцких и иных каких воинских людей и за теми воинскими людьми с Царицына на Тамбов идти им будет опасно, и им с Царицына, смотря по вестям, идти на Саратов, потому-ж, с великим береженьем, а розни б у них с станичники ни в чем не было; и идти им степью и на станех ставиться с великим береженьем, и стрельцов и Татар, которые будут с ними около конских табунов для береженья, посылати в розъезд почасту и самим розъезжати в день и в ночь, и на станех стрельцом и Татаром на караулах велети стояти бережно и усторожливо и во всем береженье держать великое, чтоб на них и на ордабазарцов,, в дороге и на станех Казыевские или Крымские и Едисанские и Енбулуцкие и Калмыцкие люди, и воры казаки, или иные какие воинские люди безвестно не пришли и ордабазарных Татар и лошадей не погромили и никакого дурна не учинили».* Обычно с такими табунами ехали из Астрахани в Москву также *«Астараханские всякие люди, и Бухарцы, и Индейцы или Армяня торговые люди с товары и с лошадми»²⁹*. Впервые данный источник опубликовал Ф. Ф. Чекалин, правда, в слишком вольном переводе, несмотря на кавычки, предполагающие дословное цитирование текста³⁰.

Про один из таких табунов, отправленных из Астрахани в Москву 5 сентября 1638 г., рассказывал Адам Олеарий: *«5-го сентября станица или караван русских и татар (общество из 200 человек) отправилось отсюда (из Астрахани. – Я. Р.) сушею в Москву; сюда присоединился и Андрей Рейснер с некоторыми из своих и наших людей и лошадьми послов».* Прибыв в Саратов 6 октября 1638 г. Олеарий узнал о судьбе этого каравана, в составе которого находилось возвращавшееся из Персии голштинское посольство. Караван направился из Царицына в Москву не напрямую, а вдоль Волги через Саратов. Мы знаем, что в это время участились набеги крымцев, только что построенные крепости Тамбов и Козлов постоянно отражали набеги татар, поэтому в целях безопасности был выбран именно этот путь. Однако в этот раз опасность угрожала не от кочевников, а от воровских казаков, которые хитростью сумели захватить многих лошадей. Казаки не решились открыто

напасть на караван, но «с несколькими кобылицами с большими криками проехали мимо и вследствие этого много аргамаков (так русские зовут персидских лошадей), плохо охранявшихся, они увлекли за собою из станицы и увели их»³¹. Это произошло недалеко от Саратова в сентябре 1638 г.

В рассматриваемый период торговлю лошадьми вели ногайские татары. Центром этой торговли была Астрахань. Саратов, чаще всего, оставался в стороне от неё. Однако уже с середины XVII в., когда место ногайцев в Заволжье заняли калмыки, во времена сначала кратковременных, а затем все более длительных мирных отношений этих кочевников с русскими людьми, центр торговли лошадьми постепенно переместился из Астрахани в сторону Саратова. Но это мы наблюдаем уже в третьей четверти XVII в. Сведений о торговых связях саратовцев с калмыками в рассматриваемый в настоящей статье период не обнаружено. В источниках говорится исключительно о враждебных действиях калмыков против саратовцев. Впервые о кочевании враждебных калмыков в непосредственной близости от Саратова («отсюда») мы узнаем из сочинения Адама Олеария, который 1 сентября 1636 г., проплывая мимо Саратова, отмечал, что саратовский гарнизон из стрельцов предназначен для защиты края от калмыков, «они живут отсюда вплоть до Каспийского моря и реки Яика и довольно часто предпринимают набеги вверх по Волге». Ценное замечание А. А. Гераклитова о том, что несколько лет спустя после Олеария «под Саратовом же воевода Плещеев встретился с главными силами калмыков, можно думать, что в то время центром их кочевок и были именно окрестности Саратова»³².

К сожалению, автор не указал источник, откуда он почерпнул эти сведения. Из его слов остаётся неясным, когда именно происходили эти события, что это был за воевода Плещеев, каковы были его цели и задачи, каков был характер его встречи с калмыками (мирные переговоры или кровопролитный бой), а — в случае боевого столкновения — кто одержал в нём победу.

Подводя общий итог, отметим, что рассмотренные материалы дают основание для вывода о том, что уже к середине XVII в. Саратов начинает превращаться в один из крупнейших рыбопромышленных центров на Нижней Волге. Сюда стекались рыбопромышленники для участия в торгах на рыбные угодья, сдаваемые в оброк. С каждым годом в Саратов прибывало все больше рабочих людей, нанимавшихся на промыслы, суда и т.д. Все это способствовало оживлению хозяйственной жизни Саратова. Но более глубокие, качественные изменения в этом направлении пришлось на третью четверть XVII в., когда начал функционировать прямой сухопутный путь из Саратова в Москву, что поставило вопрос о необходимости переноса города на правый берег Волги.

Примечания

- ¹ *Гераклитов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.
- ² *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 41–59. См. также: *Осипов В. А.* Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. Здесь нет ничего нового по данному вопросу, хотя этот труд написан через 17 лет после выхода первой книги В. А. Осипова.
- ³ *Гераклитов А. А.* К истории волжского транспорта в конце XVII века // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения «ИСТАРХЭТ» (бывшего Саратовского общества истории, археологии и этнографии). Вып. 34, ч. 2. Саратов, 1924. С. 11–25. Эта статья относится уже к современному, а не к левобережному Саратову.
- ⁴ *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1892 (далее – *Голомбиевский А. А.* Материалы...); *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки: ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892.
- ⁵ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 244–245.
- ⁶ *Карамзин Н. М.* История Государства российского: в 12 т. Т. 8, гл. 5. Калуга: Золотая аллея, 1993. С. 529.
- ⁷ *Гераклитов А. А.* История Саратовского края.... С. 235.
- ⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 385.
- ⁹ Царский наказ астраханским воеводам князю Сицкому и Пушкину. 1591 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1, № 230. С. 436–446.
- ¹⁰ Льготная грамота царя Федора Ивановича Троице-Сергиеву монастырю. 1588, марта 15 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академией наук (далее – ААЭ): в 3 т. СПб.: Тип. 2-го отделения Собственной е.и.в. канцелярии, 1836. Т. 1. С. 336, 405.
- ¹¹ *Голомбоевский А. А.* Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции (далее – *Голомбоевский А. А.* Грамоты по Саратову...): грамота по Самарскому уезду. 1616, марта 7 // Труды СУАК. Т. 1, вып. 4. С. 454. (в книге В. А. Осипова напечатано «Т. 1, вып. 1»).
- ¹² Царская грамота Троицкому Сергиеву монастырю о безошлинной рыбной ловле ниже Казани, Тетюш, Самары и Саратова. 1616, марта 4 / сообщил иеромонах Арсений // Труды СУАК. Т. 4, вып. 2. С. 60–61.
- ¹³ *Перетяткович Г. Н.* Поволжье в XVII–XVIII веках. Одесса, 1883. Т. 2. С. 239.
- ¹⁴ Наказная память стрелецкому голове Гордею Пальчикову, отправленному для построения на устье Усы реки острожка и наблюдения за мятежниками. 1614, апреля 15 // АИ. СПб., 1841. Т. 3. № 252. С. 419–420.

¹⁵ Отписка Астраханских воевод князя Одоевского и Головина Самарским воеводам князьям Туренину и Белосельскому о разбитии Волжских казаков на Яике и намерении последних идти для грабежа на Волгу. 1630, августа 30 // АИ. Т. 3, № 42. С. 38–39.

¹⁶ *Голомбоевский А. А.* Грамоты по Саратову...: Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьею рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. № 1. С. 439–441.

¹⁷ См.: *Голомбоевский А. А.* Грамоты по Саратову...: Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Григорию Ивановичу Феофиладельеву об отдаче на оброк Новоспасскому монастырю (архим. Иосифу) саратовских подгородних Курдюмских и Чирлатовских рыбных ловель, вместо Иргизских, которые велено отписать на государя. Москва. 1635 г., марта 12 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. № 2. С. 441–445.

¹⁸ *Голомбоевский А. А.* Грамоты по Саратову...: Грамота их Приказа Казанского дворца к воеводе Феофиладельеву об отдаче Новоспасскому монастырю вместо Курдюмских и Чирлатовских вод ... по-прежнему Иргизских вод. 1636, марта 22 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. № 3. С. 445–446.

¹⁹ *Смирнов П. П.* Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Вып. 33. 1916. Саратов, 1916. С. 1–13.

²⁰ См.: *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Поволжья в конце XVI–XVII вв. Самара, 1999. С. 184–192.

²¹ Дополнения к Дворцовым разрядам по поручению графа Дмитрия Николаевича Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших дворцовых приказов архива Оружейной палаты Иваном Забелиным. М., 1882. Стб. 397.

²² Царская грамота в Казань воеводам Семену Васильевичу Головину и Перфирию Ивановичу Секирину и дьякам Потапу Внукову и Василию Частово о разрешении притчу Казанского Благовещенского собора отдавать на оброк принадлежащие им рыбные ловли на Волге. 1624, мая 8 // РИБ. Пг., 1917. Т. 35: Архив П. М. Строева. № 337. Стб. 637–638. Впервые данный документ был опубликован еще в 1836 г. См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 3, № 153. С. 219–220.

²³ РИБ. Пг., 1917. Т. 35, № 337. Стб. 637–638.

²⁴ *Осипов В. А.* Очерки по истории Саратовского края... С. 40. В. А. Осипов делает ссылку на «АИ. Т. 3. № 235». Данный документ – это челобитная одного немецкого доктора о выдаче денег в 1644 г., не имеющий никакого отношения к нашей теме.

²⁵ *Герасимов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья: столбцы Московского архива Министерства Юстиции (далее – *Герасимов А. А.* Материалы...) // Труды СУАК. Вып. 29. 1912. № 2. С. 63.

²⁶ *Герасимов А. А.* Материалы... // Труды СУАК. Вып. 29. № 3. С. 63.

²⁷ *Герасимов А. А.* История Саратовского края... С. 217.

²⁸ Хождение купца Федота Котова в Персию / публ. Н. А. Кузнецовой; отв. ред. А. А. Кузнецов. М., 1958. С. 29.

²⁹ Отписка царю астраханских воевод князей Пронского и Волконского, об отправлении в Москву ордабазарной станицы, и воеводские наказы стрелецким

сотникам Струкову и Листовскому и станичникам, о сопровождении оной. 1654, июля 5 // АИ. Т. 4. № 82. С. 210–219.

³⁰ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII века. Саратов, 1892. С. 67.

³¹ Олеарий А. Описание путешествия... С. 525, 528.

³² Гераклитов А. А. История Саратовского края... С. 242; Олеарий А. Описание путешествия... С. 386.

Идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов первой половины XIX века

Статья посвящена анализу представлений деятелей чешской радикальной мысли первой половины XIX века об интеграции славянских народов, а также о путях решения так называемого национального вопроса в политической программе чешских патриотов.

Ключевые слова: славянская интеграция, чешская общественно-политическая мысль.

Ideas of Slavic integration in the views of Czech radicals of the first half of the XIX century

Abstract: The article examines the ideas of Slavic integration the Czech radicals in the 1 half of the XIX century as well as the analysis of the national question in the political program of the Czech national patriots.

Keywords: Slavic integration, Czech socio-political thought

Современные тенденции глобализации и интеграции во многом связаны с реализацией попыток преодолеть трудности в международном сотрудничестве. В непростых условиях наших дней представляется возможным по-новому взглянуть на идеи взаимодействия славянских народов и идеи славянской интеграции, высказывавшиеся в первой половине XIX века.

Возникновение идей славянской взаимности традиционно относят к XVIII – началу XIX вв.¹ Теории славянского сотрудничества развивались преимущественно как представления об этническом единстве славянских народов, культурной интеграции и сближению славян в области науки. Вместе с тем, проблема политического взаимодействия славян заставила критически осмыслить некоторые аспекты отношений между этими народами представителями радикального направления чешской общественно-политической мысли первой половины XIX в.

Идеи политической интеграции и взаимодействия чаще всего подвергались критике со стороны большей части чешского общества и служили почвой для обвинений в распространении так называемого

«панславизма». Вероятно, по этой причине сторонники политического объединения славянских народов были в Чехии крайне малочисленны.

Политический панславизм, как концепция политического объединения славян, был явлением неоднородным. По справедливому замечанию А.А. Григорьевой, он представлял собой «сложный и противоречивый синтез геополитических идей, которые эволюционировали в историческом времени и имели оригинальные авторские интерпретации»². Одни считали термин «панславизм» синонимичным понятию «интеграция славян», другие полагали, что он — всего лишь одна из его составляющих. Наиболее распространенным было толкование панславизма как политического объединения славян под предводительством России, с целью расширения ее границ.

Большинство исследователей идеи панславизма указывают на словацкое происхождение термина: впервые концепция славянской общности и программа духовного единения славянских народов появилась в трактате Я. Коллара «О литературной взаимности»³. В это же время большое распространение получила идея создания общеславянского литературного языка. Как и пангерманизм, панславизм основывался на идеях укрепления национального самосознания народа, и изначально получил распространение в форме романтического движения в области филологии, истории и лингвистики благодаря чешским и словацким ученым и деятелям культуры. В условиях германизации культурный и литературный панславизм стал импульсом к возрождению национальных культур малых народов, искавших в общеславянских концепциях источник поддержки и защиты со стороны России. Война с наполеоновской Францией 1812 г., заграничный поход русской армии, в том числе по западно-славянским землям, способствовал формированию имиджа России как освободительницы от тирании в глазах славянских народов Габсбургской империи. Другим объединительным мотивом стала идея создания униатской кирилло-мефодиевской церкви по греко-римскому образцу, которая должна была объединить православных и католиков и преодолеть религиозную разобщенность.

В 1826 г. словак Ян Геркель ввел в оборот термин «панславизм», под которым понималось славянское единство и культурная общность. В исторической литературе это понятие получило название «культурный панславизм». «Языковой» и «культурный» романтический период развития идей всеславяинства предшествовал политическому панславизму. В панславянских симпатия чешских патриотов рубежным стал 1830 год. Разгром польского восстания в землях, входивших в состав Российской империи, серьезно поколебал чешское русофильство и нанес удар по позитивной оценке монархической формы правления в России, однако не заставил отступить чешских общественных деятелей от идей славянской солидарности и интеграции. Их панславянские представления подверглись пересмотру. Если до 1830 г. царофильский вариант панславизма

рассматривался некоторыми представителями чешской общественно-политической мысли как возможность объединения славян под скипетром русского царя, то в 30-е — 40-е гг. XIX в. большая часть чешского общества, лояльная Вене и австрийскому правительству, перешла на позиции австрославизма. Панславизм приобрел негативную трактовку как гегемония русского царя в славянском мире. И хотя чешские патриоты стремились отмежеваться от панславизма и русофильства, эти направления оказывали сильное влияние на их взгляды о «славянском братстве, общеславянском сознании и будущем славянского объединения»⁴ [8].

Представления чешских патриотов о славянской политической интеграции позволяют проанализировать документы из личного фонда Ф.Л. Ригера, находящегося в Архиве Национального музея в Праге, в том числе переписка с участниками венского студенческого кружка — Фр.К. Кампеликом, Й. Подлипским, К. Шнайдером и др., с которыми Ф. Ригер был близок в 30-е — 40-е гг. XIX в.⁵ Лидером одного из таких кружков, объединившим чешских студентов, был чешский экономист Франтишек Кирилл Кампелик. В состав кружка входили Й. Подлипский, студенты-правоведы Фр. Отт и Фр. Велц, К. Шнайдер, Йоз.Машин и служащий венской библиотеки Ян Вушин. Они регулярно участвовали в политических дискуссиях относительно славянской идеи. Фр. Отт обосновывал необходимость создания независимого государства чехов. Фр. К. Кампелик, известный своими симпатиями к Польше, напротив, высказывался за создание единого славянского государства чехов, словаков и поляков. Панславянские симпатии венского кружка чешских студентов не выходили за рамки дебатов, и единой политической программы выработано не было. После ареста Ф.К. Кампелика большая часть чешских студентов покинула кружок.

В конце 30-х гг. Ф. Кампелик сблизился с радикальными польскими патриотами, в том числе князем Е. Любомирским, Г. Рирелли, студентами Малиновским и Сплавинским, состоявшими в тайной радикальной студенческой организации польских студентов. В 1839 г. возобновились студенческие сходы и политические дебаты у Ф. Кампелика, а также дискуссии о политическом устройстве панславянского государства. В публикации воспоминаний и корреспонденции Б. Райской (А. Челаковской), содержащих характеристику политических панславянских представлений Франтишека Кирилла Кампелика и его окружения, упоминается о разработке ими карты будущего политического устройства всеславянского государства⁶. В этот период Ф.К. Кампелик особенно увлекался американской историей, особенно политическим устройством Североамериканских штатов. В 1841 г. он создал карту федерации славянских республик по аналогии американских штатов. Не этой карте славянские земли были представлены в виде единого целого⁷. Большое значение кружок придавал славянским вопросам, в том числе сплочению поляков, чехов, словаков перед лицом германизации.

Панславизм понимался участниками кружка как политическая концепция гегемонии царской России в славянском мире. Такому варианту политического панславизма противопоставлялась идея создания славянской федерации.

Радикальное движение, в отличие от чешских либералов, добивавшихся реформ, отвергало возможность компромисса с венским правительством и чешской аристократией, обвиняя шляхту в стремлении ограничить чешские свободы в угоду австрийскому монарху. Основу программных установок радикалов было разрушение Австрийской монархии и создание независимых государств с республиканской формой правления или федерации республик. Эти идеи активно обсуждались в среде чешской студенческой молодежи в Праге и Вене. Вена в это время являлась не только культурным и политическим центром. Именно здесь устанавливались контакты между студентами различных национальностей, между будущими лидерами национальных движений, именно здесь организовывались кружки, в которых велись дебаты по политическим вопросам. Чешские патриоты и радикалы Э. Арнольд, К. Сабина, Й. Фрич разделяли идею создания федеративного государства по образцу североамериканских штатов. Радикальные демократы активно обсуждали вопросы, связанные со свержением монархии, отменой сословного строя. Именно в это время сформировались программные установки молодого поколения чешских демократов⁸.

В Чехии большой популярностью пользовались идеи радикального изменения общественно-политического строя, что неизменно вело к возникновению политических кружков и легальных и полуполигальных обществ. В начале 1830-х гг. правительством были пресечены попытки создания политических организаций для помощи польским эмигрантам и революционерам. Однако это не остановило чешских радикалов, внимательно следивших за революционными событиями в польских землях и оказывавшим помощь польским революционным обществам. Чешский либерал Я. Малый подробно описывал политические дебаты на сходках радикальных обществ, свидетелем разгрома которых он стал.

Молодое поколение представителей чешской радикальной мысли на практике поддерживало революционные движения в славянских землях. Под панславизмом они понимали его царофильский вариант, неприемлемый по причине монархического характера власти и разочарования в русофильстве после подавления польского восстания. Они отвергали также идею главенства Австрии в будущей славянской федерации, дискредитировавшую себя после подавления революции в 1848 — 1849 гг. в австрийских землях. Чешские радикалы отстаивали идею свержения монархической формы правления и установления федерации славянских республик, в которой все части обладали бы равными правами и возможностями.

Таким образом, революционные настроения в среде чешских радикалов стимулировали развитие идей демократических преобразований и получения возможно большей автономии для своего народа. Идеи политической интеграции, разделяемые довольно немногочисленными представителями этого направления, развивались параллельно основной политической линии, и сводились к поиску форм политического взаимодействия равноправных славянских народов.

Примечания

¹ *Григорьева А.А.* Немецко-чешские противоречия в Габсбургской империи в 40-е гг. XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18). Ч.2. С.62-64.

² Там же. С. 64.

³ *Grigorieva A.* Pan-Slavism in Central and Southeastern Europe // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 3. № 1. С. 13-21.

⁴ *Французова О.А.* Панславизм и идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов первой половины XIX века // Общество и цивилизация: Тенденции и перспективы развития в XXI веке / сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (29 января 2015 г. Воронеж). Воронеж. 2015. Т. 1. С. 11-18.

⁵ Archiv Národního muzea. Pozůstalost F. L. Riegera, Kampelík-Riegerovi, 27.IV.1860.

⁶ *Podlipska Z.* Z let probyzení. Paměti a correspondence Bohuslavy Rayské (Antonie Čelakovské). 1834-1844. Praha, 1972. D. I.

⁷ Literární archiv Památníku národního písemnictví (Praha). Pozůstalost Hanka. Podlipský-Hankovi, 25. XVII. 1839.

⁸ Французова О.А. Панславизм и идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов... С. 18.

Точка невозврата (Ян Гус и Бенито Муссолини)

В статье рассматривается любопытный эпизод в истории гуситологии — книга «Ян Гус, глашатай правды», написанная в 1911 г. будущим фашистским диктатором Италии Б. Муссолини. Автор выясняет обстоятельства написания работы, анализирует её содержание, определяет степень оригинальности оценочных суждений, даёт объяснение причин изъятия книги Муссолини о Гусе из библиотек Италии на рубеже 1920-х — 1930-х гг.

Ключевые слова: Ян Гус, Б. Муссолини, литература о гуситском движении.

The point of no return (Jan Hus and Benito Mussolini)

The article discusses a curious episode in the history of musicology — book "of Jan Hus, the Herald of truth", written in 1911, the future fascist dictator of Italy Benito Mussolini. The author clarifies the circumstances of writing the work, analyzes its content, determines the degree of originality of evaluation judgments, gives an explanation of the reasons for the withdrawal of the book Mussolini about Gus from the libraries of Italy at the turn of the 1920s — 1930s.

Keywords: Jan Hus, B. Mussolini, the literature of the Hussite movement.

В многовековой истории изучения наследия Яна Гуса своеобразное место занимает эпизод, когда в начале XX века имя великого чешского патриота и реформатора пересеклось с судьбой одного из самых одиозных исторических деятелей ушедшего столетия — будущего фашистского диктатора Бенито Муссолини.

Последний в это время ещё не являлся диктатором и даже не был фашистом, находясь в состоянии поисков собственного «я». Тогда, в мае 1913 г., в римском издательстве «Подрекка и Галантра» вышла очередная книга из серии «Мученики свободной мысли». В этой серии выходили биографии выдающихся людей, пострадавших от католической церкви: до мая 1913 г. в серии вышли книги об Арнольде Брешианском, Аонио Палеарио, Джордано Бруно, Галилео Галилее¹.

Очередная книга серии была посвящена чешскому реформатору Яну Гусу и вышла под заглавием «Ян Гус, глашатай правды» (итал. «Giovanni Huss il veridico»). Автором этой книги, ставшей вторым в Италии

специальным изданием о Яне Гусе² и был Бенито Муссолини — в то время левый политический журналист, недавно назначенный редактором социалистической газеты «Avanti!»³.

В зарубежной историографии последних десятилетий книга будущего фашистского диктатора неоднократно привлекала внимание исследователей. Павел Гелан, сотрудник кафедры церковной истории и исторической теологии гуситского теологического факультета Карлова университета, посвятил данному изданию ряд статей на чешском, итальянском и английском языках, а впоследствии и монографию «Duce a kacif»⁴. Сочинение Муссолини о Яне Гусе в той или иной степени также рассматривали исследователи биографии Бенито Муссолини и историки итальянского фашизма Р. де Феличи (результаты его трудов в значительной степени обобщены в работах П. Гелана и Ф. Таски⁵), К. Хибберт⁶ и Э.Д. Грегор⁷.

При подготовке данной работы автор изучил текст работы Муссолини в английском переводе 1939 г., вышедшем в Нью-Йорке в эмигрантском издательстве «Italian Book Company»⁸. При этом была проведена сверка с публикацией книги на языке оригинала в 33-м томе собрания сочинений Муссолини⁹.

В литературе высказывалось несколько предположений относительно того, как Муссолини пришёл к идее написать работу о Яне Гусе. Ренцо де Феличи считал, что замысел написать работу о Яне Гусе возник ещё в 1902 – 1904-х гг., во время его пребывания в Швейцарии, и полагал, что эту идею ему мог предложить сам Ярослав Гашек — выдающийся чешский писатель, автор всемирно известного романа о похождениях бравого солдата Швейка в годы Первой мировой войны. П. Гелан, однако, считает эту точку зрения бездоказательной¹⁰. И. де Беньяк, предполагал, что замысел книги о Гусе сложился у её автора в 1907 – 1908-х гг., по окончании службы в армии. В те годы Муссолини работал школьным учителем в Тольмеццо, участвовал в мероприятиях памяти Джордано Бруно, а также изучал философию Фридриха Ницше¹¹.

П. Гелан связывает появление работы Муссолини с его участием в работе международной организации «Свободная мысль» и, в частности, с сотрудничеством Ф. Лоскотом, активным участником её чешского филиала. Выдающийся чешский историк Ф.М. Бартош, автор предисловия к частичному чешскому переводу работы Муссолини, подготовленному А. Лоскотовой, вдовой Лоскота, утверждал, что именно Лоскот снабдил Муссолини иллюстрациями к книге¹². П. Гелан обнаружил в Пражском городском архиве рукопись конца 1920-х гг. об истории чешской «Свободной мысли», в которой говорится о том, что эта организация, участвуя в подготовке к 500-летию казни Яна Гуса, занималась популяризацией его фигуры за рубежом, и, в частности, привлекла к данной работе Муссолини, написавшего «брошюру» о Яне Гусе¹³. Данную точку зрения подтверждают и

материалы издания (первоначально – журнала, позже – газеты) «*Volná myšlenka*», издаваемого чешской «Свободной мыслью». Так, в выпуске за август 1913 года, утверждается, что Муссолини был привлечён к работе над книгой о Гусе итальянцами из «Свободной мысли», а иллюстрациями его снабдили участвовавшие в её работе чехи¹⁴. Точку зрения Гелана можно считать, на наш взгляд, наиболее обоснованной и подтверждённой документальными источниками, что, впрочем, не исключает того, что идея написания книги о Гусе могла прийти к Муссолини несколько раньше.

Написанием работы Муссолини занимался, вероятно, в 1910 — 1911-х гг. В написанной в тюрьме автобиографии он упомянул, что написал книгу о Яне Гусе в 1911 г.¹⁵ В сообщении газеты «*La lotta di classe*», которую возглавлял тогда Муссолини, упоминается, что во время ареста, 18 октября 1911 г., он кричал «Я понял! Они хотят, чтобы я закончил свой труд о Гусе в тюрьме!»¹⁶. Вероятно, что он закончил работу к концу 1911 г., находясь в заключении за участие в акциях протеста против итало-турецкой войны.

Сама книга Муссолини невелика по объёму, и отсылка к ней как к «брошюре» в рукописи об истории чешской «Свободной мысли» вполне справедлива. В оригинале она занимает 124 страницы¹⁷, в переводе 1939 г. – 151 страницу, а в 33-м томе собрания сочинений Муссолини она, за счёт более мелкого шрифта и большего крупного формата, уместилась всего в 56 страниц.

Во введении к работе Муссолини указывает на компилятивно-популярный характер своего сочинения, сетуя на незнание чешского языка и недоступность в Италии латинских сочинений Яна Гуса. В качестве основных источников сведений о Гусе он называет статьи французского слависта Луи Леже, итальянский перевод «Истории Реформации в Германии» Фридриха фон Бекольда, «Всеобщую историю» итальянского историка Чезаре Канту, «Универсальную биографию» в 65 томах и «Всеобщую церковную историю» Йозефа Хергенрётера¹⁸. Кроме того, по всей вероятности, он использовал работу П.Ф. Эриццы «Ян Гус, чешский реформатор» (первую книгу о Яне Гусе на итальянском языке) и перевод писем Яна Гуса на французский язык Эмиля де Боннешоза – именно это издание Муссолини использовал для перевода писем Гуса на итальянский язык¹⁹. Возможно, что Муссолини читал также работу Боннешоза «Ян Гус, Жерсон и Констанцкий собор»²⁰. Этот круг источников и предопределил характер работы Муссолини.

Работа Муссолини состоит из 6 глав. Первая глава — «Эпоха и предшественники Гуса» — посвящена историческому контексту деятельности Яна Гуса; вторая и третья главы, соответственно «Гус, глашатай правды» и «Дорога в Констанц» описывают его жизненный путь; глава четвёртая, «Творчество», посвящена письменному наследию Гуса; название пятой главы, «Жижка и гуситские войны», говорит само за себя; шестая глава «Гус и ортодоксальная критика» посвящена заочной полемике с

католическим историком Й. Хергенрётером. К книге прилагаются переведённые на итальянский язык письма Гуса с предисловием Мартина Лютера.

Работа Муссолини носит компилятивный характер. Муссолини опирался на труды историков, цитаты из которых занимают значительную часть текста книги. Он воспроизводил неточности авторов, на которых ссылаясь, и привносил свои. Фактических ошибок в работе Муссолини достаточно много. Их подробно рассмотрел Павел Гелан²¹.

На протяжении большей части книги Муссолини достаточно строго следует своим источникам, пространно цитируя и пересказывая их. В первой главе он опирался на охарактеризованную им как «великолепную»²² работу Ф. Бецольда «История реформации в Германии», во второй и третьей активно использовал труды Ч. Канту, Й. Хергенрётера и «Универсальную биографию», подчёркивая, что даже процерковно настроенные Хергенрётер и авторы «Биографии» высоко оценивали личные качества Яна Гуса²³. В четвёртой и пятой главах, он, по-видимому, активнее всего использовал работы Л. Леже²⁴. В шестой главе автор заочно полемизирует с Й. Хергенрётером.

Центральным персонажем истории гуситского движения для Муссолини является сам Ян Гус. Гус в этой книге выступает как идеальная фигура, пример для подражания. Ренцо де Феличи предположил, что само название издания Муссолини указывает на это: использованный в заглавии (и повторявшийся в тексте) эпитет «veridico» (букв. «правдивый») созвучен с псевдонимом «vero eretico» (настоящий еретик), который Муссолини использовал в 1900-х – начале 1910-х гг.²⁵ Яна Гуса Муссолини однозначно характеризует как еретика, не придавая этому слову негативных коннотаций. Напротив, именно стремление к свободе, желание преодолеть разложение церковной иерархии и вернуться к началам апостольской церкви и сделало Гуса, по мнению Муссолини, еретиком²⁶.

Ян Гус для Муссолини – фигура в высшей степени героическая, он виделся человеком, готовым без страхов и сомнений идти до самого конца, и в этом отношении превосходившим других оппонентов католической церкви, таких как Джордано Бруно или Галилео Галилей²⁷. Гус полностью осознал свою роль и был заранее готов к тому, чтобы даже ценой своей жизни вернуть народ на путь первоначального христианства²⁸. Именно мученичество Гуса и сделало его фигурой всемирного масштаба, «оставив в тени» прочих провозвестников Реформации, например, Джона Уиклифа²⁹. Потому-то и сама его биография стала важной вехой на пути «прогрессивного освобождения человечества от догматических пут», так как идеи самого Гуса, по мнению Муссолини, в итоге победили и в Германии³⁰.

Отличительной особенностью книги Муссолини является также резкая критика католической церкви. Опираясь в основном на работу Бецольда, Муссолини даёт крайне негативную характеристику состояния

позднесредневековой церкви, сравнивая её с «коммерческой фирмой, штаб-квартира которой находилась в Риме, но филиалы были рассеяны по всей Европе»³¹. Известный в те годы своим антиклерикализмом, Муссолини открыто проводил аналогии между гуситской эпохой и современностью, полагая, что за последние пятьсот лет церковь почти не изменилась: так, он сравнивал церковную оппозицию идеям Гуса о примате светской власти с протестами католической церкви против оккупации Рима Итальянским королевством³². Отсутствием реальных перемен в церкви объяснял Муссолини и отрицательную оценку гуситства в современной католической историографии³³.

Идеологическая ангажированность самого Муссолини отразилась и на оценке всего гуситского движения. Он полагал, что важнейшую роль в нём играли «два неотъемлемых элемента, религиозный и националистический» которые были дополнены «социальными и социалистическими идеями»³⁴. Таборитство оценивалось им как в большей степени «социально-политическое, чем религиозное движение»³⁵. В те годы Муссолини поддерживал как социалистические, так и националистические идеи. Социалистические предпочтения стояли у молодого Муссолини на первом плане. Но в период написания книги о Гусе уже Муссолини в определённой степени сочувствовал и националистическим идеям. В вышедшей в конце 1910 г. в газете «La lotta di classe» статье «Национализм», Муссолини, критикуя экспансионистский национализм, выражал сочувствие «внутреннему национализму, демократическому и культурному движению», главной целью которого полагал не внешние завоевания, а модернизацию страны³⁶. Здесь уже можно проследить первые ростки будущего «правого» поворота Муссолини. Гуситскому национализму Муссолини сочувствовал, считая его мотивами «защиту чехов от римской и немецкой тирании» и объясняя его антинемецкую направленность активным участием немцев в злоупотреблениях католической церкви³⁷.

Судьбы гуситского движения после казни Яна Гуса Муссолини оценивал неоднозначно. Основой для написания пятой главы, посвящённой истории гуситских войн, послужили ему работы Луи Леже, который опирался на труды чешских историков Ф. Палацкога и В.В. Томека³⁸. С одной стороны, Муссолини называет Яна Жижку «отомстителем Гуса, легендарным чешским героем», позитивно характеризуя его деятельность и утверждая, что его взгляды были весьма умеренными на фоне воззрений большинства таборитов³⁹. Жестокость и радикализм гуситского Табора Муссолини порицает, утверждая, что табориты «превзошли римскую церковь в варварстве»⁴⁰. Возможно, критический взгляд Муссолини на действия таборитов в ходе гуситских войн, объясняется его антивоенными воззрениями, достигшими пика именно в период написания данной работы, во время итало-турецкой войны.

При этом Муссолини критикует и умеренных гуситов: Базельские компактаты он характеризует как спорные и неполные, а утраквистов упрекает в утрате изначального духа движения после гуситских войн⁴¹. Истинными продолжателями дела Яна Гуса он видит немецких протестантов⁴². Публикация писем Яна Гуса с предисловием Лютера служит подтверждением органической связи гуситства и немецкой Реформации, существенно ослабившей римскую церковь, к которой Муссолини питал глубокую неприязнь.

С точки зрения гуситологии научная ценность труда Муссолини о Яне Гусе весьма невелика. Большую ценность данная работа имеет для изучения истории становления итальянского фашизма и в какой-то мере — истории славяноведения в Италии.

Работа о Гусе отчётливо зафиксировала взгляды молодого Муссолини незадолго до того, как они начали сдвигаться «вправо». Антиклерикальные, антивоенные и социалистические идеи на страницах данной книги уже соседствуют с откровенно националистическими высказываниями.

Характерно, что в 1918 г., в газете «Il popolo d'Italia» Муссолини опубликовал фрагменты своей работы о Яне Гусе, посвятив эту публикацию чехословацким legionерам, сражавшимся на фронтах Первой Мировой войны против немцев, подобно тому, как это делали в гуситы XV в. и «сохранившим ещё качества времён Гуса и Жижки»⁴³.

Однако вскоре пути Яна Гуса и фашистского диктатора навсегда разошлись. В 1929 г. книга Муссолини о Яне Гусе была изъята из итальянских публичных библиотек и превратилась в библиофильскую редкость⁴⁴. Авторы английского перевода 1939 г. объясняют это «скромностью» Муссолини и его желанием «смотреть в будущее», а не оглядываться назад⁴⁵. Более вероятно, на наш взгляд, иное объяснение произошедшего: заключив в 1929 г. Латеранский конкордат с римской курией, Муссолини не намеревался портить отношений с католической церковью книгой о Гусе. Нельзя не вспомнить также о том, что гуситское движение не входило в круг любимых исторических воспоминаний фашистской Германии — ближайшего союзника и покровителя итальянского диктатора. Наконец, отказываясь от книги о Гусе, Муссолини стремился оставить в прошлом и воспоминания об антиклерикальных и социалистических увлечениях своей молодости.

Книга Муссолини, как уже отмечалось выше, дважды издавалась на английском языке. В Италии, помимо переиздания в собрании сочинений Бенито Муссолини в 1961 г., она выходила отдельными изданиями в 1948, 1988 г.⁴⁶ и 2006 г.⁴⁷.

Примечательно, что в Чехии данная работа до начала 1990-х гг. не встречала большого интереса: до Второй мировой войны большинство упоминаний о данной работе Муссолини приходится на упоминаемое нами издание «Volná myšlenka». Характерно, что уже в выпуске за 5 декабря 1926

г. отмечалось, что Гус «не заслужил оскорбления» в виде похвалы со стороны Муссолини⁴⁸.

После освобождения Чехословакии Красной Армией в 1945 г. и «Победного февраля» 1948 г. книга Муссолини о Яне Гусе не привлекала внимания чешских и словацких историков. Упоминания о её существовании отсутствовали и в работах советских и российских гуситоведов. Думается, что информация о её существовании всё же заслуживает опубликования как любопытный и поучительный эпизод из истории гуситологии.

Примечания

¹ *Tasca F.* Giovanni Huss il veridico di Benito Mussolini. Riflessioni sul destino di un libro. // Bolletino della società di study valdesi. 2015. N. 218. P. 174.

² *Helan P.* Benito Mussolini: Jan Hus, hlasatel pravdy. // Souvislosti. 2002 (XIII). Č. 3-4 (53-54). S. 126.

³ Бенито Муссолини: биография. / Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 30

⁴ См. *Helan P.* Duce a kacíř. Literární mládí Benita Mussoliniho a jeho kniha Jan Hus, muž pravdy. Brno: L. Marek, 2006.

⁵ См. *Tasca F.* Op. cit. PP. 175 – 179.

⁶ См. *Хубберт К.* Бенито Муссолини. Ростов-на-Дону, 1998.

⁷ *Gregor A.J.* Young Mussolini and the Intellectual Origins of Fascism. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press. 1979.

⁸ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. New York: Italian Book Company, 1939.

⁹ *Mussolini B.* Giovanni Huss il veridico. // *Mussolini B.* Omnia Opera. Vol. 33. Firenze: La Fenice, 1961. PP. 273 – 327.

¹⁰ *Helan P.* Op. cit. P. 309.

¹¹ *Tasca F.* Op. cit. P. 175

¹² Mussoliniho kniha o Janu Husovi, muži pravdy / Přeložila *A. Loskotová.* Turnov, 1937. S. 3.

¹³ *Helan P.* Mussolini Looks at Jan Hus and the Bohemian Reformation. P. 310.

¹⁴ Volná myšlenka. 1913 (IX). Č. 4. S. 127.

¹⁵ *Mussolini B.* La mia vita dal 29 luglio 1883 al 23 novembre 1911 // *Mussolini B.* Omnia Opera. Vol. 33. Firenze: La Fenice, 1961. P. 268.

¹⁶ Una folle ventata reazionaria a Forlì l'improvviso arresto del nostro direttore e dei repubblicani Nenni e Loli // *Mussolini B.* Omnia Opera. Vol. 4. Firenze: La Fenice, 1952. P. 281.

¹⁷ *Helan P.* Op. cit. P. 311.

¹⁸ *Mussolini B.* Giovanni Huss il veridico. P. 273.

¹⁹ *Helan P.* Benito Mussolini: Jan Hus, hlasatel pravdy. S. 125.

²⁰ *Bonnechose E.* Jean Hus, Gerson et le Concile de Constance. Paris, 1860.

²¹ *Helan P.* Op. cit. S. 126 – 128.

²² Ibid. P. 12.

²³ Ibid. PP. 62, 103.

²⁴ *Helan P.* Mussolini Looks at Jan Hus and the Bohemian Reformation. P. 311 – 312.

²⁵ *Helan P.* Benito Mussolini: Jan Hus, hlasatel pravdy. S. 125.

²⁶ *Mussolini B.* Op. cit. P. 43

²⁷ Ibid. P. 106.

-
- ²⁸ Ibid. P. 38.
- ²⁹ Ibid. P. 34. Ср.: *Бецольд Ф.* История Реформации в Германии: в 2-х т. Т. 1. / Пер. с нем. СПб, 1900. С.130.
- ³⁰ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. P. 101 – 102.
- ³¹ Ibid. P. 12.
- ³² Ibid. P. 31.
- ³³ Ibid. P. 107.
- ³⁴ Ibid. P. 100. ; *Mussolini B.* Giovanni Huss il veridico. P. 311.
- ³⁵ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. P. 101.
- ³⁶ *Mussolini B.* Nazionalismo. // *Mussolini B.* Omnia Opera. Vol. 4. Firenze: La Fenice, 1952. P. 280 – 281.
- ³⁷ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. P. 47, 77.
- ³⁸ *Helan P.* Mussolini Looks at Jan Hus and the Bohemian Reformation. P. 311 – 312.
- ³⁹ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. P. 84, 89.
- ⁴⁰ Ibid. P. 88 – 92; *Mussolini B.* Giovanni Huss il veridico. P. 306.
- ⁴¹ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. P. 95 – 96.
- ⁴² Ibid. P. 97 – 99.
- ⁴³ *Helan P.* Mussolini e le legioni cecoslovacche. // eSamizdat. 2003 (I). P. 97, 99.
- ⁴⁴ *Tasca F.* Op. cit. P. 178.
- ⁴⁵ *Mussolini B.* John Huss, the Veracious. P. 6.
- ⁴⁶ *Helan P.* Mussolini Looks at Jan Hus and the Bohemian Reformation. P. 316.
- ⁴⁷ *Mussolini B.* Giovanni Huss il veridico / introduzione di A.A. Mola; e una nota di G. Oggero. Carmagnola; Torino: Arktos, 2006.
- ⁴⁸ Fašism a klerikalism. // *Volná myšlenka.* 1926 (XVII). Č.25. S. 349.

А.Н. Галямичев,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Гуситская традиция и образование Чехословацкой республики

В статье рассматривается роль гуситской традиции в идеологической подготовке основания Чехословацкой республики и формировании основ её государственной идеологии в первые годы существования.

Ключевые слова: Ян Гус, гуситское движение, Чехословацкая республика, Т.Г. Масарик.

The Hussite tradition and the occurrence of Czechoslovak Republic

The article considers the role of the Hussite tradition in the ideological preparation of the Foundation of the Czechoslovak Republic and the formation of the foundations of its state ideology in the early years.

Keywords: Jan Hus, the Hussite movement, the Czechoslovak Republic, T. G. Masaryk.

2018 год отмечен важной памятной датой в истории чешского и словацкого народов: столетие назад, 28 октября 1918 года, была образована Чехословацкая республика, в рамках которой они обрели государственную независимость.

Хотя чешский и словацкий народы связывает не только географическое соседство, но и близкое родство языка и культуры, хотя оба народа входили в начале XX века в состав многонациональной Австро-Венгрии, образование Чехо-словацкого государства встретило на своём пути немало препятствий, обусловленных несходством исторических судеб чехов и словаков.

После гибели Великоморавской державы, ядро которой составляли чешские и словацкие земли, Словакия оказалась под властью венгров, вошла в состав средневекового Венгерского королевства, разделив с ним времена расцвета и упадка, утрату независимости и обретение федеративного статуса в результате образования двуединой австро-венгерской монархии в 1867 г.

Что же касается чешского народа, то ему суждено было создать в X в. собственное государство, вошедшее в том же столетии в структуру Священной Римской империи и выдвинувшееся в середине XIII в. на одно из ключевых мест среди имперских княжеств.

В середине XIV в. король Чехии Карл IV из династии Люксембургов приобрёл императорскую корону и предпринял ряд мер, направленных на превращение Чехии в ядро империи, а Праги — в её столицу.

Однако Тридцатилетняя война положила конец государственной самостоятельности Чехии: поражение войска чешских сословий в битве у Белой Горы 8 ноября 1620 г. привело к тому, что одержавший верх над восставшим королевством император Фердинанд III Габсбург упразднил государственные институты Чехии, сохранение которых было одним из условий вручения в 1526 г. чешской королевской короны австрийскому герцогу (впоследствии императору) Фердинанду I.

В эпоху Чешского Национального Возрождения в первые десятилетия XIX в. идеологи чешского национально-освободительного движения много сделали для возрождения чешского национального самосознания, изучения чешского языка, истории и литературы.

Во время революции 1848 — 1849 гг. было впервые выдвинуто требование восстановления национальной чешской государственности, причём главным источником вдохновения его сторонников стали события гуситского движения XV века, в результате которых Чешское королевство не только отстояло право на самостоятельное решение его подданными вопросов вероисповедания и церковного устройства, но и фактически вышло из состава Священной Римской империи.

Во второй половине XIX — начале XX в. воспоминания о гуситских временах, в особенности о решительных действиях радикального крыла гуситов — таборитов — были отодвинуты на второй план, поскольку основная масса чешских политиков воздерживалась от решительных действий, надеясь на проведение австрийским правительством реформ государственного устройства. Прообразом последних представлялось образование в 1867 г. двуединой австро-венгерской монархии. Суть преобразований определялась выдвинутой Ф. Палацким ещё в 1848 г. концепцией: будущее Чехии виделось чешским политическим деятелям в составе многонациональной Габсбургской монархии, при этом чехи и другие славянские народы Австро-Венгрии должны были, подобно венграм¹, обрести равные с австрийскими немцами права в империи, а славянские земли должны были стать равноправными членами многонационального федеративного государства. В качестве обоснования требования политической самостоятельности чешских земель выдвигалась идея исторического государственного права — восстановления чешской государственности, незаконно разрушенной в XVII в.²

Идеи автрославизма занимали ведущее место в чешских политических кругах вплоть до начала Первой мировой войны. Война оказала огромное воздействие на развитие народов австро-венгерской монархии, способствуя неуклонному росту национально-освободительного движения и всё большей радикализации его требований.

В деле борьбы за создание Чехословацкого государства выдающуюся роль суждено было сыграть группе чешских политиков-эмигрантов, центральной фигурой среди которых был Т.Г. Масарик (1850 — 1937).

Ещё на рубеже веков (1896 — 1903 гг.) Т.Г. Масарик написал историко-философский труд «Ян Гус, наше возрождение и наша реформация», в котором обосновывал мысль о противоположности между сквозными идеями чешской и австрийской национальной истории. Если основу первой составляли, как он полагал, реформация и гуманизм, то сутью второй была контрреформация, подчинённость церковному и государственному авторитету³. Таким образом, гуситское наследие служило прочным обоснованием борьбы за возрождение чешской государственности в рамках дальнейшей федерализации Австро-Венгерской империи.

Война заставила Т.Г. Масарика пересмотреть свои взгляды на будущее чешского народа. Во-первых, он стал склоняться к идее восстановления государственной независимости Чехии, а во-вторых, включения в состав возрождённого государства наряду с чешскими землями в их исторических границах словацких районов Венгрии. Эти предположения были впервые сформулированы Масариком в октябре 1914 г. в беседе с Р. Ситон-Уотсоном⁴, а в мае 1915 г. политик направил на этот счёт конфиденциальную записку министру иностранных дел Великобритании⁵. Проект создания независимого Чехословацкого государства, казавшийся первоначально трудноосуществимым, по мере затягивания войны и нарастания взаимного ожесточения воюющих держав стал приобретать всё больше сторонников как в Англии и во Франции, так и в России.

Важной вехой на пути к созданию Чехословацкой республики стала пришедшаяся на 6 июля 1915 г. памятная дата – 500-летие со дня мученической гибели Яна Гуса.

Правящие круги Австро-Венгрии, пытаясь проводить гибкую политику в условиях военного времени, дали разрешение на открытие в Праге в день печального юбилея памятника Яну Гусу, решение о возведении которого было принято ещё в 1891 г. Установленный на Староместской площади монумент работы скульптора Л. Шалоуна стал с этого дня одним из символов Праги.

В самой Чехии открытие памятника Яну Гусу не вызвало резкого оживления национально-освободительного движения⁶, однако за пределами страны 500-летие гибели Гуса способствовало активизации действий чешской эмиграции, связанной со странами Антанты.

Так, в провознесённой в честь памятной даты в Женеве 6 июля 1915 г. речи Т.Г. Масарик говорил о том, что «наша реформация ещё не закончена», а гуситство является тем «национальным идеалом», который чехам предстоит осуществить в грядущем⁷, т.е. в рамках независимого государства.

500-летие со дня гибели Яна Гуса с большим размахом отмечалось в России⁸. Этот резонанс объяснялся как особым отношением к гуситскому

наследию той части русской интеллигенции, которая вдохновлялась славянофильскими идеями, так и надеждами правительственных кругов на утверждение русского влияния в возрождённой Чехии.

Особенно важное значение имело при этом присутствие в нашей стране воинских формирований чехов и словаков, созданных для участия в войне на стороне стран Антанты.

Уже в первые дни войны из живших в России чехов была создана Чешская дружина, ряды которой стали пополняться военнопленными чехами и словаками. В 1915 г. дружина была преобразована в бригаду в составе трёх полков, которым были присвоены имена видных деятелей гуситского движения — Яна Гуса, Иржи из Подебрад и Прокопа Великого.

Гуситские традиции сыграли важную роль в процессе создания чехословацких воинских формирований⁹, поскольку давали возможность опереться на почти полностью утраченные национальные военные традиции: память о выдающихся победах гуситского оружия сохранялась на протяжении трёхсот лет отсутствия у чешского народа собственной государственности и вооружённых сил. В чехословацких воинских формированиях было установлено уходящее к традициям таборитов обращение «братья». Символ гуситского движения — чаша — помещался на воинских знамёнах чехословацких частей, а после знаменитого боя под Зборовом 1-2 июля 1917 г., где чехословацкая бригада показала высокий воинский дух и боевую выучку, наиболее отличившиеся части получили право помещать гуситскую чашу на погонах.

Русское правительство надеялось удержать контроль над чехословацкими частями в собственных руках и использовать их как фактор утверждения своего влияния в чешских и словацких землях по окончании войны, однако революционные события 1917 г. расстроили эти планы и способствовали переходу контроля над бригадой, а с сентября 1917 г. — сформированным на её основе корпусом в руки Чехословацкого национального совета — руководящей политической организации чешской и словацкой эмиграции созданной 13 февраля 1916 г. в Париже, которую возглавил Т.Г. Масарик.

Т.Г. Масарик лично прибыл в Россию в начале апреля 1917 г. и предпринял ряд целенаправленных действий, призванных обеспечить активное участие корпуса в деле восстановления независимости и становления вооружённых сил Чехословацкой республики¹⁰.

Участие чехословацкого корпуса в разгоревшейся в конце весны 1918 г. гражданской войне в России помешало ему принять участие в событиях, связанных с основанием Чехословацкой республики.

Требование восстановления независимости с начала 1918 г. стало всё более настойчиво высказываться жителями Чехии. Право чехов на самостоятельное государство было торжественно провозглашено депутатами собравшегося 6 января 1918 г. Генерального сейма чешских земель. 13 июля

был образован Пражский национальный комитет, начавший практическую подготовку к захвату власти.

Всестороннюю поддержку подготовки образования Чехословацкой республики оказывали страны Антанты. 30 июля 1918 г. право чехословацкого народа на самоопределение признало правительство Франции, а Чехословацкий национальный совет во главе с Т.Г. Масариком был провозглашён «высшим органом, представляющим интересы народа и являющимся основой будущего чехословацкого правительства»¹¹.

Начавшееся 24 октября 1918 г. наступление войск Антанты на итальянском фронте, вызвавшее разложение в австро-венгерской армии, и 28 октября в ходе народной манифестации была провозглашена независимость Чехословакии, а Пражский национальный комитет издал «Первый закон Чехословацкого государства». Прокламация независимости была зачитана у подножия памятника св. Вацлаву выдающимся чешским писателем А. Ирасеком, автором эпической трилогии о гуситском движении,

В начальный период становления Чехословацкого государства гуситские традиции играли важную роль в деле его оформления и упрочения. При этом обращение к гуситскому наследию приобрело новые оттенки. Избранный 14 ноября 1918 г. первым президентом Чехословацкой республики Т.Г. Масарик провозгласил 21 декабря ставший крылатым лозунг: «Табор – наша программа, и этой программе мы останемся верны!»¹² Популярность этого лозунга объясняется сложностью социально-экономических проблем в провозглашённой республике, требовавших решительных действий правительства, активных социальных преобразований.

Провозглашение Чехословацкой республики стало побудительным импульсом к созданию Чехословацкой гуситской церкви. Сторонники обновления церковной жизни в Чехии, считавшие своим духовным наставником Яна Гуса, ещё в 1890 г. объединились в «Союз католического духовенства», а в 1919 г. впервые провели мессу на чешском языке. 8 января 1920 г. Чехословацкая гуситская церковь была официально признана государством, и в период своего создания претендовала на роль ведущей силы в религиозной жизни республики, предполагая, что может стать основой её духовной идентичности¹³.

Таким образом, в период становления Чехословацкой республики гуситская традиция выступала в качестве одной из опор государственного строительства, составной части государственной идеологии¹⁴. Однако эта тенденция к середине 1920-х гг. сошла на нет.

Причин такого рода поворота было недостаточно. Прежде всего следует принять во внимание позицию католической церкви, сохранившей влияние на подавляющее большинство верующих республики. Гуситская чехословацкая церковь, оформившись в самостоятельную конфессию, объединяла лишь незначительное меньшинство христиан Чехословакии, не

оказывавшее сколько-нибудь значительного влияния на общественно-политическую ситуацию в стране.

По мере упрочения внутреннего положения в стране правящие круги Чехословацкой республики всё более дистанцировались от призывов к радикальному социальному реформированию, символом которых было наследие гуситского Тавора. Важным свидетельством этого было отношение официальных властей Чехословакии к 500-летию кончины непобедимого предводителя таборитов Яна Жижики в 1924 г., когда президент Т.Г. Масарик уклонился от участия в юбилейных мероприятиях¹⁵.

К концу 1920-х годов стало переосмысляться и место гуситской эпохи в истории чешского народа в целом¹⁶, что нашло отражение не только в специальных исследованиях¹⁷, но и в школьных учебниках¹⁸.

Говоря о причинах этих изменений, следует принять во внимание неоднозначность отношения к гуситскому наследию представителей разных социальных и этнических групп населения. Революционные гуситские традиции едва ли могли послужить источником вдохновения для наиболее состоятельной части населения республики, оказывавшей определяющее влияние на политику государства, в том числе в области науки и образования.

Своё слово сказали и трудности интеграции различных составных частей Чехословацкой республики в рамках единого государственного организма. Из пяти земель, входивших в состав Чехословакии по конституции 1920 г., только в Чехии большинство населения считало себя в той или иной мере наследниками гуситских традиций.

Для жителей Моравии и Силезии гуситское движение было не столь ярким событием исторического прошлого, поскольку эти области не были охвачены им, а гуситы приходили сюда во время «прекрасных походов», которые сопровождалась неизбежными разрешениями и захватом добычи. Таким же образом воспринимались гуситские события в ещё более отдалённой от их эпицентра Словакии, интеграция которой в Чехословацкую республику происходила на протяжении длительного времени, встретив на своём пути большие препятствия. Ещё более далеко от гуситских традиций было население пятой земли Чехословацкой республики — Подкарпатской Руси.

Возвращаясь к собственно Чехии, нельзя не вспомнить об особом отношении к событиям гуситской эпохи немцев Судетской области, для которых гуситское движение едва ли могло принадлежать к числу приятных исторических воспоминаний.

В силу перечисленных обстоятельств гуситское наследие было отнесено на второй план государственной политики и стало предметом неоднозначных (в том числе и однозначно негативных) оценок в исторической науке межвоенной Чехословакии¹⁹.

Примечания

- ¹ Венгрия, как и Чехия, вошла в состав владений Габсбургов в 1526 г., когда на венгерский королевский престол был избран Фердинанд I.
- ² См.: *Ванчек В.* История государства и права Чехословакии. М., 1981. С. 353-355.
- ³ См.: *Мельников Г.П.* Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т.Г. Масарика // Полвека в славяноведении. Сборник научных трудов, посвящённых юбилею профессора Л.П. Лаптевой. М., 2012. С. 191.
- ⁴ Уильям Роберт Сетон-Уотсон (1879 — 1951) — британский государственный деятель, публицист и историк. Во время Первой мировой войны работал в Департаменте пропаганды, занимаясь организацией британской пропаганды в Австро-Венгрии.
- ⁵ *Шмераль Я.Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967. С. 54, 64.
- ⁶ Имевшие место в связи с открытием памятника в Праге стихийные «тихие» демонстрации хотя и «вылились в весьма внушительные проявления протеста против политики войны и национального угнетения», но не носили открытого антиправительственного характера. См.: *Шмераль Я.Б.* Образование Чехословацкой республики в 1918 году. М., 1967. С. 53.
- ⁷ *Machovec M.* Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953. S. 330.
- ⁸ См.: *Галямичев А.Н.* 500-летие со дня трагической гибели Яна Гуса и русское общество в годы Первой мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2015. Т. 15. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. С. 39-42.
- ⁹ См.: *Васильченко М.А., Галямичев А.Н.* Преодолевая столетия (Воинские традиции гуситов в Чехо-Словацком корпусе // История и историческая память. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 103–108.
- ¹⁰ *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914 — 1921 гг. М., 1965. С. 60 — 164; *Васильченко М.А.* Т.Г. Масарик и автономизация чехословацких частей в России // Славянский сборник. Саратов, 2011. Вып. 9. С. 140-144.
- ¹¹ *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 1914. С. 447.
- ¹² Цит. по кн. *Мацек Й.* Табор в гуситском революционном движении. М., 1956. Т. I. С. 45.
- ¹³ *Marek P.* Církevní krize na počátku první Československé republiky (1918-1924). Brno, 2005.
- ¹⁴ *Čornej P.* Jan Hus v proměnách šesti století // Studia theologica. 2015. Roč. 17. Č. 4. S. 31.
- ¹⁵ *Machovec M.* Op. cit. S. 340.
- ¹⁶ Видный чехословацкий историк В. Халоупецкий в 1927 г. отмечал, что президент Т.Г. Масарик, «в отличие от своих прежних выступлений, где он искал прежде всего религиозный и революционный смысл нашей истории, в последнее время ссылаясь на созидательный творческий труд Пржемысловичей и Иржи Подебрада. И, быть может, уже недалеко то время, когда мы увидим прообраз чешского государства и

государственной мысли и у некоторых Габсбургов» (Цит. по кн.: *Мацек Й.* Указ. соч. С. 47).

¹⁷ Наиболее негативные оценки места гуситского движения в истории Чехии как величайшей национальной трагедии были даны в работах Й. Пекаржа, важнейшей из которых было исследование о Яне Жижке (*Pekař J. Žižka a jeho doba.* Praha, 1927 — 1933. D. I — IV).

¹⁸ Именно Й. Пекарж являлся автором большинства из них.

¹⁹ См.: *Мацек Й.* Указ. соч. С. 32-63; *Иванов Ю.Ф.* Становление марксистской концепции гуситского наследия в межвоенной Чехословакии // Советское славяноведение. 1977. № 2. С. 27-38.

Россия, советская Украина, советская Белоруссия и Польша: проблемы учредительства ООН

В статье рассмотрены основные приоритеты внешней политики современной России. Прослежена связь складывающегося нового миропорядка с исторически обусловленным раскладом сил в Европе. Аргументировано показано, что ООН как глобальная структура обладает высшей легитимностью. Проанализированы положения о государствах-учредителях ООН. Рассмотрены острые проблемы первоначального членства в ООН советской Украины, советской Белоруссии и Польши. Убедительно доказано, что послевоенные границы Европы создавались по ялтинским лекалам и пересмотр их в современных условиях недопустим. Гарантией недопущения новой мировой войны служат основные принципы международного права, зафиксированные в Уставе ООН.

Ключевые слова: Новый миропорядок, создание ООН, Устав ООН, государства-учредители ООН, послевоенные границы.

Russia, Soviet Ukraine, Soviet Belarus and Poland: problems of the UN Foundation.

The main priorities of the foreign policy of modern Russia are considered. The relationship between the emerging new world order and the historically conditioned alignment of forces in Europe is traced. It is argued that the UN as a global structure has a higher legitimacy. The provisions on the founding states of the United Nations are analyzed. The acute problems of the initial membership in the United Nations of Soviet Ukraine, Soviet Belarus and Poland are considered. It is convincingly proved that the post-war borders of Europe were created according to Yalta's patterns and their revision in modern conditions is unacceptable. The guarantee of non-admission of a new world war is the basic principles of international law, fixed in the UN Charter.

Keywords: The new world order, the creation of the UN, the UN Charter, the founding states of the UN, the post-war borders.

Первая половина 1990-х гг. стала завершающей фазой распада биполярной структуры мира. Однако новая мировая война не разразилась, поскольку в эпоху глобализации *ядерные вооружения* являются фактором

сдерживания и обеспечения международной безопасности. Сложилась уникальная ситуация, когда радикальное изменение международной системы не было сопряжено с обширным военным конфликтом. После распада СССР изменился геополитический ландшафт и стал складываться новый миропорядок. Он формировался под преобладающим влиянием США. Утрачено прежнее доминирование СССР в Восточной Европе, Прибалтике и т.д. На глобальном уровне ни Россия, ни Китай, ни страны объединенной Европы, не могли всерьез соперничать с США за влияние в международных делах. Наиболее сильные государства мира были вовлечены в тесные взаимоотношения с США, и разрыв связей с США не был выгоден никому.

Вторая половина 1990-х гг. была отмечена ростом взаимозависимости государств мира в результате резкого повышения интенсивности международных экономических, финансовых и сопряженных с ними политических связей между ними, гигантским увеличением объема мировых информационных потоков, колоссальным прогрессом в средствах коммуникации в научно-техническом развитии в целом. Этот процесс сопровождался опережающим становлением *нового миропорядка* и неизбежной эволюцией в направлении к экономической и финансовой *интеграции*. Эти ведущие мировые тенденции обусловили новое состояние международной системы, определяемое как процесс *глобализации*. Вместе с тем, усилились противоречия в мире между высокоразвитыми странами, уже вступившими в постиндустриальное общество, и слабо развитыми странами, а также бурно развивающимися государствами.

«Холодная война» как глобальное геополитическое, военно-политическое, экономическое и идеологическое противостояние в настоящее время принимает новые изощренные формы.

Известны *классические признаки* «холодной войны»: гонка вооружений; существование военно-политических блоков; военные базы, угрожающие территории потенциального противника; и главное, использование методов *экономического* давления (введение *санкций* предусматривалось еще во время создания Бреттон-Вудской системы, 1944 г.). *Фактически все данные признаки применимы и для характеристики современной геополитической ситуации*, хотя они модифицировались в соответствии уровнем мирового научно-технического и экономического развития. В международно-правовом смысле конфронтация и прежде не была *открытой* войной, однако в условиях глобализации «холодная война» трансформируется в острое конкурентное соперничество, особенно в *экономической* области. Рынок достаточно ничинчен, и безжалостно извлекается от слабых и неконкурентоспособных участников. Методы *экономического* давления на потенциальных соперников в виде *санкций* в настоящее время ужесточились.

Есть разные представления о «проигравших» в «холодной войне». Надо понимать, что *Россия как государство в «холодной войне» не*

проигрывала. В «холодной войне» проиграл Советский Союз, поскольку его социально-политическая и, прежде всего, экономическая система не была модернизирована своевременно. Следует признать, что в условиях глобализации полностью восторжествовала сугубо прагматичная логика защиты государственных интересов – чем сильнее и эффективнее экономика государства, тем больше и значительнее его роль в мировых отношениях.

Универсальная компетенция и широкий состав ООН, а также «право вето» постоянных членов Совета Безопасности ООН в вопросе определения всеобщей угрозы миру, позволяет найти разумный компромисс в решении самых сложных международных проблем.

ООН постоянно критикуют вот уже 70 лет. Уже с самого момента создания ООН ей предрекали неминуемую гибель. В настоящее время, вопреки здравому смыслу апокалипсические сценарии развала ООН разрабатываются с новой силой, и периодически разворачиваются пропагандистские кампании против ООН. Механизм ООН надо совершенствовать в плане сохранения и укрепления равновесной и сбалансированной системы мировых отношений с учетом интересов России.

Можно ли отказаться от ООН и начать создание принципиально нового миропорядка, и на каких основах? Можно ли предотвратить новую глобальную войну и поддерживать мир без таких международных организаций, как ООН? Очевидно, что нет! И, в конце концов, что такое ООН сегодня – реальная сила, орган, к рекомендациям которого можно прислушиваться по желанию, или же организация утратила свое влияние на суверенные правительства? *В условиях глобализации многие внешнеполитические проблемы могут быть решены лишь на многосторонней основе.* Этой цели и служит ООН. Иными словами, *ООН – это глобальная организация, универсальная по своему составу и компетенции и обладающая высшей легитимностью.*

В то же время, ООН – не всесильна. ООН — это не мировое правительство, а организация, объединяющая суверенные государства, и для того, чтобы решения ООН материализовались, нужна, прежде всего, воля государств-членов Организации, их реальное желание идти по пути укрепления мира и безопасности на основе консенсуса. *А компромисс – это паритет сил!*¹ ООН – это всеобщая Организация ядерной эпохи. С решением главной задачи - предотвращением новой мировой войны, глобальной катастрофы, ООН достаточно успешно справляется и в XXI веке.

Угроза миру должна выявляться не односторонне, а совместно, через Совет Безопасности ООН. Именно Совет Безопасности ООН должен определять систему мер по нейтрализации данной угрозы. Появление новых вызовов человечеству создает принципиально иную международную обстановку, требующую усовершенствования механизмов Организации Объединенных Наций. ООН и сегодня остается гарантом мира и стабильности.

Юридически Россия является страной-учредителем ООН с 24 октября 1945 г. (сначала через посредство СССР), вместе с другими первоначальными членами Организации - США, Великобританией, Францией, Китаем, а также УССР и БССР, получившими в ООН отдельное членство с момента создания Организации. Законные права России как правопреемника СССР перешли к ней не автоматически, а в сложной политической борьбе. Возражая против получения Россией всех привилегий великой державы-основателя ООН и препятствуя в передаче ей места постоянного члена Совета Безопасности, оппоненты (причем, не только западные, но и бывшие советские республики, которые вступили в Организацию в качестве равноправных членов только благодаря России, выразившей общее согласованное мнение всего СССР), в своем неприятии России ссылались именно на те принципы, которые первоначально были выработаны и заложены в Устав ООН - основу международного права - при решающем участии СССР (России). Тем самым они старались оттеснить Россию на второстепенные роли в решении ключевых проблем развития мировых процессов, воспользовавшись ее временными трудностями.

На конференции в Думбартон-Оксе (1944 г.) была достигнута договоренность о целях, принципах и основных органах международной организации безопасности. Была достигнута договоренность о том, что международная организация безопасности должна осуществлять свою деятельность в соответствии с основными принципами: суверенного равенства всех миролюбивых государств, входящих в организацию; выполнения международных обязательств, взятых на себя членами организации; отказа от угрозы или использования силы, несовместимой с целями организации, и т.д.²

В качестве основных органов организации, которую предполагалось назвать «Объединенные Нации»³, были намечены: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Международный Суд и Секретариат. В будущем также предусматривалось создать Экономический и Социальный Совет.

Особое место на конференции занял вопрос о составе, процедуре и полномочиях Совета Безопасности. СССР, США и Великобритания были полностью согласны с тем, что функции по поддержанию международного мира целиком входят в ведение Совета. Учитывая, что на СССР, США, Великобритании и Китае лежала исключительная ответственность за сохранение мира, эти страны должны были, по их собственному мнению, занимать соответствующее положение, быть постоянными членами Совета Безопасности и обладать в нем особыми правами⁴. Предусматривалось, что Франция «в надлежащее время» также займет постоянное место в Совете Безопасности, и общее количество стран в данной структуре составит 11 (увеличение общего количества членов в Совете Безопасности ООН до 15 произошло позднее, в 1965 г.), а оставшиеся 6 государств будут избираться

на двухгодичный срок, и не могут быть переизбраны немедленно. Основные разногласия на конференции в Думбартон-Оксе (1944 г.) выявились при обсуждении порядка голосования в Совете Безопасности. Эти противоречия были сняты позже.

В целом предложения, подготовленные на совещании представителей СССР, США и Англии в Думбартон-Оксе (1944 г.), с которыми согласилось и правительство Китая, были далеко не полными. Проекты отдельных разделов Устава будущей Организации были изложены в самых общих выражениях. Остались несогласованными такие важные вопросы, как порядок принятия решений в Совете Безопасности, список стран, которые должны быть приглашены на конференцию по разработке и подписанию Устава, вопрос об участии советских республик, колониальная проблема и некоторые другие. Договориться по всем этим вопросам надо было до созыва общей конференции. Дальнейшие переговоры велись по дипломатическим каналам. Окончательно согласовать некоторые важные вопросы удалось только на Ялтинской (Крымской) конференции глав трех держав – СССР, США и Англии, состоявшейся в первой половине февраля 1945 г.

На Ялтинской конференции СССР вновь был поставлен вопрос о включении в число членов-учредителей международной организации безопасности, по крайней мере, двух союзных республик – УССР и БССР. Западные державы вновь предложили отложить обсуждение этого вопроса. Когда был поднят вопрос о колониях, выявились расхождения между США и Англией. Предложение США создать международный механизм, который занимался бы подопечными и зависимыми территориями, «взорвало» У. Черчилля, который заявил, что он «не намерен присутствовать на похоронах Британской империи»⁵. На Ялтинской конференции главы трех правительств – «Большой Тройки» — договорились о созыве в апреле 1945 г. в Сан-Франциско конференции Объединенных Наций, чтобы окончательно подготовить Устав Организации, соответственно положениям, выработанным во время переговоров в Думбартон-Оксе. 25 апреля 1945 г. начался завершающийся этап создания ООН⁶.

Конференция в Сан-Франциско (1945 г.) явилась одной из самых крупных международных конференций в дипломатической истории. Ко всем участникам с торжественной речью по радио из Вашингтона обратился президент США Г. Трумен. Советская делегация на эту конференцию была назначена Советом Народных Комиссаров СССР, возглавлял делегацию А.А. Громыко – молодой посол СССР в США. Делегацию США возглавил государственный секретарь Э. Стеттиниус, делегацию Великобритании – министр иностранных дел А. Иден, делегацию Китая – председатель Исполнительного юаня и министр иностранных дел Сунь Цзювэнь⁷. Голосование на Конференции производилось поднятием рук или поименно в порядке английского алфавита (в соответствии с которым было произведено

и размещение делегатов в залах заседаний). Заседания и пленума, и комиссий были публичными, заседания комитетов и подкомитетов были закрытыми⁸ (что не помешало проникновению в газеты, в особенности в «Нью-Йорк Таймс», подробностей о всякого рода возникавших разногласиях)⁹.

Важным дополнением было включение в Устав преамбулы, которая отсутствовала в проекте, разработанном в Думбартон-Оксе. 26 июня 1945 г. с утра началось подписание Устава. Все выступавшие подчеркивали необходимость единства миролюбивых стран, их совместных действий, направленных на поддержание международной справедливости и мира. В итоге мнения сторон совпали, и соглашение было достигнуто. Этому предшествовала сложная и кропотливая работа. Важно разобраться в возникших противоречиях между СССР и США, какие компромиссы были найдены и как они в конечном результате сказались на будущем Организации.

Конкретные противоречия, возникшие между СССР и США на завершающем этапе создания ООН, также были успешно разрешены. Среди спорных проблем — первоначальное членство в ООН. Важна сравнительная оценка позиций сторон, на основе которой можно выстроить общую картину создания ООН.

При обсуждении проблемы первоначального членства («*primary membership*») объектами спора стали четыре страны: *Польша*, *Аргентина* и две советские республики - *УССР* и *БССР*. На начальных этапах все были согласны, что страны, подписавшие Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г., должны вступить в ООН, однако, СССР также настаивал на том, чтобы все тогдашние 16 союзных республик должны стать учредителями новой Организации (В.М. Молотов позднее предлагал уже включить 2-3 республики – *Украину*, *Белоруссию* и Литву, мотивируя это тем, что Британское Содружество представлено в полном составе). Когда западные великие державы намекнули на несостоятельность данного предложения, СССР остановился на варианте принятия хотя бы двух республик - *Украины* и *Белоруссии*, аргументируя это тем, что они внесли неопределимый вклад в дело борьбы с фашизмом. Предложение СССР о членстве советских республик в будущей ООН было принято, однако, их число было ограничено двумя. Благодаря дополнительным голосам этих республик, СССР стремился упрочить свое положение в будущей Организации, пытаясь преодолеть численное большинство голосов Запада при голосовании и мотивируя свое требование как противоядие включения в состав Организации, например, английских доминионов. Характерно, что вопрос о самостоятельном членстве России не ставился, так как РСФСР полностью идентифицировала себя с СССР.

Присутствие *Украинской ССР* и *Белорусской ССР* в списке первоначальных членов ООН выглядит совершенно естественно с точки зрения международного права 1940-х годов. Эти республики, как и все

прочие союзные республики, согласно Конституции СССР 1936 г. (в редакции 1944 г.) имели: ограниченный суверенитет (ст. 15); собственную Конституцию (ст. 16); право свободного выхода из состава СССР (ст. 17); право на внешнеполитическую деятельность, включая заключение международных договоров и обмен дипломатическими миссиями с другими государствами (ст. 18-а от 1 февраля 1944 г.); право на собственные войсковые формирования (ст. 18-б от 1 февраля 1944 г.). Таким образом, союзные республики в СССР, как отмечалось в ходе подготовки создания ООН, формально были близки по своему статусу с доминионами Великобритании или протекторатами США, хотя фактически имели с ними очень мало общего из-за декларативности и неисполнения своих «конституционных прав». Однако именно эти республики, равно как и СССР в целом, внесли огромный вклад в победу над фашистской Германией, что явилось главным аргументом при включении их в состав первоначальных членов-учредителей ООН.

Интересен тот факт, что Великобритания на момент подписания Устава ООН была колониальной империей и включала в себя более 40 территорий – доминионов и колоний, – ставших впоследствии независимыми государствами, пять из которых являются первоначальными членами ООН – Австралия, Британская Индия (включая входившие в нее современные Пакистан, Бирму, Бангладеш), Канада, Новая Зеландия, и Южно-Африканский Союз. А Филиппины, также ставшие первоначальным членом ООН, были в то время самоуправляющейся территорией под протекторатом США.

Отметим также, что место Китая в ООН и Совете Безопасности первоначально (до 1971 г.) занимал Тайвань (Гоминьдан). Позже СССР в знак поддержки законных прав КНР в ООН бойкотировал заседания Совета Безопасности ООН, который в его отсутствие принял решение о посылке войск в Корею в период корейской войны (1950 — 1953 гг.). Раздел Кореи был предreshен, континентальный коммунистический Китай проигнорирован, а свои законные права в качестве постоянного члена Совбеза ООН Китай восстановил почти три десятилетия спустя.

Таким образом, в число первоначальных членов ООН входило 8 территорий, не обладавших формальной независимостью: *УССР*, *БССР*, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Британская Индия и Филиппины. Сейчас, когда в ООН входят только независимые государства, это выглядит парадоксальной ситуацией, однако в 1945 г., до распада колониальных империй, международное устройство было гораздо более сложным из-за существования множества форм независимых государств без формального юридического оформленного статуса независимости, но обладавших самоуправлением и международным признанием.

Яблоком раздора также стала *Польша*. Без всякого энтузиазма участники конференции взялись обсуждать польский вопрос. К этому времени вся территория *Польши* контролировалась советскими войсками, и выставить их оттуда не смогли бы ни союзники, ни враги. Рузвельт, поддержанный Черчиллем, предложил, чтобы СССР вернул *Польше* Львов, хотя сам понимал абсурдность такого предложения. Напротив, Сталин предложил «наградить» *Польшу* за счет германских земель, которых Рузвельту и так было совсем не жалко. Возмущался, правда, Черчилль, взывая к «праву» и «гуманизму». В итоге Сталин пообещал реорганизовать временное польское правительство на «широкой демократической основе», а стороны подтвердили старое решение Антанты относительно польской границы на востоке: линия Керзона с небольшими поправками. Западная же граница *Польши* должна была пройти по германским землям. Фактически решениями по польскому вопросу в Ялте было подтверждено, что Восточная Европа остается в советской, а Западная Европа и Средиземноморье – в англо-американской сфере влияния. В апреле – мае 1945 г. вопрос о действующем правительстве Польши не был решен. Поддерживаемый США и Англией кабинет Станислава Миколайчика находился в эмиграции в Лондоне, а просоветский режим Болеслава Берута, установленный в июле 1944 г. в городе Люблине, не устраивал западные державы¹⁰. Сформировать общее правительство Польши, которое устраивало бы всех, также не получалось из-за упорства сторон. Участие *Польши* в ООН откладывалось до создания правительства, устраивающего все стороны. Под давлением СССР, Польша была включена в список подписывающих Устав ООН стран, а 5 июля 1945 г. Великобритания и США признали Временное правительство Польши в качестве законного, «под гарантии СССР» о включении в его состав «не только коммунистов». Это привело к согласию великих держав по «польскому вопросу» и позволило *Польше*, после урегулирования всех разногласий, в том числе и по поводу ее территориальных границ, войти в состав стран-учредителей ООН. В итоге *Польша*, хотя и не присутствовала на конференции в Сан-Франциско (1945 г.), Устав ООН подписала, причем в самый последний момент до истечения срока подачи ратификационных грамот, и стала, таким образом, 51-ым первоначальным членом ООН.

Что было самым важным для американцев и англичан? Сталин подтвердил, что Советский Союз вступит на их стороне в войну против Японии через три месяца после победы над Германией.

Было решено провести учредительную конференцию ООН в США в апреле 1945 г. Советская сторона согласилась с американским предложением, согласно которому постоянный член Совета Безопасности не мог принимать участие в голосовании в том случае, если вопрос касался страны-члена Совета Безопасности. Рузвельт воспринял советскую уступку с воодушевлением.

Президент США Рузвельт вновь выступил с идеей создания Организации Объединенных Наций. Сталин поддержал эту идею сразу, а вот Черчилль разглядел в ней антибританский подвох. Действительно, по мнению Рузвельта, Великобритания была империалистической державой, а ликвидацию колониальной системы Рузвельт считал одним из приоритетов послевоенного урегулирования. Поэтому он предлагал установить опеку ООН над всеми колониальными территориями. Когда американцы представили соответствующий документ, Черчилль возмущенно объявил, что не допустит вмешательства в дела Британской империи. Как, вопрошал Черчилль, апеллируя к СССР, отнесся бы Сталин к предложению интернационализировать Крым? Да даже страшно подумать об этом!

Традиционные колониальные империи препятствовали глобальным американским планам. Так что рузвельтовские антиколониальные планы раздражали Черчилля не меньше, чем установленное Сталиным в Польше «демократическое правительство». К тому же Сталин в качестве своеобразной компенсации предоставил англичанам карт-бланш в Греции: расправиться с тамошними коммунистическими партизанами и посадить пробританское правительство. Кроме того, Сталин не оспаривал право британо-американского контроля над Италией, в которой все еще шли бои, и где коммунистические партизаны были весомой силой.

Сейчас трудно себе представить, что у России до распада СССР отдельного самостоятельного места в ООН не было, и что РСФСР (Россия), равно как и другие советские республики, кроме *Белоруссии* и *Украины*, была представлена в ООН и в Совете Безопасности ООН только через посредство СССР. После распада СССР именно этот факт послужил основой для искусственно спровоцированного политического кризиса, связанного с проблемой правопреемства Российского государства и получения им юридического статуса первоначального члена ООН, а также постоянного члена Совета Безопасности ООН. Кризис в результате был благополучно разрешен. Российская Федерация была признана *de jure* государством-учредителем ООН с 24 октября 1945 г., с момента утверждения (вступления в силу) Устава ООН.

После войны существовало множество международных локальных региональных конфликтов, но *ООН не дала им перерасти в глобальный конфликт*. Устав ООН – незыблемый свод норм и правил.

*Особо подчеркнем пагубность стремления к насильственному пересмотру послевоенных границ в Европе и в мире. Если начать пересматривать территориальные аспекты, как довоенной системы, так и ялтинской системы, то Германия получит назад Померанию, Силезию, Восточную и Западную Пруссию, в том числе российскую Калининградскую область. **Польша**, отдав земли на западе, полученные, в основном, за счет Германии, захватит на востоке *Западную Украину, Западную Белоруссию* и часть Литвы. **Румыния** будет претендовать на Бессарабию (территория современной*

Молдавии) и Северную Буковину (*Черновицкая область Украины*). **Финляндия захочет** вернуть часть Карельского перешейка. **Словакия** не откажется от Закарпатья. Правда, раньше оно принадлежало объединенной Чехословакии. **Италии** достанется полуостров Истрия, перешедший после войны Югославии, который сегодня принадлежит Хорватии и частично — Словении. Италия сможет также вернуть небольшие территории в Альпах, отошедшие Франции. *Напомним особо, что в соответствии с ялтинской системой Крым изначально входил в состав СССР и РСФСР. То есть, Крым мирным путем воссоединился с Россией, и вернулся в состав того государства, где и должен был находиться изначально.*

Однако до сих пор остается если не территориальная, то нравственная проблема. Современная территория *Украины* соткана из территорий нескольких исторических империй. И самое главное: территориальный пересмотр границ — это прямой путь к войне. Это неконструктивно. Имперские амбиции России также просто бессмысленны и опасны. В этом же смысле можно вспомнить и Литву, которая вследствие Пактов Молотова-Риббентропа (1939 г.), получила свою нынешнюю столицу — Вильнюс. Об этом не надо забывать. Послевоенная территория *Польши* увеличена за счет восточных территорий Германии. *Польша* — жертва войны, — прирастила немалые территории на западе за счет Германии. Более того, *Польша* именно по настоянию СССР вошла в состав первоначальных государств-учредителей ООН в своих современных границах, установленных ялтинской системой. Получается, что Пакты Молотова — Риббентропа (1939 г.) осуждают все, но как-то никто не спешит попроситься с его последствиями в виде территорий. *У России нет территориальных претензий, ни в Европе, ни в мире!*

Конечно, все эти эфемерные «мечты» о возврате «утраченных территорий» — просто абсурд! Но ведь они существуют! У России как государства — непосредственного участника создания ялтинской системы, определившей в принципе послевоенные границы Европы, есть понимание, что сохранять *status-quo* ялтинской системы очень сложно: государства распадаются и сливаются в силу нарастания динамики развития естественных социально-экономических процессов.

Основные принципы международного права не существуют абстрактно. Конфликт между ними следует рассматривать в определенном политическом и историческом аспекте. Существующие политические противоречия в Совете Безопасности ООН возможно разрешить только совместными усилиями на основе консенсуса, ясного обозначения приоритетов в применении норм международного права и настойчивого стремления постоянных членов Совета Безопасности ООН к действительному урегулированию конфликтов¹¹. Международное право действует именно в тех формах, о которых договорились в Ялте и в

Потсдаме. Международное право XXI века действует как *консенсус* ведущих мировых политических держав.

Примечания

¹ *Stettinius E. The diaries of Edward R. Stettinius Jr. 1943-1946. New York. 1975.*

² *Грицаева Л.Е. Россия и ООН: история и современность. М., 2007.*

³ *История внешней политики СССР. В 2 т. М., 1980. Т. I. С. 499.*

⁴ *Советский Союз в ООН. М., 1965. С. 39.*

⁵ Там же. С. 47.

⁶ *История внешней политики СССР. Т. I. С. 503.*

⁷ Там же. С. 504.

⁸ *Крылов С.Б. История создания ООН. Разработка текста Устава ООН. 1944 — 1945. М., 1960. С. 98.*

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ *Stettinius E. The diaries of Edward R. Stettinius Jr. 1943-1946. New-York. 1975. P. 295.*

¹¹ Интервью постоянного представителя России при ООН В. Чуркина 28.06. 2015 г. // URL: www.un.ru (Дата обращения: 28.02.2018).

УДК 94(437)[12]

А.Н. Галямичев,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Грамота привилегий Немецкого (ныне Гавличкова) Брода (1278)

Вниманию читателей предлагается публикация привилегии, выданной 8 июня 1278 г. чешскому городу Гавличков Брод его сеньорами — братьями Генрихом, Смиллом, Ульрихом и Раймундом из Лихтенбурга, которая представляет собой наиболее обширную из дошедших до нашего времени привилегий сеньориальных городов Чехии XIII века.

Ключевые слова: средневековые города Чехии. Гавличков Брод, городское право.

Charter of privileges of German (now Havlickova) Brod (1278)

Readers are invited to publish the privileges issued on 8 June 1278 Bohemian city Havličkov Brod his seniors — the brothers Henry, Silom, Ulrich and Raimund of Lichtenburg, which is the most extensive of extant privileges of Liege Bohemian towns of the thirteenth century.

Key words: medieval city of the Bohemia, Havličkov Brod, municipal law.

Публикуемый памятник истории чешского Средневековья связан с начальными страницами истории города Гавличков Брод, расположенного в краю Высочина. Сегодня это небольшой город с населением 24 тысячи человек, однако он обладает богатым историческим наследием¹.

Нынешнее название город получил в 1945 г. в честь своего знаменитого уроженца Карела Гавличека-Боровского (1821 — 1856) — видного политического деятеля, поэта, публициста, одного из основоположников чешской журналистики и литературной критики.

Ранее город назывался Немецким Бродом. Это название само по себе является историческим памятником: каждое из составляющих его слов напоминает о двух важнейших периодах ранней истории города.

Первое поселение возникло здесь на рубеже IX и X веков как перевалочный пункт на трассе дальней торговли, связывавшей Чехию и Морави, в районе брода через реку Сазаву.

Превращение брода на Сазаве в Немецкий Брод было связано с немецкой колонизацией, развернувшейся в чешских землях с первых десятилетий XIII века. В середине XIII века Высочина оказалась в сфере пристального интереса немецких колонистов, поскольку здесь были обнаружены месторождения серебра. В отличие от большинства горных городов Чехии оформление Брода в качестве самоуправляющейся городской общины было связано не с покровительством королевской власти, а с усилиями видного представителя чешской аристократии, потомка древнего рода Роновцев — пана Смила из Лихтенбурга (Лихнице) (1220 — 1269).

Пан Смил входил в ближайшее окружение короля Вацлава I (1230 — 1253), особое расположение которого приобрёл в 1249 г., когда во время поднятого старшим сыном короля Пржемыслом Оттокар ом мятежа решительно поддержал Вацлава I. В знак благодарности король назначил Смила из Лихтенбурга на должность верховного пражского бургграфа — главы административного и судебного управления королевства, а в 1251 г. пожаловал ему обширные земельные владения в Высочине, включая местность в районе брода через Сазаву. Тогда же Смил решил основать город, который с момента основания пользовался правами самоуправления на основе немецкого городского права.

Среди основателей и первых жителей города преобладали немцы. Поэтому город, первоначально называвшийся Смиловым Бродом, стал в просторечии именоваться Немецким Бродом. С 1308 г. это название перекочевало на страницы официальных документов.

После вступления на королевский престол Пржемысла Оттокара II (1253 — 1278) Смилу из Лихтенбурга был отстранён от должности верховного пражского бургграфа, однако сумел сохранить свои земельные владения, включая Брод, являвшийся во второй половине XIII в. одним из крупнейших центров горной добычи в стране.

При жизни Смила Брод пользовался правом стапля, т.е. обязательного выставления на продажу провозимых через город товаров на условии их первоочередного приобретения местными купцами. Право стапля ставило город в привилегированное положение, создавая условия для превращения его в крупный торговый центр. После смерти Смила (в 1269 г.) Пржемысл Оттакар Потменил это право, передав его расположенной неподалёку, в пределах той же Высочины Йиглаве, идя навстречу просьбам местных бюргеров, а также стремясь ослабить позиции наследников Смила — панов из Лихтенберга — в борьбе за укрепление королевской власти и обуздание своеволия панов.

Однако в 1278 г., после трагической гибели Пржемысла Оттокара II, решением тогдашнего регента Чешского королевства Оттона

Бранденбургского право стапля было возвращено Броду. Тогда же бюргеры Брода добились от сыновей Смила — Генриха, Смила Младшего, Ульриха и Раймунда — издания грамоты привилегий.

Привилегия Немецкого Брода не принадлежит к числу древнейших городских привилегий Чехии. Однако она представляет большой интерес в силу двух обстоятельств. Во-первых, это одна из первых дошедших до нас и к тому же наиболее обширная из грамот привилегий, пожалованных сеньориальным (панским) городам Чехии в XIII веке. Во-вторых, привилегия содержит ряд важных предписаний горного права — правовых установлений, призванных регулировать отношения, возникавшие в ходе разведки и добычи серебра между землевладельцем и горняками (старателями и горными предпринимателями), с одной стороны, и между последними — с другой.

Перевод грамоты привилегий Немецкого Брода выполнен по изданию: *Codex juris municipalis regni Bohemiae / Ed. J. Celakovsky. Praga, 1895. Т. II. № 23. Р. 61-71.*

Людские деяния и согласие между смертными (*gesta siue passio mortalium*) могли бы терпеть ущерб (*detrimentum pati poterunt*), если бы не подкреплялись (*nisi roborantur*) нерушимой силой письменного слова (*litterarum*) и свидетелей (*testium*). Поэтому мы (*Nos igitur*), Генрих, Смил и Ульрих, а также Раймунд (*Heinricus, Zmiloet Vlricus necnon Reimundus*), единокровные братья (*germane siue fratres²*), желаем, чтобы было известно нынешним и будущим, которые увидят настоящую грамоту (*presens scriptum*), что мы, внимая многочисленным и настоятельным просьбам (*preces affectuosas et assiduas*) наших дорогих бюргеров в Броде (*dilectorum ciuium nostrorum in Broda*), жалуем им на вечные времена ради их общего блага нижеследующие свободы и права (*libertates et iura*), которыми со старых времён (*ex antiquo*) они были наделены счастливой памяти дорогим господином и отцом нашим Смилом (*dilecto domino et patre nostro Zmilone*), а также другими благословенными нашими предками. Именем последних мы даруем нашим бюргерам и их потомкам по нашей милости эти права и свободы, дополненные и улучшенные (*aucta et emendata*), и при этом вручаем им настоящую грамоту, скреплённую оттиском нашей печати (*sigilli nostril caracere consignita*).

Если кто-либо будет уличён в изнасиловании (*si quis pro violacione conuictus fuerit*), он должен быть обезглавлен (*decollabitur*). Уличение же происходит таким образом (*tali modo*): если будет обесчещена девушка или изнасилована женщина (*si fuerit virgo deflorata siue mulier violata*), пусть она представит одного свидетеля, [если это произошло] в поле (*in campo*) и двух свидетелей, [если это произошло] в городе (*inciuitate*). Если же девушка или женщина обратится с жалобой на изнасилование и не будет иметь свидетелей, но будет при этом вся в крови (*sanguinolenta*) и в разодранной

одежде (*vestibus laniata*), пусть обвиняемый (*incusatus*) оправдается двумя надёжными свидетелями (*duobus testibus ydoneis*). Если же она не будет окровавлена, а её одежда не будет разорвана, обвиняемый может сам (*solus*) оправдаться посредством принесения клятвы на кресте (*in cruce*). Если же он будет уличён, то пусть сначала удовлетворит претензии пострадавших (*inimicis primo piacatis*), а затем заплатит судье пять марок серебром³ (*judici satisfaciatur in quinque marcas argenti*).

(2). Также (*Item*), если кто будет уличён во вторжении в чужой дом (*pro invasione domus*), должен быть обезглавлен. Уличается он таким образом: двумя надёжными свидетелями (*testibus duobus ydoneis*), соседями (*vicinis*) пострадавшей стороны, с обеих сторон дома (*ex utraque parte domus*). Если кто не сможет иметь свидетелей по уважительной причине (*causa obstante legitima*), пусть представит живущих на другой стороне улицы (через дорогу: *trans viam*) [двух] других почтенных бюргеров города (*alios honestos ciues ciuitatis*) или одного присяжного (*sive vnum juratum*), и эти свидетели должны принести присягу на кресте. Сначала — преступник (*inuasus*), затем каждый из свидетелей, далее — присяжный, согласно существующему праву. Если же преступник будет убит на месте (*ibidem interfectus fuerit*), он, даже будучи мёртвым, должен быть обезглавлен (*quamuis mortuus, decollabitur*). Если же кто будет уличён, он должен удовлетворить пострадавших и судью точно так же, как было указано выше (*vt supra*).

(3). Также, если кто будет обвиняться в убийстве (*qui accusatus fuerit pro interfectio*), то, если оно было совершено во время поединка (*si duello*), может оправдаться у тела убитого, доставленного на заседание суда шестью свидетелями или одним присяжным (*sex testibus sive vno jurato*). Если же присяжный присоединится к обвинению, он будет считаться виновным (*Si autem jurato incusatur, reus erit*). А если ни присяжным, ни поединком он не был признан виновным, может оправдаться сам принесением присяги (*Si vero nec jurato nec duello incusatur, solus iuramento expurgabitur*).

(4). Также, если кто пожелает искупить вину за совершённое убийство (*emendare uoluerit pro interfectio*), пусть сначала удовлетворит пострадавшую сторону, а затем заплатит три марки судье (*judici tres marcas soluet*). Если же кто-либо из гордости (*pre superbia*) пожелает защитить свою честь с помощью поединка (*duello se excusare uoluerit*) и вступит на поле поединка (*ad pugnandum circulum*⁴), пусть заплатит четыре марки. Если кто-либо будет биться на поединке (*Si aliquid pugnaverit*), пусть сначала удовлетворит пострадавшую сторону, а затем заплатит судье пять марок (*quinque marcas dabit iudici*).

(5). Также, если кто-либо ранит другого или вознамерится нанести рану (*vulnerauerit vel vulnerare uoluerit*), а тот, защищаясь (*se defendo*), наоборот (*contrario*), ранит или убьёт его, пусть не предстаёт перед судом, если будет оправдан надёжными свидетелями, сеньором города (*hospite*⁵ *civitatis*) или двумя другими достойными мужами бюргерами (*duobus ciuibus*

viris ydoneis). Если этот гордец (*ille superbus*) ранит кого-либо и будет признан виновным, ему следует отсечь руку (*manu truncabitur*). Если же он совершит убийство, пусть будет обезглавлен, но прежде изобличён свидетелями. Если он пожелает искупить свою вину, пусть сначала удовлетворит пострадавшую сторону, затем судью, как было указано выше (*ut supra*).

(6). Также если кто-либо будет обвиняться в заседании суда в изнасиловании девушки или женщины, вторжении в чужой дом, убийстве (*homicidio*) или в чём-то подобном, и при этом не сможет оправдаться определёнными в вышезаписанных статьях показаниями свидетелей, пусть отдаст в качестве наказания (*in pena*) судье LX солидов (*solidorum*), пострадавшей стороне — XXX солидов, каждому из присяжных (коншелов) — по XV солидов без какого-либо послабления (*nichil relaxandum*). Если же кто предъявит другому обвинение по вышеуказанным статья без показаний свидетелей, то ответчик (*respondens*) может оправдаться одной рукой (*se vna manu expurgabit*), а истец (*actor*) также не понесёт никакого наказания (*nulli pene subiacebit*).

(7). Также если кто ранит или убьёт кого-либо и, вызванный к судье по закону (*a iudice legitime vocatur*), ударится в бега (*fugam dederit*), не желая предстать перед судом, пусть будет объявлен вне закона (*proscribatur*). Однако его имущество не должны забирать ни судья, ни министр ⁶ (*nec iudex nec magister monetae*). Если он не пожелает вернуться, то пусть его жена и дети (*vxor ejus et pueri*), продав своё имущество, уходят из города вслед за ним (*ipsum sequentur*). Если же он не будет иметь жены и детей, пусть его имущество наследуют ближайшие родственники (*proximi heredes*) без всякого препятствия (*impedimento*). Если же у него не окажется наследников, с вышеуказанным имуществом следует поступить согласно решению присяжных (*secundum consilium iuratorum*).

(8). Также никто не может вызывать другого на поединок (*nemo aiquem duello potest incusare*), если только присяжные не видели мёртвого или рану (*mortuum aut vulnus*).

(9). Также, если кто-либо ранит другого и скроется в чём-либо доме (*et fugam dederit in domum aliquam*), пусть друзья раненного (*amici vulnerati*) не врываются в этот дом без судьи и присяжных (*sine iudice et iuratis*), но, стоя перед домом (*stando ante domum*), пусть пошлют за судьёй и ищут поручителей (*fideissores*). Если скрывшийся в доме не будет иметь поручителей, пусть он будет передан судье. Если же кто-либо безрассудно (*temerarie*) ранит этого недруга, то дело следует передать судье как вторжение в чужой дом и вынести такое же наказание, как было указано выше (*vt supra*). И если тот, в чей дом прибежит [ранивший другого], силой (*potenter*) или каким-либо другим хитроумным способом (*aut aliquot subtili modo*) доставит к его судье, пусть тот не уходит до тех пор, пока на представит трёх надёжных свидетелей (*tribus ydoneis testibus*), готовых его

защищать; и пусть лучше он с помощью двух (сам-третий: *mettercius*) свидетелей докажет свою невиновность (*suam innocenciam*), чем будет изобличён.

(10). Также если кто нанесёт другому пять или шесть ран (*quis aliquem vulneravit quinque aut sex vulneribus*), пусть отвечает поединком только за одну рану (*solo tantum duello respondit*), за остальные пусть отвечает присягой (*iuramento*). Если же за раны его будут обвинять другие, то сколько будет таких людей, столько раз ранивший будет отвечать поединками (*quot sunt persone, tot duellis respondebunt*).

(11). Также, если кто выдвинет обвинение кому-либо в убийстве, пусть в первый день объявит имя обвиняемого (*primo die incusatum proclamabit*), а на второй день пусть состоится суд. Если обвиняемый не явится на суд, пусть истец вторично назовёт его имя (*iterum eum proclamabit*). И если обвиняемый не явится на суд на третий день, пусть он будет объявлен вне закона (*proscribatur*).

(12). Также, если кто выдвинет кому-либо обвинение за раненного друга (*pro vulnerato amico*), пусть имеет в распоряжении три дня. Но если на третий день он не приготовится к суду⁷ (*si tercio die non comparuerit*), пусть будет объявлен вне закона (*proscribatur*).

(13). Также если кто будет объявлен вне закона, тот пусть не получает прощения в течение года (*infra anni spatium*). Если же он удовлетворит противоположную сторону и по истечении года (*anno transacto*) пожелает получить прощение у судьи, пусть заплатит за убийство три марки (*tres marcfs*), за рану которая называется *lemde*⁸, — две марки, за рану, нанесённую на поединке — одну марку, пусть также заплатит одну марку присяжным (*iuratis vnam marcam*).

(14). Также, если кто будет выступать в качестве поручителя в деле об убийстве (*pro homicidio fideiussor*), он должен иметь [имущество стоимостью в] тридцать марок внутри городских стен (*debet habere triginta marcarum infra municionis ciuitatis*). Если же тот, за кого было сделано поручительство, убежит (*subterfugerit*), пусть поручитель удовлетворит противоположную сторону тридцатью марками, а судью — пятью марками. И пусть ему будет запрещено выступать в качестве поручителя (*ille vero proscribatur ex parte fideiussoris*).

(15). Также, если кто будет выступать в качестве поручителя в деле о ранении на поединке (*fideiusserit pro vulnere duellari*), и, тот, за кого он ручался, убежит (*subterfugerit*), пусть удовлетворит противоположную сторону десятью марками, а судью — тремя марками. Если объявленный вне закона пожелает вернуться, пусть в установленное время удовлетворит противоположную сторону и поручителя и вернёт себе целым и невредимым бюргерское право (*saluo iure civium sane reuertatur*).

(16). Также, если кто нарушит мир в рыночный день (*quicumque rescem in die forensic violauerit*), пусть потеряет руку (*manu truncabitur*) или заплатит

в качестве наказания десять марок, имея двух или трёх свидетелей (*duorum vel trium testium*). Из названных денег пусть две части достанутся судье, а третья часть — присяжным (*de predicta pecunia cedent duo partes iudici, iuratis vero tertia*).

(17). Также, если кто будет обвиняться в краже (*si quis accusatus fuerit pro furto*), и истец сам не пожелает его уличить (*conquerens ipsum convincere poluerit*) и, накинув ему на шею петлю (*collo suo quinquam ligatum*), доставить к судье, пусть он таким образом отвечает на обвинение: если он будет обвиняться по этому поводу впервые (*prima vice incusatus*), то может оправдаться рукой⁹ (*se manu poterit expurgare*), если по этой же причине будет обвиняться вторично (*secunda vice in casu simili accusatus*), сможет оправдаться с помощью двух свидетелей (сам-третий: *mettercius*), если по той же причине будет обвиняться в третий раз, пусть оправдается шестью свидетелями (сам-седьмой: *metseptimus*). Если же он будет обвиняться в четвёртый раз (*si quarta vice*), пусть понесёт наказание за воровство без всякого снисхождения (*omni postposita occasione furis sententiam paciatur*).

(18). Также, всякий заслуживающий доверия человек (*omnis homo fideidignus*), ни разу не обвинявшийся в совершении какого-либо преступления (*nullius vici passus improperium*), который будет обвиняться в убийстве или по какой-то другой причине, пусть лучше оправдается достойными людьми (*melius se cum probis hominibus expurgabit*), чем будет осуждён, кроме поджигателей, фальшивомонетчиков и прелюбодеев (*preter incendiaries et monetarios et adulteros*), совращающих своих сожительниц от их законных мужей, которые пусть будут лучше осуждены, нежели будут защищаться людьми (*qui potius conuincuntur, quam cum hominibus se defendant*).

(19). Также, если кто-либо будет уличён в таком преступлении, которое карается телесным наказанием (*quicumque de aliquot crimine conuictus, quod pertinet ad dampnationem corporis*), и решением судьи и бюргеров будет освобождён от него за деньги (*de consensus iudicis et civium liberates fuerit pecunia*), пусть в будущем лишится права занимать [городские] должности (*ulterius iuris careat honore*). Если же после этого он будет обвиняться в каком-либо другом преступлении, пусть будет повешен (*suspendatur*).

(20). Также, если кто-либо будет обвиняться в укрывательстве вора (*si quis pro hospitalitate furum accusatus fuerit*), в первый раз может оправдаться одной рукой (*prima vice vna se manu expurgabit*), если он будет обвиняться вторично, пусть оправдается двумя свидетелями (сам-третий: *mettercius*). Если же он будет обвиняться [по этой причине] в третий раз, пусть понесёт наказание, как вор (*sententiam furis paciatur*).

(21). Также, ни министр, ни судья (*nec magister monetae nec iudex*) не должны без присяжных (*sine iuratis*) искать фальшивые денарии (*falsos denarios*) или украденные вещи (*furtum*) ни в поле, ни в домах (*nec in campo nec in domibus*).

(22). Также если кто будет продавать серебро, смешанное с медью или свинцом (оловом) (*argentum cupro aut stagno*¹⁰ *mixtum*), тот пусть понесёт наказание как фальшивомонетчик (*pene falsarii subiacebit*). Из вышеназванного же металла (сплава) (*de predicto autem falso*) пусть две части достанутся судье, а третья — присяжным. Если кто-либо будет в установленном порядке (*rationalibiter*) задержан с фальшивыми денариями, должен быть сожжён без всякого исключения (*omni semota occasione pene ignis subiacebit*).

(23). Также, если кто-либо из иноземных купцов (гостей) (*quicumque hospitum*), остановившихся на постой в доме у кого-либо из бюргеров (*in domibus buegensium hospitati*), будет задержан с золотом, серебром или фальшивым денарием (*et si in auro vel argento vel in falso denario deprehensi fuerint*), пусть они будут сожжены в городе или в поле (*in ciuitate vel in campo pene ignis subiacebunt*). Если же этот фальшивомонетчик (*falsarius idem*) по чьему-то наущению предложит хозяину, в доме которого он остановится (*professus fuerit hospitem suum, in cuius domo mansit*), спрятать какую-то часть этого фальшивого серебра (*de eodem falso aliquam partem reseruasse*), пусть судья в сопровождении присяжных (*iudex assumptis iuratis*) войдёт в дом вышеназванного бюргера или вызовет его к себе и спросит (*ad se vocato dicat*): признаёт ли он, что вышеназванный фальшивомонетчик оставил у него на хранение часть фальшивого металла (*partem eius dem falsi*).

И если этот бюргер, опрошенный в установленном порядке (*racionabiliter*) о вышеуказанном и признает, что имеет у себя на хранении эту часть денег (*eandem partem pecunie in custodia*), пусть не понесёт никакого наказания (*immunis erit ab omni pena*). Но если он будет это отрицать, и искомая часть денег будет у него обнаружена (*et pars pecunie eisdem quesita apud eum inventa fuerit*), пусть понесёт наказание, как фальшивомонетчик (*pene falsarii subjacebit*), будто эти деньги были фальшивыми; если же деньги окажутся полновесными (чистыми) (*si autem munda*), пусть он уплатит штраф в LX солидов. Если же в отсутствие бюргера будет опрошена хозяйка (*si vero burgense absente hospita quesita erit*) и даст отрицательный ответ на вопрос, пусть права хозяина сохраняются в целостности и сохранности (*saluo iure hospitis immunis permanebit*).

(24). Также, за судебное разбирательство относительно ранения на поединке — одна марка (*pro vulnere duellari iusticia iudicis est vna parca*), за ранение, которое называется *lemde* — две марки (*due marce*), за поединок — как определяют присяжные (*pro duello si quo modo iurati deliberauerunt*).

(25). Также, если кто будет иметь какую-нибудь меру веса (*pondus*) более тяжёлую или более лёгкую, чем в монете (*siue grauius siue leuius quam in moneta*), пусть у него будет отсечена рука или пусть он уплатит штраф в X марок (*manu truncabitur aut pene X marcarum subiacebit*). Также, если кто будет уличён в том, что имеет фальшивый локоть¹¹ (*falsa ulna*) или меру, которая называется (*mensura, que dicitur*) *strich*¹², пусть либо потеряет руку, либо

уплатит штраф в X марок, при этом две части штрафа полагаются судье, а третья часть — присяжным (*tercia cedet iuratis*).

(26). Также если кто обнажит (вынет из ножен) свой меч перед присяжными (*qui gladium coram iuratis euaginauerit*), пусть незамедлительно уплатит половину марки судье (*solute mediam marcam iudici absolute*).

(27). Также, со всех мечей, которые в установленном порядке взыщет судья, пусть третья часть всегда отходит городу (*de omnibus gladiis, quos acceperit iudex racionabiliter, semper tercius cedet ciuitati*).

(28). Также, если кто из присяжных будет виновен в каком-либо преступлении, пусть понесёт такое же наказание, как и другой человек (*si quis juratorum culpabilis fuerit pro aloquo excess, sicut alter homo punietur*).

(29). Также, если двое [одновременно] будут обращаться с жалобой к судье (*si duo properauerint ad conquerendum iudici*), то тот, кто первый пришёл к дому судьи и заявит о ней возле дома, тот будет считаться первым истцом (*qui primum ad domum iudicis familie pronunciauerit, primam querimoniam optinebit*), даже если (*quamuis*) второй подаст жалобу на горе магистру гор¹³ (*in monte coram magistro montis*) или судье на рынке, на дороге или в чьём-либо доме (*vel iudicem in foro, vel in via vel in quacunq[ue] domo*). Только если он войдёт в собственный дом судьи, то, согласно установленному порядку, будет иметь преимущество (*Preterquam in propria inuenerit, ille tamen optinebit racione iuris precedente*).

(30). Также, если кто из-за чьей-то жалобы будет доставлен к судье и не будет иметь поручителей (*qui pro aliqua querimonia iudici presentatus fuerit, et fideissores non habuerit*), пусть, находясь в заключении, не отвечает по поводу других жалоб (*infra captiuitatem pro aliis querimoniis nulli respondebit*).

(31). Также, если кто-либо выдвинет против другого обвинение в убийстве или нанесении раны во время поединка (*pro homicidio vel pro vulnere, quod cedit ad duellum*), и истец не сможет обосновать своё обвинение (*et conquerens in eum probare non poterit*), пусть он удовлетворит судью LX солидами и каждого из присяжных XV солидами и будет назван свободным (*et liber dicatur*).

(32). Также за каждые LX солидов пусть судья удовлетворяется половиной фертона¹⁴ в мелких делах (*pro quibuslibet LX solidis iudex placabitur in dimidio fertone in minoribus causis*), и если ответчик на месте выплатит положенную сумму, пусть ему будет позволено уйти, если же нет, пусть найдёт поручителей (*fideissores*). Если же и через XIV дней судья не будет удовлетворён, пусть штраф за вышеназванное преступление не удваивается и не утраивается (*pena predictae culpe non duplicetur nec triplicetur*), но судья соберёт присяжных и пусть их удовлетворят истец или поручители. Если же кто-либо проявит неповиновение в исполнении вышеназванных статей (*quicunq[ue] autem in predictis articulis rebellis extiterit*), пусть заплатит в качестве наказания LX солидов судье и по XV солидов каждому из присяжных, не надеясь на милость (*gracia non sequente*). Если же это

неповиновение будет выражено обнажённым мечом или нанесённой раной, пусть преступник будет наказан не денежным штрафом, а отсечением головы (*non pecunie pena, sed capite truncabitur*).

(33). Также, все статьи, которые требуют присяги на кресте, должны неуказательно исполняться (*omnes articuli in cruci confirmandi holunge optinebunt*).

(34). Также, если кто будет обвиняться в суде, то в том случае, если истец или ответчик будут выступать под чужим именем (*nisi sub iusto nomine conquerentis vel respondentis*), ответчик не сможет по этой причине быть освобождён (*respondens propterea liberari non potest*), а его судебный защитник (адвокат) (*aduocatus*) будет наказан малым штрафом, а именно — XIV денариями. Если же под чужим именем будет выступать истец¹⁵, пусть он понесёт вышеназванное наказание, но при этом сохранит своё право (*salvo tamen iure suo*).

(35). Также, под каким бы именем ни пожелает выступать в суде ответчик, пусть под этим именем рассматривается его тяжба (дело) (*sub quocunque nomine respondens respondere voluerit, sub eodem nomine causa finiatur*).

(36). Также, если кто будет привлекать другого к судебному разбирательству из-за малого или большого долга (*pro debitis paruis aut magnis*), и ответчик будет признан виновным (*respondens confessus fuerit*), пусть он располагает сроком в XIV дней для возвращения этого долга (*spacium XIV dierum ad soluendum eadem debita obtinebit*). Если он не вернёт долг [в указанный срок], пусть имеет в распоряжении ещё три дня. Если же и тогда не вернёт долг, пусть без всяких отговорок на четвёртый день в присутствии судьи заплатит штраф кредитору и судье, а именно — половину фертона (*omni semota occasione quarto die iudice presente debita persoluet creditori et iudici penam, videlicet dimidium fertonis*).

(37). Также, если кто, оставленный в пренебрежении нашим судьёй и судом нашего города (*spreto iudice nostro et iudicio ciuitatis nostre*), подаст нам на это жалобу, пусть заплатит нам, судье и присяжным X талантов (*in X talentis respondebit*). И если судья и наши присяжные отказали кому-либо в отправлении правосудия (*si iudex et iurati nostril alicui iusticiam negaverunt*), в этом случае ему следует искать справедливости у нас (*coram nobis oportet querelari*), и этот судья с присяжными пусть заплатит нам X талантов.

(38). Также, если кто из-за множества гостей (*propter multitudinem hospitum*) или по какой-либо другой причине ломает (нарушит) (*infregerit*) меру зерна (*mensuram rabuli*) или вина или какой-либо другой продаваемой вещи и будет в этом уличён, пусть заплатит судье X талантов.

(39). Также, если кто будет передан глашатаю (*preconi presentetur*) и останется у него ночевать, пусть заплатит глашатаю XIV денариев и из своих вещей ничего больше не отдаёт (*de rebus suis nichil amplius accipiet*). Если же

он не останется у глашатая на ночлег, пусть отдаст только VI денариев (*tantum VI denarios*).

(40). Также, если кто будет схвачен за поджог (*pro incendio si quis captus fuerit*), пусть погибнет в огне (*igne peribit*). Если же он совершит поджог и скроется с места преступления (*recesserit*), а затем будет задержан, то если он ранее угрожал поджогом, должен быть уличён VII мужами (*cum VII viris conuenietur*). Если же он явится в суд, то может оправдаться шестью свидетелями (сам-седьмой: *metseptimus*). Если же он будет схвачен при попытке к бегству (*in fuga*), пусть будет уличён VII мужами.

(41). Также, если кто совершит кражу во время пожара (*si quis infra incendium furtum commiserit*) на сумму LX денариев и больше (*valens LX denarios*), должен быть повешен (*suspendatur*). Если кто, совершая поджог, ранит другого (*si quis facto incendio aliquem vulnerauerit*), пусть будет уличён тремя свидетелями и обезглавлен (*decollabitur*). Если же кто во время пожара попытается обнажённым мечом нанести рану другому (*si quis vero evaginato gladio infra incendium vulnerare voluerit*), пусть будет уличён двумя свидетелями и потеряет руку (*manu carebit*).

(42). Также, если кто будет угрожать другому поджогом в присутствии почтенных мужей, которые это услышат (*coram honestis viris, qui audiunt*): тот, кому он будет угрожать, если пожелает (*si vult*), может уличить ответчика двумя свидетелями (сам-третий: *mettercius*). Если же он не пожелает [сделать это], так как, возможно, не услышит [угроз] (*quia forte non audiuit*), может уличить его сам с помощью трёх других мужей (*per alios tres viros*), которые услышат угрозы.

(43). Также если кто даст другому в сердцах пощёчину или ударит другого по зубам (*qui alicui alapam indignanter dederit vel ad dentes percusserit*), пусть будет уличён тремя свидетелями и уплатит марку пострадавшему, марку — судье и половину марки присяжным (*juratis dimidiam marcam*).

(44). Также, если кто-либо, имея законную жену, возьмёт другую в чужой стране и будет уличён, должен быть обезглавлен (*si quis, habens lrgitimam, in alia terra aliam superduxerit, conuictus decollabitur*).

(45). Также, если чьи-либо сын или дочь совершат преступление и будут объявлены вне закона, то после смерти [отца] они не получают положенной им части имущества (*post mortem parentum de bonis suis nichil habebunt*).

(46). Также, ни один сын, слуга или друг, который кормится хлебом другого человека¹⁶ (*nullus hominis filius, seruus uel amicus, qui suo uescitur pane*), не может проиграть больше, чем имеет при себе (буквально: под своим поясом (*sub cingullo suo*)). И если кто выигрывает у него больше, пусть ничего не получит (*et qui plus in ipso aliquot ludo lucrabitur, nichil habebit*).

(47). Также, если кто с помощью фальшивых костей или другого обмана (*cum falsis tesseribus vel cum aliquot falso*) выигрывает что-либо у другого и будет уличён двумя свидетелями, пусть проигравший ничего ему не

отдаёт, а уличённый будет считаться после этого обманщиком и заплатит судье X солидов (*et habebitur amplius pro deceptores et iudici in X solidis respondebit*).

(48). Также, если кто попытается вернуть украденного коня (*equum*) через суд, который называется *anevanc*¹⁷, пусть заплатит судье XXX денариев. Если же ответчик скажет, что он купил коня у другого [человека] и согласится привести его [для разбирательства], которое в просторечии называется *schieben*¹⁸, пусть оно совершится в тот же день (*tamdiu*), и когда настоящий продавец придёт, пусть истец согласно праву получит своего коня. Кто пожелает вернуть своего коня таким способом (*qui sic eequum suum optinere voluerit*), пусть принесёт присягу на коне сам с двумя своими соседями (*cum duobus vicinis suis iuramento super eequum facto optinebit*); если он окажется бюргером, пусть принесёт такую присягу с одним из бюргеров того же города и другим добропорядочным человеком (*si fuerit ciuis, cum solo suo conciuie et alio probo viro*) сам-третий (*mettercius*).

(49). Также, если кто нанесёт другому рану, которая называется *blutrunst*, в суде (*in iudicio*), пусть заплатит пострадавшему (*leso*) половину марки, судье — LX солидов и присяжным — XV солидов.

(50). Также если кто будет обвиняться в соучастии в преступлении, совершённым убитым (*si quis pro volleist alicuius interfecti incusatus fuerit*), может сам оправдаться присягой на кресте (*solus se in cruce expurgabit*). Если же он признает свою вину, пусть заплатит марку истцу, а судье и присяжным — половину марки.

(51). Также, если кто в дневное время (*diurno tempore*) будет вывозить с чужого поля снопы какого бы то ни было зерна (*manipulos cuiscunque segetis*) насильственно или воровским манером (*violenter vel furtim*) и будет схвачен, пусть заплатит хозяину поля фертон и судье половину фертона. Если же он будет схвачен, занимаясь этим, ночью (*nocturno tempore*), пусть будет предан суду как вор (*pro fure iudicabitur*).

(52). Также, если кто будет схвачен на лугу (*in prato*) ночью или днём (*nocte vel dio*), пусть будет доставлен к судье или на суд (*ad iudicem vel ad iudicium*) и незамедлительно (*statim*) изгнан из города без побоев и толчков (*nec ictibus nec iactibus*), и пусть не будет иметь права вернуться в течение года (*infra annum non reuersurus*). Если же кто будет задержан с конём, нагруженным сеном (*cum pondere graminium*), пусть заплатит судье целый фертон, а истцу — половину фертона (*iudici respondebit in lotone et lesio in dimidio fertone*).

(53). Также, никто из панов, паншей, рыцарей, земанов или дворян (*nullus baronum vel nobelium aut militum aut prouincialium siue curialium*), если он осмелится учинить в нашем городе по отношению к кому бы то ни было насилие или грабёж (*violenciam vel presumptionem*), пусть не будет схвачен без ведома нашего судьи и присяжных (*nec capiat sine scitu iudicis nostril et iuratum*).

(54). Также, всякий человек, находящийся в здравом уме (*quilibet homo sui conpos*), пусть делает со своим имуществом всё, что пожелает, как бы ни возражала его жена и как бы ни противились дети (*cum bonis suis faciet quidquid vult, quamuis vxor sua contradicat et pueri reclamant*).

(55). Также, для согласия и блага мира в этом нашем городе пусть будет только один судья и не больше (*propter concordiam et bonum pacis vnus tantum erit iudex in eadem nostra ciuitate et non plures*).

(56). Также, если присяжные рано утром (*in maniloquio*) будут предъявлять кому-либо обвинение, а судья не пожелает творить с ними суд (*et si iudex iudicare noluerit*), пусть присяжные будут невиновными, а виновным будет судья (*iudex erit in culpa*).

(57). Также если кто, отягощённый долгами, окажется не в состоянии расплатиться своим движимым имуществом (*non valens rebus mobilibus persolvere*) и будет иметь наследника, то свяжет его долговым обязательством; пусть кредитор в течение шести недель трижды заявит в суде этому наследнику (*infra sex septimanas coram iudicio eandem hereditatem ter proclamabit*) [о долге], и если после третьего напоминания наследник не заплатит долга, пусть судья передаст ему наследство в держание на год и один день (*iudex sibi ad annum et ad vnum diem tenendum presentabit*). Если в течение этого срока кредитор не присвоит себе какую-то часть наследства (*nullum inde fructum percepit*), пусть судья передаст ему наследство в собственность (*iudex sibi eam proprie subjagabit*). Если же он присвоит какую-то часть, пусть владеет наследством до того дня, когда должник заплатит долг (*tam diu tenebit, donec debitor liberabit*).

(58). Также, если к кому-либо будет за руку приведён от судьи (*cum manu per iudicem fuerit presentatus*) должник, пусть кредитор содержит его надлежащим образом (*in temperato*): не в холоде и не в излишней жаре (*nec frigore nimio nec calore*), и пусть даёт ему четверть хлеба, купленную на один денарий и чашу воды (*et pascet eum quarta parte panis pro denario empty et cirho aque*). Если же должник убежит из этого заключения, в каком бы месте не найдёт его кредитор, пусть в соответствии с правом задерживает его. Если же должник покинет заключение с согласия кредитора (*si autem cum suo consensus captiuitatem evaserit*), согласно праву пусть не будет обязан выплачивать долг, если только сам этого не захочет. Если же должник пожелает, то может в дальнейшем принесением присяги освободиться от этого долгового обязательства (*se postmodum expurgabit pro eodem debito*).

(59). Также все горы (*omnes montes*)¹⁹, которые были найдены (*inuenti fuerint*) в наших наследственных владениях и на землях наших рыцарей и других людей (*in hereditate nostra et in bonis militum et aliorum hominum nostrorum*), пусть принадлежат этому городу и нашим бюргерам (*ad eandem ciuitatem et ciues nostros pertineant*) согласно измерениям и с полным правом (*cum mensural et iure totali*), исключая (*preterquam*) [горы] в трёх наших городах, а именно в Слапанове (*Slapans*), Беле (*Bela*) и Хотеборже

(Chotebors), в которых все найденные горы были отмерены и получены [бюргерами] как собственные ланы (in laneas ipsorum), называемые в просторечии hueben. Пусть они владеют ими согласно измерениям и со всем правом (cum mensural et omni iure suo pertinebunt).

(60). Также, если кто дерзко войдёт в какую-либо корчму (presumptuose tabernam aliquam intrauerit), задумав затеять драку (gacione rixe), и там начнёт задираться ещё до того, как первый раз выпьет принесённое ему питьё (antequam potato sibi potu semel biberit), пусть будет предан суду как уличённый во вторжении в [чужой] дом (conuictus pro inuasione domus iudicabitur). Если же он, войдя в корчму, один раз выпьет заказанное питьё и после этого начнёт задираться (postea insolens fuerit), да не будет судим за вторжение в [чужой] дом (non iudicabitur pro inuasore domus).

(61). Также мы установили, что со всех отмеренных полей, принадлежащих нашему городу (de omnibus agris mensuratis, pertinentibus ad nostrum ciuitatem), следует выплачивать нам в качестве чинша (ценза) (pro censu) с каждого лана половину марки чистого серебра (de quolibet laneo dimidia marca puri argenti). Это те поля, которые принадлежат нашему городу, а именно Шенкендорф (Shenkeldorf), Грушенштайн (Hruschenstein), двор Вернера там же (curia Wernheri ibidem), двор Хаммана Руфа (curia Hammani Rufi), двор Генриха Бигушена (curia Heinrici Bihuschen), двор Пабона (curia Pabonis), один лан Эккехарда (vnus laneus Eccehardi), полтора лана Арнольда Ганховера (alter dimidius laneus Arnoldi Ganchower), четыре лана Вернера Этха (quatuor lanei Wernheri Etch), двор Конрада Альба (curia Cunradi Albi), поля господина Эберхарда старшего (agri domini Eberhardi aantiqui), двор Конрада Херштуля (curia Cunradi Herstul) и деревня под названием Пойва (et villa nomine Pojwa), двор Вернера в Веццеле (curia Wernheri in Wezzels) и двор Берона там же (et curia Beronis ibidem), Гобельсдорф с полями Клариици (Gobelsztorf cum agris Claricii), а именно три с половиной и половина четверти лана (scilicet quarto dimidio laneo et dimidio quartali), и двор Ульманна (et curie UImanni) и остаток Вильгельма (et relicte Wilhelmi), и один лан Лессгера (et vnus laneus Lesshers), и двор Райнольда в Герунгесдорфе (et curia Reinoldi in Gerungestorf).

Эти и все отмеренные и неотмеренные поля (agri mensurati et non mensurati), принадлежащие нашему городу, пусть будут нести повинности обязанности вместе с городом во всех налогах и других общественных службах (in omnibus collectis et aliis seruiciis communibus seruent cum ciuitate).

(62). Сверх того (Insuper), мы объявили все рыбные ловли свободными (omnes piscatores statuimus liberas), и если кто установит на них чинш (сделает их чиншевыми) (eas fecerit censuales), пусть уплатит три таланта (soluat tria talenta).

(63). Кроме того (Preterea), все прочие наследственные владения в городе или за его пределами (omnes alie hereditates siue in ciuitate siue extra ciuitatem), которыми обладают наши бюргеры, [а именно] дома (in domibus),

мельницы (*molendinis*), мясные и хлебные лавки (*macellis cranium siue panis*), помещения для мелочной торговли (*in apothecis institorum*) и земельные участки (*in ortis*)²⁰ пусть будут свободными от всякого чинша, исключая те случаи, когда возникнет необходимость для всего города (*cum in cumbit necessitas generalis*); тогда на основании решения присяжных следует своевременно (*oportune*) оказать помощь городу в налогах и других службах (*in collecta et in aliis seruiciis*).

(64). Также, если кто из рыцарей или слуг наших в чём-то провинится (*si quis de militibus aut de familia nostra excesserit*), пусть непременно будет доставлен в наше присутствие (*ad nostrum presenciam*), ибо, не нарушая права нашего судьи, мы желаем таковых судить лично (*personaliter*), вместе с нашими присяжными (*mediantibus iuratis nostris*). И если судья или наши присяжные или кто-либо из наших слуг будет оскорблён (*offensus*), ранен или убит (*lesus vel occisus*), мы желаем, не нарушая право судьи, вместе с присяжными лично творить суд по такого рода делам (*personaliter huiusmodi causam rite volumus iudicare*).

(65). Также мы желаем, чтобы никто не дарил какой-либо что-то из своей наследственной собственности (*hereditatem*) ради спасения своей души (*pro anime suo remedio*), но только из лёгких и движимых вещей (*sed solum de promptis et mobilibus rebus*). Всякий человек должен заботиться о спасении своей души в соответствии с тем, что даровал ему Бог (*vnusquique, prout deus sibi inspirauerit, pro salute anime sue debeat ordinare*).

(66). Также, если кто свою законную жену безжалостно (*contumaciter*) без веской причины (*sine causa legitima*) ранит или жестоко искалечит (*aliquot grauī modo leserit*) или убьёт, пусть будет судим светским судом. Если же кто провинится в вышезаписанных статьях из-за серьёзного преступления и по очевидной причине (*propter aliquem excessum grauem et causam euidentem*), такой, как разврат или прелюбодеяние и им подобного (*fornicacio, adulterium et his similia*), пусть будет судим духовным (церковным) судом (*coram iudicio iudicetur spiritali*).

(67). Если кто найдёт новую гору (*si quis inuenerit nouum montem*), пусть ему будет отмерено семь ланов (*mensurentur sibi septem lanei*), и с обеих сторон пусть будет отмерен госуподину королю один лан (*domino regi laneus*), затем господину Генриху (*domino Heinrico*) и его вышеназванным братьям, а затем присяжным, так же, как и королю, один лан (*laneus vnus sicut regi*).

(68). Тем, кто измеряет горы, пусть дадут четыре солида в качестве платы за измерение (*Mensuratoribus montis dabuntur quatuor solidi pro precio mensuracionis*).

(69). В праве измерения гор (*in iure mensurati*) мы желаем, чтобы то, что называется *inmehangenden*, состояло из трёх с половиной ланов, а то, что называется *inmeligenden*, — из одного лана одинаковой величины в высоту и глубину (*unum laneum, altitudinem et profundum in equali statura*).

(70). Если кто будет работать в таком месте, которое называется штольня (*quicumque laborauerit in eo, quod dicitur stollo*) и обнаружит руду (*et metallum inuenerit*), пусть ему будет отмерено семь ланов от этого места и право других гор (*septem lanei de ipso loco et ius aliorum moncium*); если же кто будет работать в штольне с согласия и ведома судьи (*ex consensus et de scitu iudicis*) и того, кто распределяет горы (*et illis, qui montes porrigit*), то пусть никто не смеет ему мешать²¹ (*nemo impedire presumat*) в пределах расстояния трёх с половиной ланов до него и после него (*per tres laneos et dimidium ante eum et post eum*).

(71). Если гора или штольня, которые были измерены (*si mons vel stollo*), окажется покинутой (*deserti relinquantur*), пусть в воскресенье (*di domonico*) публично (перед народом: *coram populo*) будет объявлено распоряжение о том, чтобы те, кому принадлежат там доли (*quorum sunt partes*), начали работать; если они не сделают этого, пусть по истечении XIV дней будет объявлено то же самое (*tranactis XIV diebus iterum proclametur*). Если и тогда они не начнут работать, то на шестое воскресенье пусть она будет передана под непосредственное управление господина короля (*pro iure domini regis detur*), если никто не пожелает взять эту гору за её четвертую, пятую, шестую или седьмую часть (*si nemo dictum montem pro quarta vel quinta vel sexta vel septimal parte suscipere voluerit*).

(72). Если такая гора будет создавать затруднения для другой горы из-за воды²² (*si quis alium montem per quam impedit*), пусть через три дня та гора, из-за которой возникли затруднения (*mons impedens*), будет передана той горе, которая затруднения испытывает (*impedito monti*), но прежде судья пусть трижды объявит об этом (*iudici ante ter pronuncciato*).

(73). Если кто с разрешения и ведома судьи будет работать там, что называется штольня (*si quis de consensus et scitu iudicis laborauerit in eo, quod dicitur stollo*), и на измеренной, но покинутой горе подойдёт к бюргерскому лану (*ad laneum burgensium*) без ведома хозяина, пусть право на разрешение прохода через такие ланы останется на усмотрении бюргеров (*in voluntate burgensium*).

(74). Если же он придёт туда с согласия бюргеров, пусть без всяких платежей и условий (*sine expensis absolute*) на полном праве (*saluo iure*) получит (*tenebit*) всё, что сможет добыть на глубине человека среднего роста, который не должен быть ни высоким, ни низкорослым (*sub mediocri honinis statura, qui nec longus nec breuis possit aduerti*), и его вытянутой руки (*longitudine manus*).

(75). Так же, если на таком лане раньше велись работы (*Ita si in predicto laneo fuerat prius laboratum*).

(76). Также, если кто внутри (буквально: в середине (*in medio*)) лана сумеет неожиданно (*subitus*) найти на глубине какое-то небольшое количество железа (*quidquid lucre ferro mediocri*), пусть возьмёт его себе без всякого препятствия (*ab omni impedimento*).

(77). Если же кто из бюргеров или кто-либо другой в дальнейшем пожелает воспользоваться своей штольной (буквально: посчитает необходимой (*stollonem suam necessarium habuerit*), пусть выплатит четвертую часть расходов [горняка] и владеет ею (*quartam partem expensis suis elaborabit et obtinebit*).

(78). Где бы ни будет находиться гора, подлежащая измерению (*ubicunque mons aliquis mensure adiudicatus fuerit*), нельзя пользоваться неправильной мерой, а именно бюргерским ланом, который равняется трём с половиной ланам. Пусть вышеназванная правильная мера новой горы берёт начало от границ ланов бюргеров (*in metis lanei burgensium sumet inicium*) и составляет VII ланов, а после этого следует отмерить два лана королю, два лана — господину Генриху с его вышеназванными братьями и два лана — присяжным.

(79). Если же новая гора, подлежащая измерению (*nouus mons mensure adiudicatur*), будет находиться между двух гор (*inter duos montes*) и будет использоваться правильная мера, пусть будут отмерены все ланы. Если после измерения останется какой-то излишек (*aliquid superfuerit*), то надлежит поступить следующим образом: если излишек окажется меньше двух ланов (*minus duobus laneis*), что называется *vbershar*, пусть он отойдёт в пользу присяжных (*ad vsus cedat iuratorum*). Если же излишек будет состоять из двух ланов и более, пусть им свободно владеют первооткрыватели (*inuentores*), которые ведут здесь добычу (буквально: работают (*laborant*), как и до проведения измерения (*mensura prius*).

(80). Если кто с разрешения судьи и того, кто распределяет горы (*per consensum iudicis et illius, qui montes porrigit*), начнёт разрабатывать штольную, а другой, спешно прибыв сюда (*superueniens*), рядом с его законной мерой, а именно тремя с половиной ланами, в другой штольне или в какой-нибудь яме первым найдёт руду (*per alium stollonem vel per quascumque foueam prior metallum inuenerit*), пусть первый представит свидетелей и знающих людей (*datis testibus et examinatis*), и получит меру в семь ланов.

(81). Если кто из первооткрывателей новой горы первым надлежащим образом представит руду и место её выхода на поверхность (*metallum et meatum debito modo iudici primus presentauerit*), никто в пределах одного лана до него и после него пусть не смеет вести разработки (*laborare presumat*). Если же кто вопреки этому установлению осмелится работать в пределах названной меры, пусть лишится всей прибыли от этой ямы (*omnis lucre illius fouee exprs permanebit*), а первый получит [на неё] полное право (*omnem iusticiam optinebit*).

Свидетели этого деяния (*Cuius rei testes sunt*): Галл из Липолитиц (*Gallus de Lipoliticz*), Буцлав из Зобидух (*Buzlaus de Zobiduch*), Юрсик из Еничова (*Jursicus de Jenicow*), Пётр из Гая (*Petrus de Hay*), Винтер из Махлео (*Wintherus de Mahleo*), Будислав из Круматшингена (*Budzlaus de*

Crumatshingen), Бенед из Марквартиц (Beneda de Marquarticz), Бенед из Длушина (Benek de Dlussin), Натшавой из Тупадель (Natshawoi de Tupadel).

Дано милостью [Божьей] в год тысяча двести семьдесят восьмой, в шестые иды июня.

Примечания

¹ О средневековой истории Гавличкова Брода см. подробнее: *Галямичев А.Н.* Чешский город Гавличков Брод: страницы средневековой истории // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность / Отв. ред. *С.Б. Крих.* Омск, 2018. Вып. 3. С. 17-23.

² Оба термина переводятся как «братья», но первый из них (germani) подчёркивает кровное родство.

³ Марка — первоначально, единица веса серебра или золота в средневековой Западной Европе, приблизительно равная 249 граммам. Затем — денежно-счётная единица. Марку составляли 20 солидов (нем. шиллингов), солид — 12 денариев (нем. пфеннигов).

⁴ Circulum — буквально: круг.

⁵ Hospes, hospitis (одно из значений) — хозяин.

⁶ Минцимистр (magistermonetae) — королевский чиновник, осуществлявший надзор за горной добычей выплавкой металла и монетной чеканкой в районах месторождений серебра.

⁷ По всей вероятности, имеется в виду тот случай, когда истцу не удастся найти трёх надёжных свидетелей.

⁸ По-видимому, имеется в виду ранение в ногу, вызвавшее хромоту (от нем. DieLende — бедро).

⁹ Т.е. принесением присяги.

¹⁰ Stagnum как металл имеет два значения — 1) смесь свинца с серебром, свинцовый блеск; 2) олово (*Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 2-е изд. М., 1976. С. 951).

¹¹ Имеется в виду локоть как мера длины.

¹² Стрих (стрых, стрихон) — чешская меры сыпучих тел (примерно 93 литра).

¹³ Одно из названий должности минцимистра (магистра монеты).

¹⁴ Фертон (лат. fertio, нем. Viertung) — денежно-счётная единица, равная ¼ марки.

¹⁵ Буквально: «Если же слово защитника или адвоката выйдет из уст истца» (sicutemplocutorissieaduocativerbumprocessitexoreconquerentis).

¹⁶ Вероятно, имеется в виду проживающий в доме хозяина наёмный работник, например, подмастерье.

¹⁷ Возможно, от нем. ahnen — подозревать, догадываться; ähnlich — похожий, подобный.

¹⁸ Schieben — двигать (нем.).

¹⁹ Под горами в данном случае подразумеваются месторождения серебра.

²⁰ Нем. Ort — место, местность.

²¹ По всей видимости, речь идёт о запрете начинать горные разработки в близком соседстве.

²² Вероятно, имеются в виду грунтовые воды.

Статья Карла Сабины «Славянство и панславизм» (1867)

Публикуется перевод фрагмента статьи чешского публициста, политического деятеля и писателя Карла Сабины «Славянство и панславизм». Перевод сопровождается комментариями, подготовленными для данного издания.

Ключевые слова: Карл Сабина, славянство, панславизм, чешская радикальная демократия.

Article by Karl Sabina "Slavs and panslavism" (1867)

Published translations an article by a Czech publicist, democrat and writer Karl Sabina. The translation is accompanied by comments prepared for this publication.

Keywords: Karl Sabina, Slavs, pan-Slavism, Czech radical democracy.

Публицист и писатель Карел Сабина (1813 — 1877) занимал важное место среди чешских радикальных демократов первой половины XIX века. Близкий друг видного общественно-политического деятеля Карела Хайнека Махи, Сабина внес значительный вклад в разработку идеологии чешских радикалов. До революции 1848 года им была основана тайная политическая группа чешский «Рипил», участниками которой являлись Й.В. Фрич, В. Гауч, Ф. Гавличек, В. Вавра, Л. Рупперт, Ян Кнедльганс-Либлинский и другие). Члены «Рипила» выступали за свержение абсолютизма Габсбургов, установление демократической республики, упразднение дворянских привилегий, расширение прав низших сословий, решение национального вопроса посредством демократических преобразований. Во время революции члены общества составили ядро радикально-демократического направления общественно-политической мысли Чехии.

Революционная деятельность К. Сабины стала причиной его ареста и тюремного заключения. В послереволюционные годы К. Сабина продолжал активную общественно-политическую деятельность. Он участвовал в работе общественных и рабочих объединений, читал лекции в рабочих аудиториях, публиковал статьи в газетах и журналах, некоторое время редактировал журналы «*Pražský noviny*» и «*Wčela*».

Придерживаясь революционных взглядов, К. Сабина обосновывал

мысль о необходимости революционных изменений в Австрии России. Проводя параллели с Габсбургской монархией, он осуждал политику царского правительства, считая, что перспективы развития славянских народов связаны с обретением ими самостоятельности, освобождением от непрерывной принадлежности к той или иной империи. Как и многие представители радикальной мысли, он считал желательным распад Российской империи и допускал возможность добровольного объединения ее народов с другими славянскими народами. Эти мысли нашли отражение в его статье, перевод части которой на русский язык публикуется в настоящем сборнике.

Перевод выполнен по изданию: *Sabina K. Slovanství a panslavismus // Čeští radikální demokraté (Výbor politických statí z r. 1848 — 1870) / Ed. K. Kosík. Praha, 1953. S. 304-305.*

Славянство и панславизм (фрагмент)

Давление и постоянное наступление, соединенное с необоснованно высокой уверенностью в силе национальной энергии России, характеризует это явление, основанием для которого является национальное и языковое родство. Однако западное славянство – чисто либеральное и стихийно федеративное. Оно не имело в прошлом и не будет иметь в будущем ничего общего с московским панславизмом, который жаждет все поглотить и подчинить себе.

Славянство, как нам представляется, по самой своей природе — раскрепощающее, поскольку самой маленькой нации оно дает право формировать общество и государство по-своему и стоит в полной оппозиции к деспотическому панславизму. Если же когда-то случится так, что в силу обстоятельств Россия реализует панславистскую идею и попытается распространить свой протекторат на все славянские народы, тогда она перестанет быть старой деспотической царской монархией и своими действиями вызовет собственный распад, и в этом случае либеральное славянство не отвернется от нее.

Монархисты (как республиканцы, так и федералисты) предлагают разные планы объединения славянских народов, хотя никто не знает, какую форму обретёт это объединение прежде, чем будет в состоянии выполнить свое общественное предназначение.

Тем не менее можно заявить уже сейчас, что нигде невозможно найти столько элементов социализма – этого пугала современных обществ – как в жизни и народном характере славян и что власти не смогут в своих действиях игнорировать эти элементы.

Что касается религиозной природы славян, то пусть никто не строит себе иллюзий на этот счёт. Наряду с обречёнными на неудачу попытками католизировать Россию, существуют, к счастью, иные средства для

обретения согласия – мы имеем в виду чувство терпимости, которое присуще славянскому характеру. Примеры этого заняли бы слишком много места, достаточно сослаться на историю польского католицизма, чешского гусизма. Даже самые разнообразные русские секты похожи друг на друга, как две капли воды.

Отметим только, что каждое из этих явлений имеет одни и те же нравственные и социальные корни, суть которых определяют волшебные слова о *свободных славянских общинах*.

Пусть случится, что угодно, мы не устрасимся ни материальных, ни интеллектуальных проблем, которые встретятся на нашем пути. Цель настолько прекрасна и грандиозна, что заслуживает того, чтобы в её достижении участвовало несколько поколений. И даже если сомнения в возможности сближения и достижения взаимного согласия между славянскими племенами одержат верх в испуганных душах, мы и тогда будем возвышать свой голос и настаивать на возможности этого. В борьбе состоит наша обязанность, в том числе — и перед нашими противниками.

1867

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 94

Е.В. Панин,
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский университет),
E-mail:ehonko@mail.ru

Рецензия на книгу Л.Е. Гришаевой «Пульс санкций: российский исторический аспект» (М.: ОнтоПринт, 2017. 224 с.)

В предложенной рецензии анализируется монография профессора Л.Е. Гришаевой, посвящённая проблеме санкций западных стран в отношении России. Актуализируется участие в этих санкциях государств Восточной Европы, в первую очередь, славянских стран.

Ключевые слова: санкции, экономические отношения, внешняя политика, международные отношения.

Review of the monograph by L.E. Grishayeva "Pulse of sanctions: the Russian historical aspect" (Moskow: OntoPrint, 2017. 224 p.)

The offered review analyzes views of professor L.E. Grishayeva of a problem of sanctions of the western countries against Russia. Participation in these sanctions of the states of Eastern Europe, first of all, of the Slavic countries is staticized.

Keywords: sanctions, economic relations, foreign policy, international relations.

Монография профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Л.Е. Гришаевой написана на важную и актуальную тему о западных экономических санкциях, введенных в 2014 г. в отношении России, и об их воздействии на российскую экономику в условиях глобализации.

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

В первой главе «Процесс глобализации. Россия как часть глобальной системы международных отношений» показана взаимосвязь и взаимозависимость современных мировых держав, включая Россию, в

обеспечении мирового правопорядка. Ни одна страна, сколь бы велика она ни была, не может диктовать всему миру свою волю, а игнорирование мнений отдельных стран, попытка их изоляции ни к чему хорошему привести не может.

Вторая глава «Санкции в условиях глобализации: динамика, цели, содержание, результаты, эффективность, перспективы» заставляет задуматься в первую очередь о смысле введенных против России санкций, о том, насколько адекватной является принятая парадигма Запада в сторону РФ и насколько эффективной она может быть.

«Мировая валютно-финансовая система в условиях финансово-экономического кризиса» – третья глава монографии – касается весьма актуальной и спорной темы влияния антиросийских санкций на глобальную экономику, а также влияния самого кризиса на российскую экономику.

Источниковую базу исследования составляют материалы Организации Объединенных Наций, ее структурных подразделений, официальные заявления дипломатов ООН, представителей стран-членов Совета Безопасности, публикации СМИ.

Библиография, использованная автором, весьма обширна. Видно, что в монографии использованы публикации специалистов с самыми разными точками зрения на рассматриваемую тему. Л.Е. Гришаева, проанализировав калейдоскоп мнений относительно антиросийских санкций, дает собственную оценку им.

В исследовании раскрывается исторический аспект введения международных санкций относительно России. Прослеживается их динамика, анализируются их цели, содержание, результаты воздействия на экономику нашей страны, оценивается их эффективность, рассматриваются перспективы развития взаимодействия России с ведущими международными организациями.

В работе Л.Е. Гришаевой выявлена суть западных санкций и убедительно доказано, что экономические санкции, в основном, преследуют политические цели, призваны решить задачу устранения потенциальных конкурентов в мировой экономической и финансовой сферах и противоречат законам открытого рынка. Автор справедливо, на наш взгляд, подчеркивает, что главное средство противостояния внешним санкциям – это развитие собственной передовой экономики.

Л.Е. Гришаева отмечает, что западные антиросийские санкции имеют противоречивый и неоднозначный характер. Представляется, что их изначальная цель состояла в стремлении изменить суть российского политического режима извне, взять Россию, обладающую ядерным статусом, под свой контроль, поскольку она изначально рассматривалась Западом как фактор, дестабилизирующий ситуацию на мировом рынке и ставящий под сомнение доминирование США в мире. Однако воздействие санкций на

экономику России оказалось не столь разрушительным, как изначально представлялось Западу.

Наиболее интересны, как нам представляется, выводы Л.Е. Гришаевой о политике импортозамещения. Очень убедительно показаны слабые стороны такого рода расчетов. По мнению автора, декларируемое импортозамещение – это повторение пути, уже пройденного другими, повторение дорогое и ненужное. В современных условиях невозможно выпускать сколько-нибудь качественные товары, находясь вне мировой конкуренции и без доступа к капиталам и мировому разделению труда. Россия вписана в мировую экономику, но из-за санкций, резкого удорожания и недоступности кредитов, закрываются даже прежние, ранее доступные, и, как казалось, весьма стабильные для нашей страны возможности, что приводит к сокращению ВВП.

Л.Е. Гришаева убедительно обосновывает вывод о том, что инерция негативного экономического спада была predetermined еще до введения западных санкций из-за отсутствия структурных реформ в российской экономике. Рост масштабов производства, как правило, обеспечивается за счет применения более совершенной техники, передовых технологий, достижений науки, более экономичных ресурсов, повышения квалификации работников. За счет этих факторов достигается повышение качества продукции, рост производительности труда, ресурсосбережения и т.п. Поэтому в краткосрочном плане импортозамещение лишь в незначительной степени может способствовать росту производства¹. Необходимо учитывать, что все успешные страны в мире сейчас очень глубоко интегрированы в цепочки добавленной стоимости. Они стремятся производить не всё подряд (от паровоза до гвоздя), как некогда Советский Союз, а прежде всего то, в чем добиваются наибольших успехов и совершенства. И если что-то получается лучше производить у других стран, то возникают международные цепочки добавленной стоимости: все производители берут лучшее с мирового рынка, и в результате в современном мире нет автомобиля, который бы полностью собирался из изделий, компонентов одной страны. Таким образом, если политику импортозамещения довести до логического завершения, то вполне можно получить то, что было в советское время. При этом следует ясноосознавать, насколько основные советские товары в 1980-е гг., в том числе, потребительские, по своему качеству отставали от зарубежных. Особенно это касалось радиоэлектроники, автомобилей, сложных технологических изделий, и т.д. Иными словами, импортозамещение условно может иметь незначительный и краткосрочный эффект, но доводить импортозамещение до крайности — явно непродуктивно и стратегически ошибочно. Импортозамещение должно применяться в очень дозированных объемах, иначе оно может привести к тем же проблемам, которые уже имели место во времена позднего СССР.

Л.Е. Гришаева считает, что импортозамещение, доведенное до абсурда, — это одна крайность. То же, что наблюдается в российской экономике и, в частности, в промышленности до сих пор, когда преобладают исключительно поставки сырья, — это уже другая, противоположная крайность. По мнению автора монографии, должна быть найдена «золотая середина», которую никак не удается достичь.

В действительности, даже до начала этого десятилетия у России была реальная возможность добиться промышленной диверсификации, разнообразить выпуск промышленной продукции совсем другим способом, чем пытаются это сделать сейчас. Именно так этого добились многие страны *Центральной и Восточной Европы*. Они встроились в европейские цепочки добавленной стоимости, привлекли огромные объемы инвестиций из развитых стран и в результате, например, в *Чехии*, которая исторически была развитой европейской промышленной державой, доля работников, занятых в промышленности, оказалась одной из самых высоких в мире. В *Чехию* вкладывали огромные деньги, она производила много продукции, которая высоко ценилась на мировых рынках. Сейчас *Центральная и Восточная Европа* уже перенасыщена промышленными мощностями с передовыми технологиями. Во многих случаях здесь уже невозможно привлекать больше работников в промышленность. Значительная часть дополнительных инвестиций могла бы прийти в Россию и другие страны бывшего СССР, но, к сожалению, нынешняя ситуация такую стратегию осуществлять не позволяет. Это, по мнению автора, является для нашей страны серьезной проблемой.

Сейчас Россия очень сильно зависит от *Европы*. Это и главный рынок сбыта, и партнер, который поставляет основную часть высокотехнологичной продукции, и, по сути дела, — единственный финансовый рынок для России. Известно, что 80-90% инвестиций в Россию приходят из Европы. Но высококвалифицированные специалисты из Европы не стремятся приезжать в Россию на работу, и это отрицательно сказывается на перспективах экономического развития нашей страны.

Анализируя суть западных санкций, автор отмечает их *точечную* направленность. Ограничения затрагивают не российское государство в целом, а отдельные экономические и финансовые секторы нашей страны. Отраслевая структура санкций свидетельствует о том, что они направлены против наиболее конкурентоспособных в настоящее время отраслей российской экономики: нефтяной, газовой и банковской.

В этой связи автор подчеркивает жизненно важный момент о санкциях по отношению к строительству новых газопроводов для экспорта российских энергоресурсов. Эти санкции, безусловно, существенно препятствуют прокладке и введению в эксплуатацию газопровода «Северный поток - 2». По вопросу о перспективах этого проекта среди членов Евросоюза нет единого мнения. Ведущие члены ЕС выступают против требований США,

продвигающих свои сланцевые проекты, запретить строительства газопровода. Сторонниками проекта «Северный поток - 2» являются Германия, Франция, Великобритания (пока находится в составе ЕС и нуждается в поставках энергосырья), Нидерланды. Так, если Германия неоднократно выражала, и на деле подтверждала значительными инвестициями свою заинтересованность в строительстве газопровода, с тем, чтобы получать газ непосредственно из России, то *Польша* (равно, как и другие страны Балтии), которую трубопровод обошел в прямом смысле слова, выступает резко против его строительства, подключив многочисленные экологические организации.

Европейский Союз удовлетворяет свою потребность в газе с помощью поставок из России, а также Норвегии и Алжира. Евросоюз пытается диверсифицировать поставщиков газа, дабы не допустить монополизации российских компаний («Газпром»). Так, проект мандата, подготовленный Европейской комиссией для министров энергетики стран ЕС, включает требования частично распространить положения так называемого Третьего энергопакета на подводную часть «Северного потока — 2». Частичное применение норм энергетического законодательства ЕС к подводной части трубопровода подразумевает приемлемый доступ к нему третьих сторон. Конкуренция за доступ к «трубе» и конечному потребителю может привести к некоторому снижению цены газа. Поэтому для Европы распространение норм Третьего энергопакета на подводную часть трубопровода может стать плюсом. Однако не все то, что хорошо для европейского потребителя, выгодно для России. Падение конечной цены на газ может привести к снижению экспортной выручки и экспортной пошлины и, как следствие, - к сокращению поступлений в российский бюджет. Правда, этот эффект может быть нивелирован увеличением объемов экспорта газа. Есть еще один чисто юридический нюанс: по действующим экспортным договорам поставщиком газа должен быть именно «Газпром». Все остальные вопросы решаются путем заключения дополнительных соглашений к контрактам. Текущая редакция мандата отмены монополии «Газпрома» на экспорт газа не гарантирует. Еврокомиссия пытается создать регуляторные условия для третьих сторон в получении доступа к подводной части газопровода, но из этого отнюдь не следует, что такие же условия для них создаст Россия, поскольку именно она их диктует странам-участникам проекта. Следует рассматривать мандат как декларацию европейцев о том, чего они ждут от России. При этом все прекрасно понимают, что никакой мандат не позволит Еврокомиссии провести либерализацию российского экспорта сетевого газа против воли российской стороны.

Между тем конгресс США 25 июля 2017 г. одобрил основополагающий законопроект о новых санкциях в отношении нефтегазового и банковского секторов российской экономики. На страницах монографии Л.Е. Гришаева подвергла этот документ основательному

критическому анализу. Обращает на себя внимание та часть документа, которая предусматривает усиление и расширение санкционного режима в финансовом и нефтегазовом секторах. Санкции угрожают всем, кто участвует в российских проектах глубоководной разведки и добычи, арктической нефтедобычи и сланцевой нефти и газа. В частности, документ предусматривает ужесточение ограничений на передачу американских технологий для разведки и добычи российской нефти на глубоководье, на арктическом шельфе и в сланцевых формациях. Если подобные ограничения действовали в отношении проектов «Газпром нефти», «Газпрома», «Сургутнефтегаза», «Роснефти» или ЛУКОЙЛа и ранее, то сейчас его предложили распространить на все проекты, в которых одна из этих пяти российских компаний владеет «существенной неконтролирующей долей» — от 33%. Запрет также может коснуться поставок американских товаров и технологий для «новых» нефтяных проектов на глубоководье, арктическом шельфе и в сланцевых формациях. Аналогичные меры будут введены и в отношении тех, кто содействует поставкам товаров, услуг, лицензий, информации и технологий для строительства трубопроводов для экспорта российских, энергоносителей.

Риском от введения новых американских санкций очень обеспокоены страны-члены ЕС, в первую очередь, Германия и Австрия, поскольку данная ситуация напрямую касается «Северного Потока-2». Дело в том, что все финансирование уже было осуществлено, все договоры подписаны, и, вдруг, европейские компании, финансирующие «Северный Поток-2», оказались под угрозой штрафных санкций. В случае с Paribas Bank² последние составили 9 млрд евро штрафа — большие деньги даже для очень крупного банка. Поэтому европейцами сейчас выдвигаются ответные политические требования, и им есть чем ответить на действия США. Так, Евросоюз в качестве одной из ответных мер на возможные новые санкции США против России, затрагивающие энергетические интересы ЕС, может ограничить доступ американских компаний к кредитам европейских банков. В заявлениях председателя Еврокомиссии Жана-Клода Юнкера подчёркивается, что Еврокомиссия готова принять экстренные меры в случае, если санкции США против России поставят под угрозу энергетическую безопасность Евросоюза, и что интересы США не должны иметь приоритет над энергобезопасностью Европы. Он дал понять, что одобренный в США законопроект может иметь непредвиденные односторонние последствия, которые отразятся на интересах ЕС в области энергетической безопасности.

Автор отмечает, что в законопроекте США есть еще один нюанс: он оформлен не отдельным документом, а пакетом, включающим также ограничительные меры против Ирана и Северной Кореи. В американском санкционном пакете Россия увязана, например, с Ираном, хотя вес этих стран в мире и их международные связи явно несопоставимы, и данная позиция

уязвима чисто с юридической точки зрения в случае апелляции европейцев в рамках ВТО по поводу нарушения норм торгово-экономического взаимодействия, определенных этой организацией.

Л.Е. Гришаева приходит к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что, по сути дела, американские санкции, *во-первых*, серьезно затрагивают интересы европейских компаний в энергетической сфере, и, *во-вторых*, имеют целью вытеснить Россию с европейских энергетических рынков. Пока не ясно, будут ли США действовать предельно жестко, и доведут ли свою политику до логического конца, а также, выступают ли европейские партнеры против воли США, поскольку прецедентов для разрешения столь острой конфронтационной ситуации ещё не было. Отстаивая свои собственные экономические интересы, европейцы возможно, будут действовать в интересах России, поскольку экономические интересы нередко побуждают к прагматизму в политике. России же следует тщательно разобраться в сложившейся ситуации и попытаться добиться сближения с Европой, пусть и на основе компромиссов³.

С точки зрения автора монографии, если бы ограничения на строительство трубопроводов были введены лет 10 назад, российская экономика, возможно, сильно бы выиграла. Помимо использования традиционных технологий могла быть проведена своевременная модернизация нефтяной и газовой отраслей, а также построены и введены в эксплуатацию новые мощности по глубокой переработке сырья. Кроме того, можно было бы проводить разумную и взвешенную, а не глубоко политизированную и зачастую убыточную, транзитную политику, что способствовало бы стабилизации экономик соседних стран, и росту доходности самой российской экономики, а часть доходов от прибыли можно было пустить на модернизацию.

Ограничения на продажу российским компаниям оборудования для разработки новых месторождений на шельфе также едва ли способны иметь эффект. При современных ценах на нефть разработка этих месторождений экономически невыгодна, поэтому и ограничения в поставках оборудования для их разработки не могут иметь особого эффекта (и могут даже иметь положительные последствия, ограничив инвестиции госкомпаний в неэффективные проекты).

В итоге эффект от западных экономических санкций оказывается весьма незначительным. Главное, как указывает автор, – необходим обоюдный отказ от крайне политизированного подхода к решению данной проблемы, поскольку в условиях глобализации подобные методы грубо нарушают действие законов открытого рынка.

Автор приходит к обоснованному выводу о том, что санкции имеют двоякое, как отрицательное, так и условно положительное влияние на состояние национальной экономики и развитие стран, против которых вводятся запреты. Вместе с тем, следует признать, что четкая классификация

системы санкций в международном праве до сих пор разработана недостаточно. Санкции, по сути дела, свидетельствуют об их изначальной политической заданности. Они являются инструментом мировой политики сильных государств с использованием ограничений в экономическом сотрудничестве для достижения собственных внешнеполитических целей. Санкции способны оказать разрушающее воздействие на слабые государства с деформированным народно-хозяйственным комплексом, высокой степенью зависимости от внешних заимствований, инвестиций и рынков. Нефть — это политический инструмент для манипулирования глобальной и региональной экономикой.

Автор подчеркивает, что России необходимо акцентировать внимание на модернизацию экономики: на внедрение в производство помимо традиционных технологий передовых технологий по глубокой переработке нефти; на создание высокотехнологичных отраслей экономики, с учетом того, что невозобновляемые ресурсы становятся все более труднодоступными и трудноизвлекаемыми. Только так можно преодолеть сырьевую направленность экспорта и войти в число высокоразвитых стран постиндустриального общества. Однако проблема состоит в том, что все модернизации требуют технологий, оборудования, знаний и рынков. А в нынешних условиях низких цен на нефть, сравнительно небольшого экспорта и высокого курса доллара Российское государство не может позволить себе радикально обновлять производственные фонды промышленности. Сменить экономические ориентиры будет очень сложно, поэтому ждать мгновенного изменения экономической линии было бы наивно.

Автор приходит к важному выводу о том, что ресурсно-сырьевая модель экономики неумолимо себя исчерпывает, и в мире происходит переход к инновационной модели экономики постиндустриального общества XXI века. Россия представляет собой составную часть глобальной финансово-экономической системы, где все решает эффективная экономика открытого мира.

Прослеживая методы санкционного воздействия и их реализации, автор убедительно доказывает, что политически мотивированные санкции в целом неэффективны, и не могут в принципе изменить существо политического строя других государств извне. По сути дела, экономические санкции носят политический характер, служат целям ликвидации потенциальных конкурентов в мировой экономике и противоречат закону открытого рынка. Главное средство противостояния внешним санкциям — развитие собственной передовой экономики, основанной на свободной конкуренции, гарантиях частной собственности, значительных вложениях в образование и существенное стимулирование повышения производительности труда. Деятельность государства должна быть направлена на создание благоприятных внешних условий для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности российской экономики, ее технологического

обновления, на упрочение позиций России как одного из влиятельных центров современного мира.

Механизм западных санкций организован так, чтобы не разорвать окончательно все экономические связи с Россией. По прошествии времени западные партнеры постепенно пришли к убеждению, что изменить российский политический режим извне невозможно. Все это достаточно быстро вскрыло изначально политизированный характер западных экономических санкций.

По мнению Л.Е. Гришаевой, только существенное реформирование экономики на либеральных основах и приведение в соответствии с ней политической системы государства позволит России стать подлинным мировым лидером. Между тем, на Западе идет осторожное прощупывание реакции, попытка понять, насколько эти санкции были серьезными, как они влияют, на что именно они влияют, и каким образом можно из них выходить. Если Россия не пойдет на какое-либо новое обострение в международных делах, то можно рассчитывать, по крайней мере, на частичную отмену санкций. Хотя, надо признать, что санкции, действительно, оказали лишь *побочный эффект*, но в целом не затронули существа экономики России.

Таким образом, западные антироссийские санкции имеют двойственный характер, и эффект их воздействия на экономику России неоднозначен. С одной стороны, санкции затронули чувствительные финансово-кредитные и энергетические сферы, с другой стороны, тяжесть санкций не столь велика, чтобы они были способны резко обрушить российскую экономику. Россия смогла адаптироваться к санкционным условиям, однако, решительного подъема экономики на основе инновационного развития пока не наблюдается.

Вместе с тем, автор опровергает преобладающее предвзятое и достаточно поверхностное представление по поводу сущности санкций, пытающееся убедить нас вовсе в отсутствии их негативного эффекта, и даже, наоборот, в их позитивном воздействии на российскую экономику. В высказываниях президента РФ Путина неоднократно звучало прямое или косвенное признание вреда санкций для экономики страны. Наличие экономических санкций следует считать вторым по значимости фактором, сдерживающим российскую экономику. Первый, определяющий, заключается в исчерпанности нынешней экономической модели, базирующейся главным образом на эксплуатации природных ресурсов, нефти и газа.

О перспективах сохранения системы санкций автор приходит к следующей выводу. Западные экономические санкции, несомненно, будут осложнять ситуацию в экономической и финансовой сферах России. Отрицательный эффект санкций в отдельных секторах российской экономики в будущем может возрасти, поскольку ряд санкций имеет *отложенный эффект*. Безусловно, необходимо добиваться отмены санкций,

но не любой ценой. Очевидно, что политические уступки со стороны России вовсе не ослабят на нее санкционного давления Запада, поскольку оно имеет своей целью вытеснить Россию в качестве потенциального конкурента с мирового рынка, хотя российская экономика объективно давно и достаточно глубоко встроена в мировую, что неоднократно подчеркивал президент РФ Путин. Получается, что вхождение России в глобальную финансово-экономическую систему – пока неполноценное, и не соответствует ее потенциальным возможностям. Вместе с тем, исключительно слабая конкурентоспособность России на мировом рынке лишь усиливает воздействие санкций на экономику страны. Эффект адаптации российской экономики к санкциям – частичный и весьма незначительный.

В то же время, санкции – это лишь внешний фактор, а не сами реформы, это лишь повод для начала их решительного и необходимого проведения. Причина снижения интенсивности экономического обмена между Россией и Западом — не в санкциях, а в тяжелом экономическом положении самой России. Отмена санкций видится как предпосылка для возвращения России в серьезную международную политику.

С точки зрения автора, санкционный режим, в случае его вполне вероятного и весьма очевидного продления Западом, по-прежнему, будет оказывать негативное, хотя вовсе не решающее воздействие на российскую экономику. Значит, в перспективе надо добиваться снятия экономических санкций, а это уже политическая сфера, но самое главное - необходимо в полной мере осознать острую необходимость проведения давно назревших реформ в стране.

В своей монографии автор, по сути, разработал концептуально новый исторический аспект научной проблемы на основе всестороннего изучения, систематизации и вовлечения в научный оборот новейших оригинальных, и, подчас, труднодоступных источников различных международных организаций, а также всевозможных российских и зарубежных документальных материалов самого широкого спектра. В работе имеется также общий список источников и литературы, составленный с учетом современного уровня состояния научной разработки проблемы.

Автор, безусловно, проявил научную смелость, разрабатывая проблему, находящуюся на стыке исторических и экономических научных интересов. В работе Л.Е. Гришаевой ставятся острые дискуссионные вопросы, по которым в научном сообществе нет еще однозначно сложившегося мнения. Работу Л.Е. Гришаевой отличает новизна и четкость поставленных задач, свежесть и оригинальность подходов к их решению. Работа автора изложена хорошим, образным и доступным языком, несмотря на сложность поставленной проблемы. Монография Л.Е. Гришаевой написана на высоком профессиональном уровне, и ее появление является безусловной удачей автора.

Каждая книга — большое событие как для самого автора, так и для читателей. При этом автор должен отвечать за результаты своей работы. Представляется, что монография Л.Е. Гришаевой, несомненно, вызовет профессиональный интерес у историков международных отношений и внешней политики, а также у всех тех, кому не безразлична экономическая ситуация в стране. Она будет полезна для всех, кто любит историю своей страны, переживает за состояние российской экономики, хочет разобраться в сложном переплетении современных внешнеполитических и внешнеэкономических проблем и, как образно выразился автор в названии своей работы, реально ощутить пульс санкций.

Примечания

¹Гришаева Л.Е. Пульс санкций: российский исторический аспект. М., 2017. С 46.

² Деятельность банка сосредоточена на финансировании энергетического и сырьевого секторов, в частности, попавшего под санкции Ирана.

³Гришаева Л.Е. Указ. соч. С.80.

Сведения об авторах:

Вацулик Ярослав — доктор философии, профессор, зав. кафедрой истории педагогического факультета университета имени Т.Г. Масарика (Брно, Чешская республика).

Галямичев Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (далее — СГУ).

Гимадеев Тимур Владимирович — аспирант кафедры Отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального государственного университета.

Гришаева Лидия Евгеньевна — доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории XX - XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Королева Оксана Владиславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и культурного наследия СГУ.

Креленко Наталия Станиславовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории СГУ.

Лушина Мария Григорьевна — аспирант кафедры всеобщей истории СГУ.

Многолетняя Елена Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории СГУ.

Панин Евгений Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Национального исследовательского университета «Московский авиационный институт» (МАИ).

Рабинович Яков Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии СГУ.

Французова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социально-гуманитарного образования Московского политехнического университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Статья из Чехии

Я. Вацулик. Отношение Русской Православной Церкви к чешским иммигрантам Волынской губернии (1870 — 1888 гг.).....3

Культурное наследие славянских народов и современность

О. В. Королева. Славянская культура в формировании идентичности туристской территории.....18

Статьи российских историков

М.Г. Лушина. Монастыри и развитие средневековых городов Великой Польши (X — XIII вв.).....30

Н.С. Креленко. Социальные функции польского сарматского портрета.....37

Е. Н. Многолетняя. Два издания в жанре «путешествий» из репертуара чешского книгопечатания раннего периода (1468 – 1620 гг.).....47

Я.Н. Рабинович. Из истории славянской колонизации Саратовского края: рыболовный промысел и торговля в левобережном Саратове в первой половине XVII века.....53

О.А. Французова. Идеи славянской интеграции в представлениях чешских радикалов первой половины XIX века.....72

Т.В. Гимадеев. Точка невозврата: Ян Гус и Бенито Муссолини.....77

А.Н. Галямичев. Гуситская традиция и образование Чехословацкой республики.....85

Л.Е. Гришаева. Россия, советская Украина, советская Белоруссия и Польша: проблемы учредительства ООН.....93

Публикации источников

А.Н. Галямичев. Грамота привилегий Немецкого (ныне Гавличкова) Брода (1278).104

О.А. Французова. Статья Карла Сабины «Славянство и панславизм» (1867)122

Критика и библиография

Е.В. Панин. Рецензия на монографию Л.Е. Гришаевой «Пульс санкций: российский исторический аспект» (М.: ОнтоПринт, 2017. 224 с.).....125

Сведения об авторах.....136

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 16

Сборник издаётся в авторской редакции

Ответственный за выпуск *А.Н. Галямичев*

Оригинал-макет подготовила *М.Г. Лушина*

Дизайн обложки *С.Н.Бердниова*

Подписано в печать 7.05.2018. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 7,7. Усл.-печ. л. 8,14 (8,75).

Тираж 100. Заказ № 716-2.

Типография «Техно-Декор»,

Саратов, Московская, 160, тел.: 77-08-48

sag-print.ru